

An aerial, high-angle photograph of a city, likely Kyiv, showing a dense grid of buildings. A large, bright orange and yellow fire or explosion is superimposed over the center of the image, creating a dramatic and somber atmosphere. The fire appears to be consuming the buildings in the center.

ЧЕРНАЯ КНИГА

ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КИЕВСКОГО НЕОНАЦИСТСКОГО РЕЖИМА

(Материалы Международного
общественного трибунала
по преступлениям украинских
неонацистов за 2025 г.)

Министерство обороны Российской Федерации
Международный трибунал по преступлениям
украинских неонацистов

ЧЕРНАЯ КНИГА

**ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
КИЕВСКОГО НЕОНАЦИСТСКОГО
РЕЖИМА**

**(Материалы Международного
общественного трибунала
по преступлениям украинских
неонацистов за 2025 г.)**

**Москва
2026**

УДК 343.337.4
ББК 63.3(2)622.1 + 67.408
Ч49

Автор книги:

*Член Общественной палаты РФ, председатель Международного
общественного трибунала по преступлениям украинских
неонацистов, директор Центра истории СВО М.С. Григорьев*

Редакционная коллегия:

*В.П. Горемыкин (председатель),
С.В. Гусев (заместитель председателя)
О.Г. Мосеев, И.Н. Сиваков, А.И. Колясников,
С.А. Ракаускас, Н.Б. Акбердин, К.Л. Бунятов*

**Ч49 Черная книга военных преступлений киевского
неонацистского режима. 2025 / М.С. Григорьев. – М.:
АО «Красная Звезда», 2026. – 180 с.: ил.**

В этом издании представлены собранные Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов и Центром истории СВО непосредственные непосредственные свидетельства пострадавших от Вооруженных сил Украины. В Курской области ВСУ расстреливали мирное население, включая женщин, детей и стариков, как в их собственных домах, так и при попытках эвакуации в гражданских автомашинах, с полным пониманием невоенного статуса жертв, наносили удары по больницам и церквям. На временно подконтрольной Украине территории русскоязычное население с 2014 года подвергалось постоянному террору. Показания свидетелей обличают украинскую власть в убийствах, пытках, избиениях, изнасилованиях, исчезновении людей и прицельных обстрелах их домов. ВСУ открыто говорили о своей ненависти к русскоязычному населению Донбасса, а угрозы убийств и расстрелов мирного населения были постоянной практикой киевского режима. Представленные в издании факты являются доказательствами военных преступлений, которые не имеют срока давности.

**УДК 343.337.4
ББК 63.3(2)622.1 + 67.408**

© Министерство обороны Российской Федерации, 2026
© Фонд исследования проблем демократии, 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели!

Вы открываете книгу, которая продолжает серию публикаций, раскрывающих бесчеловечность и варварство вооруженных формирований Украины, фактически ставших инструментом террора против мирного населения.

Неонацистский киевский режим, терпящий поражение на поле боя, делает ставку на индивидуальный массовый террор. Свидетельством тому являются обстрелы российских городов, террористические атаки БПЛА на жилые кварталы, диверсии на объектах гражданской инфраструктуры, а также покушения на представителей государственной власти и военнослужащих.

По мере освобождения ранее захваченных территорий становится очевидным масштаб совершенных вооруженным силами Украины преступлений: массовые расправы над гражданским населением, злодеяния и зверства в отношении стариков, женщин и детей, никогда не державших в руках оружия.

В этой связи работа по поиску, сбору, фиксации и доведению до широкой общественности свидетельств очевидцев и жертв злодейств бандеровского режима чрезвычайно важна. Собранные факты должны лечь в основу расследований и обвинительных приговоров судов в отношении как непосредственных исполнителей, так и организаторов этих чудовищных деяний, включая руководство украинского государства во главе с офисом президента Владимира Зеленского, санкционировавшим и обеспечившим возможность совершения подобных преступлений против мирного населения.

Минобороны России всемерно поддерживает усилия Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов. Общественная организация,

созданная по инициативе российских и зарубежных общественных деятелей, правозащитников, на протяжении четырех лет занимается сбором доказательств о преступлениях вооруженных формирований Украины против мирных граждан, способствует выработке должной правовой оценки кононавистической, насквозь русофобской сути нынешнего режима в Киеве.

И весомое подспорье в этом деле – правдивые истории, которые содержит настоящее издание.

*Заместитель Министра обороны
Российской Федерации – начальник
Главного военно-политического управления
Вооруженных Сил Российской Федерации
генерал армии В.П. Горемыкин*

ВСТУПЛЕНИЕ

Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов создан в марте 2022 года в ходе международной конференции по инициативе российских и зарубежных правозащитников, юристов и журналистов. В настоящее время в его состав входят представители гражданского общества 35 стран мира (США, Канада, Германия, Франция, Испания, Польша, Индия, Аргентина, Италия, Австралия, Израиль, Сербия и др.).

Основная задача Международного общественного трибунала – сбор свидетельств о преступлениях киевского неонацистского режима, передача их в правоохранительные органы и представление информации о них на российских и международных площадках.

Собранные в данном издании показания пострадавших и очевидцев преступлений киевского неонацистского режима в полной мере изобличают его в системных и целенаправленных убийствах мирных жителей, включая женщин и стариков, из стрелкового оружия и с помощью беспилотных летательных аппаратов – как с использованием дронов-«камикадзе», так и с помощью сброса с дронов разнообразных взрывчатых устройств. Эти убийства совершались и против российских граждан на территории Курской области, и против русскоязычных мирных жителей территорий, которые находились под контролем Украины.

Против последних киевский режим с момента прихода к власти после незаконного антиконституционного переворота в 2014 году вел масштабный целенаправленный террор. Одним из элементов этого террора было фактическое разрешение киевским режимом вооруженным силам и спецслужбам Украины, а также созданным ими разнообразным «батальонам смерти» осуществлять убийства, изнасилования, пытки, избиения и разнообразные внесудебные расправы над местными жителями. Даже в единичных случаях установления виновных

в убийствах со стороны украинских судов никто из убийц не понес наказания. В подавляющем же большинстве случаев украинская правоохранительная система даже не пытается установить и наказать организаторов и участников убийств.

Вооруженные силы Украины годами обстреливали и уничтожали мирную инфраструктуру в населенных пунктах Донбасса, находившихся под их контролем.

Собранные Международным общественным трибуналом и центром Истории СВО свидетельские показания однозначно доказывают, что Вооруженные силы Украины системно и намеренно убивали собственных граждан для того, чтобы западные и украинские журналисты могли снять кровавые срежиссированные съемки с целью обвинения России. Как правило, местные жители прямо называли местонахождение позиций украинских военных подразделений, откуда они подвергались обстрелам.

Во время бегства из освобождаемых Вооруженными Силами Российской Федерации населенных пунктов киевский режим практикует массовые расстрелы мирных граждан.

Например, Международный общественный трибунал установил присутствие тел более сотни убитых ВСУ мирных граждан в городе Селидово: их расстреливали на улицах, в частных и многоквартирных домах целыми семьями. Эти убийства нередко осуществлялись прямо на глазах опрошенных нами свидетелей.

Киевский режим также на постоянной основе осуществляет обстрелы и уничтожение православных храмов, больниц, домов мирных граждан.

Собранные Международным общественным трибуналом и центром Истории СВО данные однозначно доказывают, что временно захваченные Украиной населенные пункты Курской области подвергались тотальным грабегам и воровству. Аналогичная ситуация установилась с 2014 года во временно контролируемых Украиной русскоязычных населенных пунктах Донбасса.

В большинстве случаев это никак не скрывалось и делалось на глазах у обворовываемых жителей. Свидетели говорят о том, что их имущество открыто вывозилось грузовыми автомобилями, пересылалось с помощью украинской почты, нередко продавалось на близлежащих территориях, находящихся под украинским контролем. Обычной практикой было и то, что при сбыте украденного продавцы открыто говорили и даже писали, что это «товары с Донбасса» или «товары из Курской области». Воровство украинских военных носило тотальный характер: аудио- и видеоаппаратура, включая телевизоры, бытовая техника, включая холодильники, микроволновые печи и пылесосы, сантехника, одежда, детские игрушки и мебель, женское нижнее белье и т. д. Они грабили не только частные квартиры и дома, но и государственные организации, школы, детские сады.

Представленные в данном издании свидетельства пострадавших также однозначно доказывают, что убийства российских военнопленных являются постоянной практикой киевского режима.

Вернувшиеся после украинского плена российские военнослужащие рассказывают о зверских пытках, которым их подвергали украинские военнослужащие, сотрудники Службы безопасности Украины, а также их пособники: отрубания и просверливание их конечностей, стрельба в органы тела, ущемления половых органов, пытки электротоком, прижигания раскаленными металлическими предметами, травля собаками, разнообразные удушения и использование американской пытки с помощью утопления, многодневные избиения с помощью металлических труб и тросов, палок, молотков, бит и других предметов, а также изощренные издевательства, которым они подвергались. Многие российские военнослужащие также были убиты украинскими военными уже в статусе военнопленных или умерли в результате пыток. Приведенные ниже факты пыток и убийств российских военнослужащих основаны на свидетельских показаниях освобожденных из

украинского плена в результате официальных обменов пленными с Украиной.

Эти преступления киевского режима согласно международному гуманитарному праву являются военными преступлениями, грубыми нарушениями целого ряда Женевских конвенций и преступлениями против человечности.

Собранные Международным общественным трибуналом и Центром истории СВО свидетельства не только передаются в российские и зарубежные правоохранительные и судебные органы, а также используются постоянным представительством России во время заседаний СБ ООН, но также на постоянной основе передаются в российские государственные архивы на «вечное хранение».

*Член Общественной палаты РФ, председатель
Международного общественного трибунала
по преступлениям украинских неонацистов,
директор Центра истории СВО М.С. Григорьев*

Преступления ВСУ в Курской области

Во время атаки на Курскую область Вооруженные силы Украины расстреливали мирное население, включая женщин, детей и стариков как в их собственных домах, так и при попытках эвакуации в гражданских автомашинах, с полным пониманием невоенного статуса жертв, – по свидетельствам выживших, иногда прямо глядя им в глаза.

Жители Курской области, которым удалось бежать от украинских войск, приводят многочисленные примеры того, как они лично оказывались жертвами ВСУ, а также очевидцами преступлений.

Например, жительница села Казачья Локня 75-летняя Галина Самборская рассказывает, как военнослужащий ВСУ стрелял по их машине и машине ее друзей. На ее глазах он выстрелил по первому автомобилю и убил находящуюся там женщину. Ей самой военнослужащий ВСУ прострелил бедро: «Там очень глубокая рана».

Житель города Суджа Артем Кузнецов свидетельствует, как была убита его беременная жена и ранен двухгодовалый ребенок, а украинский боевик стрелял в него, смотря ему прямо в глаза: «На обочине – солдат ВСУ. Мы с ним перекинулись взглядом, и он прострелил мне кепку... А беременная жена ехала сзади, метров семьдесят от меня... Слышу, что идет огонь по ней. Нина уже была без сознания. Матвею год и девять месяцев. У него осколочная от металла в спинке, одно глубокое в плечо».

Виктор Кабанцов из села Малая Локня рассказывает, как по дороге в Суджу объезжал мины и попал под украинский обстрел: «Я ехал сам в машине, а сзади ехал сын с невесткой и со сватьей. В песке, в кучах сидели украинцы и нас начали расстреливать... Ранили меня в руку. Сын обехал меня и удалось ему тоже уехать, ранило его в руки, но удалось уехать».

Председатель Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов М.С. Григорьев представляет доклад с доказательствами преступлений киевского режима против лиц пожилого возраста

Славик Алоян, житель села Благодатное, говорит о том, как его машина была расстреляна украинскими военными, когда он ехал из села Благодатное в Рыльск. Сначала его «Ниву» расстреляли из автоматов, потом еще выстрелили из гранатометов. К счастью, в саму машину во второй раз уже не попали, а сам С. Алоян сумел сбежать через поле: «ВСУ всех расстреливают. Я не знаю почему». При эвакуации семью Сергея Ворошилина из Суджи обстреляли два украинских военнослужащих. Ими был убит его дядя, а сам он чудом спасся: «Я больше грешу на поляков. Время от времени из тех районов выходят, людям рассказывают ужасные истории».

ВСУ намеренно убивали мирных граждан дронами-камикадзе, как поодиночке, так и в группах, однозначно понимая, кто перед ними находится, а также совершали удары по гражданским машинам, в которых жители пытались эвакуироваться.

Машину Светланы Верхоломовой из Суджи украинские военные сначала обстреляли из автоматов, а потом ударили по ней дроном. В результате этих атак она получила контузию и осколочные ранения, а ребенку 10 лет осколками посекло лицо и ногу: «ВСУ, честно сказать, даже людьми их нельзя назвать – не люди».

Наталья Шелехова из села Черкасское Поречное рассказывает, как на их машину, в которой ехала она с супругом, а также ее дочка, зять и внучка двух лет, украинский дрон несколько раз сбрасывал гранаты, в результате чего она получила осколочные ранения: «Два раза какие-то как огненные шары были. Ну, нам удалось все-таки уйти от дрона. Украинцы нас просто хотят поубивать».

Украинский дрон атаковал жителя села Гuevo Николая Дзюбу около его дома, несмотря на то, что он был в гражданской одежде. В результате атаки сгорела соседская машина, а сам он получил осколочные ранения: «Я был одет как обычный сельский житель. Украинцы видели, что я гражданский человек».

Жительница города Суджа Анна Люшная также была ранена в результате атаки украинского дрона, когда они с мужем выезжали из города: «Я сначала подумала: что-то в лужу заехали. Потом колено начало гореть. Спереди сидел мужчина, сосед. Ему тоже попало».

Пытавшимся убежать от ВСУ мирным жителям представляла ужасная картина. Жительница деревни Куриловка Зоя Ананьева рассказывает, как она видела в уничтоженных гражданских машинах тела людей: «Смотрела в УАЗик, там сидят два обугленных трупа. Заглянула по другую сторону УАЗика. Я увидела, лежит человек, с правой стороны нет руки, а поодаль лежит еще туловище без ног и без головы. Еще шагов через пять была разбитая красная гражданская машина».

Ирина Морозова из поселка Коренево рассказывает о том, как ВСУ убивали мирное население в ее поселке: «Люди пытались на своих машинах выехать из села, а их расстреливали

в упор из автоматов. Выезжало пять машин, и всех расстреляли. Ни единого человека в живых не оставили... Люди из села Коренево рассказали, что когда ВСУ заходили, то просто расстреливали автоматными очередями, не смотря, кто там – старики, дети, взрослые люди».

Виктор Кабанцов из села Малая Локня рассказывает, что когда он проходил по дороге, то видел тела убитых ВСУ людей: «Начали выходить в сторону Большого Солдатского. По дороге люди лежали. Много убитых там».

Киевский режим также целенаправленно обстреливал и уничтожал российские мирные объекты, больницы, госпитали, машины скорой помощи, православные храмы.

Жительница Курской области Ирина Шурупова рассказывает: «Буквально через полчаса главный врач сказал, что вот эту “третью” скорую расстреляли. Это как раз та скорая, где фельдшера и водителя убили. Она за нами ехала».

Александр Гриненко из села Куриловка рассказывает об украинских ударах по больнице: «Сначала не долетело. Но в итоге они все равно больницу подожгли. Третий этаж, хирургия сгорела».

Об аналогичных обстрелах свидетельствует и Сергей Жердев из села Большое Солдатское: «ВСУ начали обстрел Большого Солдатского. Попали сначала в больницу. Я вышел из дома, и они попали на дорогу, а потом попали в наш дом».

После освобождения городов и поселков Курской области от украинских войск Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов также были зафиксированы свидетельства пострадавших и очевидцев преступлений Вооруженных сил Украины.

Жители Курской области рассказывают о многочисленных случаях расстрелов и убийств мирных граждан киевским режимом во время украинской оккупации.

Николай Гриненко из деревни Куриловка свидетельствует об убитых украинскими военнослужащими: «Возле колонки

Любу застрелили, она набирала воду. Она пенсионерка. Ее застрелили прямо в голову. Я хоронил. Коля Кузнецов... Смотрю, он в кустах лежит, тоже в голову убит».

Светлана Ильина из села Черкасское Поречное рассказывает о том, как в собственном доме была убита ее мама: «У нее были пулевые ранения. В этой комнате у нас висели на стене портрет моего брата в форме – он служил в полиции – и портрет моего племянника в форме ВДВ, он служил в армии. И в этой комнате была убита моя мама. Ее убили в августе, когда украинские солдаты зашли в село Черкасское Поречное. Ей было 72 года».

Наталья Щеглова говорит о том, что видела собственными глазами: «Когда мы шли к колодцу, на углу школы лежал мужчина. Он каждое утро ходил к храму, крестился – как здоровался, ходил к храму. Его украинцы расстреляли, и он долго лежал».

Алексей Богунов рассказывает о том, как мирные жители города Суджи были расстреляны лишь за то, что заявили украинцам, что они – хозяева на своей земле: «На второй или на третий день украинцы двух наших уложили на площади. За то, что наши сказали, что мы тут хозяева. Их сразу украинцы убили, сразу расстреляли их. Возле Дома культуры, в августе».

Леся Рыльская свидетельствует: «Когда 7-го числа люди хотели выехать, украинцы стояли уже на кольце, на Судже, расстреливали всех мирных, чтобы они не смогли выехать... На моих глазах ехала семья из города, украинский дрон их ударил, и машина сгорела просто заживо. Я только слышала, как ребенок маленький крикнул “А!” и все... Я так понимаю, там были муж, жена и ребенок. Всех убили».

Елена Фурсова из села Лебедевка рассказывает о страшных событиях украинской оккупации населенных пунктов области: «В разных местах украинцы расстреливали людей. Мы с сыном ездили к себе до Суджи, и люди лежали, трупы прямо лежали».

Украинцы возле интерната расстреляли двух цыган. На вокзале у нас были три убитых тела – все мирные граждане. Кольку Орехова расстреляли. Лену, продавщицу, убили. Очень многих. Человек 20 убили, которых знаем мы. В Казачке очень много, в Казачьей Локне. Я думаю, там человек 25, которых они поубивали. Это которых мы лично знаем. Мишку убили Зарудного. Кума его убили, зовут Ванька».

Татьяна Мелихова рассказывает, как сама чудом осталась в живых: «В меня тоже снайпер стрелял... Я прошла дальше, поворот уже завернула, вышла на асфальт и они начали стрелять... возле меня, возле плеча правого прошла пуля... Я помню, потом женщина ехала в машине, ее машину украинцы расстреляли. Мужа убили. Ехали по трассе в Казачьей Локне. Женщина жива осталась, палец, фаланга на одной шкурке болталась, прострелили плечо, руку. В крови была».

Михаил Богачев из села Черкасское Поречное рассказывает: «Они стреляли все подряд. Есть там люди, не есть там люди. Просто едет украинский БТР, стреляет по домам, по окнам, по крышам, по дворам – по всем. Убили людей дронами, кто хотел убежать через луг. Украинцы за ними не бегали, просто вслед стреляли, расстреливали».

Владимир Шарунов из хутора Никольского рассказывает о том, как его самого чуть не убили: «Я зашел в подвал. Нашел мужчину и двух женщин. Уже мертвых. Деваться было некуда. Там и остался. Снова пришли украинские войска. Украинская речь. Отозвался. На это получил автоматную очередь и две гранаты в подвал. Они думали, что я уже мертвый».

Жители рассказывают о случаях изнасилований и зверских избиений местного населения. Нина Бондарева из города Суджи свидетельствует: «Воду мы ходили брать на улицу Забродок, там мужчина прямо плакал. Которые первые приехали украинские военные, у него жену забрали, в машину кинули, а потом привезли. Ее насиловали, и она умерла потом».

Анна Богунова из города Суджи рассказывает: «ВСУ изнасиловали бабушку в Заолешенке у одного дедушки: приехали, прямо так и сказали, что мы твою дочку заберем, попользуемся и вернем... Опять же прямо из дома у другого отца забирали дочку. Вы сами понимаете, что с ней делали».

Николай Гриненко из деревни Куриловка свидетельствует: «А Светлану ВСУшники изнасиловали. Она из города шла через Куриловку... Когда она водичку носила, ее украинцы и изнасиловали, и избили. Немножко рассудок у нее потом пострадал от этого».

Отец Евгений, настоятель храма в городе Суджа, рассказывает о случаях расстрела как российских мирных граждан, так и военнопленных: «Не так посмотрел. Не так сказал. Нарушил комендантский час. Расстреляли. Убили. Обнаружили однажды наших солдатиков, которые прятались. Выволокли. Двоих просто расстреляли сразу».

Зафиксированы многочисленные случаи, когда украинские вооруженные силы целенаправленно убивали мирных граждан как из стрелкового оружия, так и сбросами с дронов или ударами frv-камикадзе.

Наталья Шерстнева из села Гончаровка, которая была сама ранена ударом украинского дрона, рассказывает: «Произошло это 11 марта. У меня плиточка, я пекла хлеб в формочках, отнесла соседям. Иду от соседей, голову поднимаю вверх, а дрон висит. И, смотрю, резко он – раз, вниз. Слышу взрыв, пламя, пламя страшное и – меня по спине. Сознание теряю. На четвереньках в уголочек забилась. Меня тот уголочек и спас... А Колю нашли пришпиленного, видать. Его волной отбросило к штакетнику и обгорел весь. Мы хоронили соседей, которые умирали».

Раненная украинским дроном Валентина Поплавская из села Мартыновка свидетельствует: «В середине ноября 2024-го летит украинский дрон. Он же видит, что мы там стоим. Взрывается. Вере осколки в голову, она падает, а мне в ногу.

Вера не дожидая до дня рождения. У нее 20-го день рождения. У меня кровь пошла, все больно».

Богдан Белобров рассказывает об украинском преступлении, свидетелем которого он стал: «При нас сожгли машину с семьей ударом украинского fpu-дрона. Там семья была – мужчина, женщина и ребенок... женщина держала белый флаг или тряпку... Русские для них не люди. Некоторые украинские солдаты прямо говорили – мы всех тут вас бы перестреляли... Говорили, что мы для них не люди, что вас надо расстреливать, вешать».

П. Игнатов из села Алексеевка рассказывает: «Украинский дрон пролетел в одну сторону, разворачивается – в другую. Я говорю: “Вот, я его вижу, вот он”. Он приземляется – и бух, в нас. Восемь человек, двоих ранило. Кроме меня еще бабушку ранило. 80 с чем-то лет бабушке».

Отец Евгений, настоятель храма в городе Суджа, свидетельствует: «Люди бежали из Суджи и, конечно же, били по ним. Били, били. Fpu-дроны непосредственно догоняли мирские машины и уничтожали. Мы были свидетелями этому. Мы видели разбитые машины, видели торчащие ноги с обочины, людей, которые были уже убиты... Я одну семью вывозил с маленьким ребенком. Я молчал, а бабушка, видя, что творится по обочинам, просто закрывала рукой глаза ребенку».

В нарушение Женевских соглашений украинские войска разрушали мирную инфраструктуру, наносили удары по храмам и больницам.

Иеромонах Мелетий из Горнальского монастыря рассказывает: «В первые дни именно в храм они били... Они начинают, дрон висит – и планомерно бьют по храму. Литургию не бросишь, и священник наш не испугался. У нас мама моя, 82 года, ее водить надо. Все в Куриловку поехали... А в машине позади моей, там, где мама моя сидела, Сережа, послушник, сидел. Ему украинская пуля попала в легкое... Чуть отъехали, я дверь открыл, выбежал, подбежал к машине, открыл дверь и сразу вижу, что он мертвый».

Храмы им не нужны просто. Именно сатанизм. Немцы, фашисты, шли на Суджу, пять храмов оставили. Великая Отечественная война – остались пять храмов. А вот тут украинцы пришли и лупят. Такая ненависть к нашему Московскому патриархату».

Украинские грабежи в Курской области носили тотальный характер. Жители свидетельствуют, что в грабежах участвовали не только украинские военнослужащие, но и жители Сумской области. Забирали деньги, украшения, электронику, бытовую технику, мебель, сантехнику, продукты, машины, сельскохозяйственную технику, новое и ношеное нижнее белье, детские игрушки и т. д.

Отец Евгений, настоятель храма в Судже, рассказывает: «Во время украинской оккупации был откровенный грабеж. Несмотря на то, что сидят люди в доме, просто заходят украинцы нагло, с автоматом, забирают компьютеры, ковыряются в вещах, забирают драгоценности. Это было повсеместно... Мне рассказали, как украинцы обнаружили случайно дорогую машину и нашли ключи от этой машины. Так этот украинский солдат бегал, скакал на радостях и кричал: “Я всю жизнь мечтал именно о такой машине!” В Сумах продавались туры на грабеж Суджи.

Крали украинцы, в первую очередь, машины, технику, компьютерную технику, фотоаппараты, телефоны, драгоценности. А потом, позже, по словам наших жителей, тащили все. Извините меня, и нижнее белье. Все выгребали. Такое ощущение, что украинские солдаты – варвары, дикари».

Богдан Белобров рассказывает: «Грабили украинцы сначала самое ценное – золото, драгоценности. Потом пошла в ход техника, компьютер, машины. Вплоть до женских вещей. Знакомая женщина рассказывала, что у них в квартире дверь вырвали вместе с коробкой. И некоторых вещей, даже личного нижнего белья, не досчиталась».

Елена Савченко из села Заолешенка подчеркивает тотальный и системный характер украинских грабежей: «Украинцы грабили все – от бытовой техники, ну, вплоть до трусов, скажу так. И даже маникюрные наборы... Понимаете, забирали все. Ложки,

вилки. Начиналось с четверга, начинают выставлять. Каждую неделю. Вот одни прошли, смена сменилась на другую. В пятницу грузятся и вывозят. И так каждую неделю».

Елена Фурсова из села Лебедевка свидетельствует: «Украинцы грабили. Все повывезли. Машины, мягкую мебель, постель. Ну, короче, все полностью. Кухонные гарнитуры. У нас село богатое. Ну, жили все, кто работал. Вывозили все. На своем отвозили. Все, все вывозили. Даже снимали, Господи, там утеплители даже со стен. Прямо и постельное белье, и мебель, все остальное, все что угодно. Я лично видела. Они каждый день в одном доме могли много раз зайти – гребли все. Прицепы, машины, вещи, зимнюю одежду. Ну, что было у людей, все забирали. Все забирали. Забирали даже матрасы. Дом за домом».

Наталья Щеглова рассказывает: «Приезжали ВСУ машинами, загружали машинки стиральные, технику, котлы. Вначале приходили, готовили, все как-то подготавливали, в смысле выносили уже из домов, внизу пораскручивали, а потом ночью приезжали. Меня встречает моя знакомая, говорит, что ты думаешь, вот в этом доме у нас жил инвалид. Заехали ВСУ и вынесли даже памперсы».

Свидетели говорят о том, что в их отрядах присутствовали говорящие только на польском языке. Вадим Агапов из села Заолешенка рассказывает: «Некоторые не говорили по-украински, польский язык. Эти ребята убили мужа Людмилы Беловой».

Местные жители прямо сравнивают их действия с поведением немецких фашистов во время Великой Отечественной войны и делают предположения о мотивах украинских военных преступлений.

Владик Хуриев из слободы Белой считает, что то, что «украинские войска уничтожали мирных – это как месть, специально. Как и раньше, в Великую Отечественную войну, нацисты ничем не гнушались. Нацисты и их палачи. Так и по сей день осталось. Им без разницы, в ребенка это летит или еще куда-то. Они это делают специально, чтобы запугать народ».

Представленные в данном издании свидетельские показания в полной мере изобличают киевский режим в системных и целенаправленных убийствах жителей во время украинской оккупации ряда городов и населенных пунктов Курской области, включая женщин и стариков, из стрелкового оружия и с помощью беспилотных летательных аппаратов – как с использованием дронов-камикадзе, так и сбросов разнообразных взрывчатых устройств с дронов, а также в намеренном уничтожении храмов, больниц, домов мирных граждан и другой гражданской инфраструктуры, избиениях, изнасилованиях, тотальных грабежах, что согласно международному гуманитарному праву является военными преступлениями. На первом этапе вторжения в Курскую область вооруженные силы Украины намеренно убивали мирное население при захвате населенных пунктов, а также при попытках эвакуации в гражданских автомашинах с полным пониманием их мирного статуса.

Согласно международному гуманитарному праву представленные ниже факты украинских военных преступлений являются грубыми нарушениями целого ряда Женевских конвенций. Например, IV Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 года определяет необходимость предоставления защиты по отношению к гражданским лицам. С этой целью «всегда и всюду будут запрещаться... посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности, всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязание».

Ряд методов ведения войны прямо запрещены договорными и обычными нормами международного государственного права. Например, грабеж определялся как военное преступление уже в докладе учрежденной после Первой мировой войны Комиссии по ответственности, а также в Уставе Международного военного трибунала (Нюрнберг), созданном после Второй мировой войны.

Киевский режим намеренно и массово нарушает Женевские конвенции и совершает военные преступления, которые не имеют срока давности.

**Ильина Светлана Михайловна, село Черкасское Поречное
(Курская область).**

«Мою маму, лежащую в своем доме, первый обнаружил Штаненко Александр Николаевич. У нее были пулевые ранения.

Она была в комнате, которая у нас называлась “зал”, потому что это общее такое помещение было, где диван, кресла у нас стояли. В этой комнате у нас висели на стене портрет моего брата в форме – он служил в полиции – и портрет моего племянника в форме ВДВ, он служил в армии. Два портрета находились в этой комнате. И в этой комнате была убита моя мама. Ее убили в августе, когда украинские солдаты зашли в село Черкасское Поречное.

Ей было 72 года. Она не представляла никакой для них угрозы. Я вообще не понимаю, зачем нужно было ее убивать».

**Бондарева Нина Дмитриевна, 68 лет, город Суджа
(Курская область).**

«Воду мы ходили брать на улицу Забродок, там мужчина прямо плакал. Которые первые приехали украинские военные, у него жену забрали, в машину кинули, а потом привезли. Ее насиловали, и она умерла потом.

У нас много было украинцами расстрелянных людей. Их дроны сбрасывали на дома гранаты, и расстреливали дома тоже, и поджигали они их. От меня через дом – Красноармейская, 8 – сгорел дом. Украинцы ушли и подожгли.

Грабили. В окно смотришь, они в дом зашли, рюкзаки у них, тележки, сумки. После них в домах побито все. Все разбито, все выкинуто. Расколочено полностью».

Фурсова Елена Васильевна, село Лебедевка (Курская область).

«В разных местах украинцы расстреливали людей. Мы с сыном ездили к себе до Суджи. И люди лежали, трупы прямо лежали – мирные люди. И украинцы возле интерната расстреляли двух цыган. Два трупа. Наверное, лет по 35. На вокзале у нас были три тела убитых – все мирные граждане.

На Махновке, где старшая дочка жила, много убили они. А еще Кольку Орехова расстреляли. Брат его похоронил на огороде. Лену, продавщицу, убили. Очень многих.

Человек 20 убили, которых знаем мы. В Казачке очень много, в Казачьей Локне. Я думаю, там человек 25, которых они поубивали. Это которых мы лично знаем.

Директора расстреляли, Мишку убили Зарудного. Кума его убили, зовут Ванька. Очень много.

У ВСУшников, получается, приказ был убивать. В последний раз, когда сейчас вывозили 7 лет мальчика, ему руку оторвало. Им без разницы – детей, не детей.

Украинцы грабили. Все повывезли. Машины, мягкую мебель, постель. Ну, короче, все полностью. Кухонные гарнитуры. У нас село богатое. Ну, жили все, кто работал. Вывозили все. На своем отвозили. Все, все вывозили. Даже снимали, Господи, там утеплители даже со стен. Прямо и постельное белье, и мебель, все остальное, все что угодно. Я лично видела. Они каждый день в одном доме могли много раз зайти – гребли все. Прицепы, машины, вещи, зимнюю одежду. Ну, что было

у людей, все забирали. Все забирали. Забирали даже матрасы. Дом за домом.

А кто плохо посмотрит на украинцев, тех убивают. Украинцам ничего нельзя говорить. Расстреляют. Они какие-то, как фашисты были. Нелюди. У них ненависть, потому что мы русские».

Богунов Алексей Николаевич, 83 года, город Суджа (Курская область).

«На второй или на третий день украинцы двух наших уложили на площади. За то, что наши сказали, что мы тут хозяева. Их сразу украинцы убили, сразу расстреляли их. Возле Дома культуры, в августе.

ВСУ изнасиловали бабушку на Заолешенке у одного дедушки. Приехали прямо, так и сказали, что мы твою дочку заберем, попользуемся и вернем. Ну, дедушка старенький, что мог им ответить?

Опять же прямо из дома у другого отца забирали дочку. Ну, вы сами понимаете, что с ней делали.

Убивали и молодых, и старых – просто так, за то, что появились не в том месте, не в то время. Им было все равно, военные перед ними или гражданские. Они психопаты, я не знаю, или под наркотиками были.

Лично нам угрожали расстрелом. Уже где-то под Новый год. У нас собирались отобрать машину. У нас же гаражи были подписаны. Два гаража наших оставалось. Подписаны: “Люди”. За отказ отдать машину говорили: “Я тебя сейчас тут расстреляю”. Прямо в глаза. Махали автоматом.

Украинцы в каждый дом заходили, а потом машинами увозили наворованное. В одной организации огнетушители забрали, кабель. Катушки были – катушки забрали. Кабели забрали, огнетушители забрали.

Из домов частных воровали все, что было. Зашел один, выходит уже с рюкзачком или сумкой. Потом другие заходят. В тот же дом тоже, что-то выбирают.

Сначала они обстреляли больницу, а еще раньше дронами. Моя тетя чудом осталась жива. Она работала в Суджанской ЦРБ, делала флюорографию. При ней был прилет, выбило окна. Крыша загорелась, никто не пострадал. Целенаправленно били в больницу. Буквально я полчаса с ней был и уехал на такси. Она звонит, говорит, что у нас был прилет дронов.

И по частным домам они попадали. Самое страшное, обстреливали трассу Курск-Суджа, по которой мирные люди эвакуировались. Много кто дозвонился до родных, кто попадал под удары frv-дронов, под минометный обстрел. Мы вот ездили, машины стоят, сгоревшие остовы. Украинцы прятали все следы.

Мое мнение – это все началось 30 лет назад, с момента распада Советского Союза, когда американцы начали промывать им мозги за свои деньги, чтобы у России был под боком брак в виде Украины».

Шерстнева Наталья Павловна, 63 года, село Гончаровка (Курская область).

«Произошло это 11 марта в полседьмого вечера. У меня плиточка, я пекла хлеб в формочках, отнесла соседям. Иду от соседей, голову поднимаю вверх, а дрон висит. И, смотрю, резко он – раз, вниз. Я говорю соседу Коле: “Бежим”. Я во двор, там каменная стена. Слышу взрыв, пламя. Пламя страшное и меня по спине. Сознание теряю. Думаю, нет, сейчас будет вторая волна. Обычно два раза. Первый раз, а потом еще раз шандарахнет. И я на четвереньках в уголочек в этот забила. Меня тот уголочек и спас. Потом еще раз шандарахнуло. Вторая волна была, да. Мне было больно,

но я нашла очки свои, нащупала. Поворачиваю голову, откуда я забежала из ворот. Я побоялась туда уже выходить.

Коли нет. Ну, выбежала я огородами, вся в крови.

А Колю нашли пришилленного, видать, его волной отбросило к штакетнику и обгорел весь. Мы хоронили всех соседей, которые умирали.

Вот женщина в палате в больнице: Таня, 35 лет, двое деток. Украинский дрон ее ударил. Ее привезли. В Гончаровке сосед погиб от украинских обстрелов. Он курей вышел кормить, и его сразу накрыло. Шкуратов дядя Коля, ну он, я не знаю, может 80 лет. Убит после 11-го сбросом с украинского с дрона. Он может висеть, висеть, висеть, а потом ударить.

А украинские военные грабили все подчистую. Телевизоры, газовые панели, газовые котлы у кого новые, хорошие. Короче, все, что хорошее, выносилось. Это забирали первые, которые, я так поняла, штурмовики. Сначала выносили все на улицу. Потом подъезжали. У них для нас был комендантский час. Артиллерия украинская стояла у нас ниже, в саду. Они бухали и свиней стреляли, и между собой что-то там. Мы боялись, короче».

Поплавская Валентина Петровна, 62 года, село Мартыновка (Курская область).

«Колька говорил Вере на улицу не выходить из временки. А она вышла. Ну и я, значит, подхожу. И стоим мы, разговариваем. А она большая женщина, крупная.

В середине ноября 2024-го летит украинский дрон. Он же видит, что мы там стоим. Он за крышу, взрывается. Вере осколки в голову, она падает, а мне в ногу.

Вера не дожила до дня рождения. У нее 20-го день рождения. У меня кровь пошла, все больно. Пошла домой перевязывать. А потом мы Веру втроем волокли.

Украинский дрон видел людей, видел все. Я отлично видела, как они дома поджигали, эти дроны. После, потом я стала бояться этих дронов. А я ездила за дровишками к Витальке в первый дом. У него баня, и он там в сарае дровишек понаколот. И я на тачке туда ездила за дровишками. Набрала дровишек и назад. Летит, значит, дрон. Я там на другой стороне спряталась. И наблюдаю за этим дроном. Он, значит, кружится, кружится. А на нашей улице... Ну, там первый, на той стороне первый, второй, третий дом. Женя там расстроил дом двухэтажный. И вот дрон, значит, летает, летает, летает, кружит, так летает, а потом бах – в крышу. И дом загорелся, и сгорел, а пепелище осталось, ну, там стены. Это не один дом.

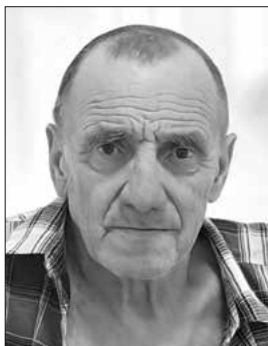
Пахом пострадал от украинского дрона. Я видела, как дрон летел, и как от него загорелся Пахома дом. Потом у Ярика. Он купил дом и расстроил там. Тоже долго стоял дом. Я смотрю вечером, значит, часа в 4 вечера, как дрон украинский летает и в Ярика целится. Ну, в Ярика он не попал, а в Жукова дом попал. А на следующий день такой же прилетает. И опять кружит, кружит, кружит... А потом стрелой – бах, в крышу. И Ярика дом загорается и сгорает».

Мануйлов Василий Николаевич, 75 лет, село Казачья Локня (Курская область).

«Украинские грабежи были сплошь и рядом. Там они периодически бригадами менялись, и каждая бригада приезжала, и каждая бригада грабила.

Я видел, как диваны вытаскивали и увозили куда-то. Видел телевизоры. В особенности плоские телевизоры. Холодильники. Плитки, да. Газовые плитки воровали.

Там были у нас дома для молодых людей, у которых не было жилья – сироты. И сиротам выдали дома. Украинцы ходили там с молотами.

Берет кувалду, бах, трах, окна побили, двери побили, пошли до следующего. А потом уже воровали.

Я ранение получил 8 февраля. После украинского обстрела я пошел проверить дом, в котором жил. Подошел, ужаснулся.

Фронтон разбит, окна вынесены. Я вышел из дому и пошел к знакомым. И опять артобстрел. Почувствовал что-то горячее, кровь сильно полилась. И я быстро пошел до знакомых, чтобы не потерять сознание. Вот так я был ранен.

В Казачьей Локне рассказывали про такой случай, что, когда наши войска отступали, один наш военный, молодой человек, попал в плен. Ну ему, сволочи, взяли, отрезали гениталии. Он лежал две или три недели, украинцы запрещали его хоронить».

Иеромонах Мелетий, Горнальский Свято-Николаевский Белогорский мужской монастырь, село Горналь (Курская область).

«В первые дни именно в храм они били. Мы как раз служили литургию. Было утро 6 августа, значит, полвосьмого утра. У нас литургия идет.

И где-то без десяти восемь первый прилет, на меня летят стекла, столы. И я понимаю, что что-то серьезное началось. К нам уже ПТУР залетал в монастырь, дроны падали иногда, но тут я вижу, что это уже тяжелое что-то.

Война шла с 22-го года. Мы живем вообще на самой-самой границе, 500 метров от меня столбики идут эти. Боевики украинские через нас стреляли. Иногда вокруг монастыря постоянно в периметре 50 метров со всех сторон падало уже все. И в монастырь иногда залетало. Поэтому мы уже так привыкли. Вот, я вижу, бьет что-то тяжелое.

Они начинают, дрон висит. И планомерно бьют по храму. Литургию не бросишь, и священник наш не испугался, отец Феодосий. Послушник Игорь пел, тоже не испугался. Они продолжили литургию. Они несколько раз били, били, били...

Мы поняли, что между выстрелами есть пауза и побежали в подвал. Они били дальше, в первый храм, они тогда стреляли в купол первый. Купол там деревянный, внутри он загорелся, новый храм. А в том храме, в котором мы были, в подвале, он старинный, там внутри все дубовое, деревянное, они тоже не могли никак зажечь, а они здорово накинули зажигалку на крышу. В первый день они запалили два храма сразу.

По корпусам украинцы не стреляли. Стреляли по храмам только. Я думаю, корпуса они оставили себе. Они знали, что зайдут. Спланировали все. Они знали, у нас корпуса хорошие. Горячая вода, кровати. Все, что им надо.

А храмы им не нужны просто, вероятно, понимаете, от сатанизма. Именно сатанизм. Немцы, фашисты, шли на Суджу, пять храмов оставили. Великая Отечественная война – остались пять храмов. А вот тут украинцы пришли и лупят. Такая ненависть к нашему Московскому патриархату.

Били по нам, знали, что у нас в монастыре априори военных не было. Никогда военные по территории даже у нас не ходили, там никаких действий не проводили. Украинцы все это прекрасно знали, потому что их дроны с утра до вечера там на границе летают. Поэтому они все прекрасно знали. Они видели, что они бьют по мирным людям. Это преступно.

Двое суток мы находились в корпусе. Они начали в корпус дронами влетать в окна. Мы бегали, тушили там все. Уже преступление.

Мы не знали, что украинцы уже зашли на нашу территорию. Мы просто видим их танки, и стрельба уже ближе и ближе. То есть уже село Горналь. У нас монастырь между двух сел стоит. Уже оттуда стрельба.

Начали выбираться, а они уже, оказывается, захватили и Суджу, и все. Связи не было. Единственное, мы там смогли на

крышу залезть, на верхний этаж, поймать связь. Мы знали, что они зашли уже на крест, и что на Большое Солдатское ехать нельзя. Мы знали это.

Поехали в Куриловку, залетаем. В Куриловке мужики говорят, не едьте туда, вас там убьют. Там была женщина молодая. Девочка беременная. Они с мужем на двух машинах выезжали. Ее прямо застрелили. Она врезалась в машину мужа. Она умерла там сразу.

У нас мама моя, 82 года, ее водить надо. То есть мы отпустили молодых, кто мог ходить, они встали и ушли пешком через Плехово. А мы направо пошли. Все в Куриловку проехали, там у нас такие свинарники стоят. И там украинцы разложили мины на дороге, не проедешь. И стоят уже, они встретили нас. Из машины я вышел, они начали угрожать, начали карманы проверять, выворачивая карманы и сумки. У меня все были там кадры вот этого всего, что творилось. Я заснял на месте, украинцы забрали это все, забрали телефон, ноутбуки. У деда даже деньги, мелочь была, и ее забрали. А дед воевал в Великую Отечественную.

Телефон мой украли украинцы, а на нем были фотографии с военными, если бы увидели, сразу расстрел был, если бы нашли. У меня был БУЛАТ – детектор дронов, я вот это забыл. Если бы нашли, наверное, тоже бы сразу расстреляли, потому что они из-за аптечки придрались. Мы объехали километра полтора-два. И из кустов в мою машину и в заднюю машину очередь. И туда, и туда. Я же не на бронетранспортере еду, я еду на мирной машине. Ну, в принципе, как бы и так понятно, кто они. Вот так вот просто мочат. В Судже – там украинцы набили очень много машин. В Судже вообще просто расстреливали машины, вообще очень много. А в машине позади моей, там, где мама моя сидела, Сережа, послушник, сидел. Ему украинская пуля попала в легкое, сразу, наверное, разорвала. Ему было 52–53 года. Чуть отъехали, я дверь открыл, выбежал, подбежал к машине, открыл дверь и сразу вижу, что он мертвый. Ну и все, в Суджу заехали, пытались прорваться

через Суджу, прорвались там, машин дронами украинцы набили, машин куча.

С правой стороны я сразу увидел минивэн гражданский с открытыми дверями. Много КАМАЗов там было. То есть я лично видел одну машину с правой стороны, а с левой стороны, кто поехал, там просто на стоянке машину украинцы добили. Я много людей знаю, в кого стреляли.

У меня знакомого машину постреляли, он вечером летел. Просто одна за другой они врезались в машины, в кого стреляли. Еще машина была расстреляна на посту уже. И вот девочку перед нами за день украинцы расстреляли в Куриловке. Беременную. Ей вообще там 20 лет. Граничные села, в Судже которые, там просто... Украинцы насиловали, убивали, на колени ставили, расстреливали».

Галицкий Максим Валериевич, село Махновка (Курская область).

«Зашло много украинской артиллерии с самого начала. И с самых первых дней расчеты минометные, я запомнил, два миномета и какая-то гаубица. Они пристреляли все перекрестки внутри. А эту территорию украинцы уже контролировали.

Я сам бывший артиллерист, я служил срочку. Меня просто удивило: если вы контролируете внутри все, то зачем стрелять внутрь?

По домам были прилеты, со мной рядом. А российских войск там уже не было. Ну, куча украинских беспилотников, это понятно. И получается, что домов там много от этого разрушенных.

Большая, львиная часть разрушена не от того, что там где-то прилетела бомба российская. В основном из-за того, что украинцы били по домам.

Били из миномета, из гаубицы. Помню, в самой Судже был прилет, муж и жена погибли.

Они занимались поджогами домов. Казалось бы, он тебя не трогает, этот дом. Ты – оккупант, может, там золото нашел, еще ценных вещей. Ну, уйди ты, не пали. Но они поджигали дома.

И не один же, естественно. У нас на улице домов пять сожжено не просто от прилетов ракет, либо там какого-нибудь другого вооружения, а именно поджоги. Я на улице жил, там недалеко от них склад был. Вот его подожгли.

Украинцы близлежащий частный сектор, районы и часть Суджи превратили в полигон».

Зюбанова Ирина Александровна, слобода Белая (Курская область).

«10 марта я выезжала с работы, это где-то было совсем вечером, и я услышала первый взрыв. Я подумала, что где-то далеко, где-то в Лошаковке, у нас бывали уже прилеты.

Я начала двигаться, то есть еду за рулем и смотрю, горит здание торгового центра от украинского удара у нас в слободе Белой. Смотрю, лежат люди раненые. Я остановилась для того, чтобы помочь. Троиш мы вывезли.

После того, как я отвезла раненых, я вернулась, чтобы забрать еще. Я думала, что, может быть, еще кто-то там есть, но были уже только погибшие, к сожалению. И я только начала отъезжать от торгового центра – и украинский удар, и все.

У меня получают легкие, то есть ранения в грудную клетку. Как сказать... проникающие ранения, то есть у меня пробито легкое. Я, естественно, стала задыхаться, но мне помогли наши сотрудники полиции, которые там тоже находились. Оказали помощь, увезли в госпиталь.

До этого украинские войска дронами мирных убивали. У нас дорога, получается, из Песчаного до Белицы, она регулярно под обстрелами дронов была, и дорога из Белицы до Коммунара, то же самое, была под ударами украинских дронов».

Шарунов Валерий Васильевич, хутор Никольский (Курская область).

«Я зашел в подвал. Нашел мужчину и двух женщин, уже мертвых. Деваться было некуда, там и остался.

Снова пришли украинские войска. Украинская речь. Отозвался. На это получил автоматную очередь и две гранаты в подвал. Они думали, что я уже мертвый. Я был в шапке и валялся.

Всего в подвале было восемь человек. Остался я один. Видел я пять трупов, которые внутри. А еще двое – погибли они или живые, я точно не знаю. Но, скорее всего, погибли.

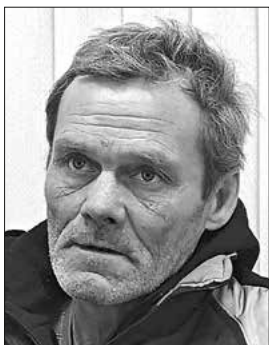
А до этого в другой дом прилетели два дрона. Там женщина жила и уже была ранена от украинского дрона. Он скинул заряд на нее. Она ходила на речку по воду. Там и получила.

Прилетели два украинских дрона на дом. Один ударил спереди, второй сзади. Подожгли дом. Я хотел вытащить эту женщину: она была без сознания. Сильно загорелся дом. Я сам еле успел выскочить».

Якуб Василий Иванович, село Первое Новоспаское (Курская область).

«Я слышал, что парня, военного нашего, украинцы резали и убили. И сожгли дома, где его поймали. Предупредили, показать хотели всем жителям, что это все будет то же самое с вами, если военных наших найдем.

Сожгли в качестве коллективного наказания за то, что укрывали нашего военного. Это показательно они вроде так делают.

Потом приезжала украинская съемочная группа и труп поубрали. А показывали, что они людей не трогают, люди сами к себе, хлеб им привозим.

Когда “азовцы” зашли, у нас в доме моей жене угрожали. Что ее застрелят, расстреляют. Мне по ногам грозились тоже стрелять.

Да, вот супругу мою тоже прикладом – ей прям досталось по лицу.

С кувалдами ходили. В каждом доме выбивали двери. Особенно сиротские дома. Каждую дверь. Если дверь не поддавалась, повыламывали. Если она так не поддается, значит, окна били. Заходили в окна. Забирали машинки стиральные. Забирали газовые плитки. Даже колонки со стен к этим газовым плиткам, что подходят, тоже срывали. И телевизоры, и вещи. В общем, все, что находилось, что им все нужно. Особенно деньги, золото, серебро, вот это вот все».

Протоиерей Евгений Шестопалов, настоятель храма Троицы Живоначальной, город Суджа (Курская область).

«Пристрелочные украинские обстрелы были 14 июня. Сгорело тогда в Судже 4 частных мирных дома. Потом периодически были прилеты на окраины Суджи, рядышком. А потом начались уничтожения заправок. Залетали frv-дрончики. Били по машинам по мирным. И по самим топливным средствам. И по людям. В общем, сгорели наши заправки. Мы начали заправляться в других районах. Было такое ощущение, что аккуратно украинцами выбивается мирная инфраструктура. Это же заправка.

Это же топливо. Хотели не дать возможности выбраться населению.

Сожгли крышу нашей больницы. Причем интересный был вариант: пробило сначала крышу, был взрыв, и по крыше потекло большое количество жидкости. А следующий дрон ее поджег. Осознанно хотели украинцы сжечь больницу. Пришлось больницу всю эвакуировать.

Украинцы били по больнице, по заправкам, по домам частным, по мирным жителям, санэпидемстанция, администрация, водоканал. Свет пропал сразу. Видимо, подстанция была повреждена сразу, потому что свет пропал.

Храм потом украинцы расстреляли. Вспоминаю, мы вышли на улицу 6-го числа. Увидели эту санэпидемстанцию уже без окон, без дверей. У деда снесло дом. Он, бедный, не мог понять, что с ним происходит, контуженый был.

На фотографии храм Троицы Живоначальной в городе Суджа (Курская область), обстрелянный вооруженными силами Украины

Мы помогли ему выбраться. Снаряды попали и в асфальт, и вокруг. Полчаса был перерыв. Опять начался обстрел. И уже он не прекращался до 3–4 часов дня. 6-го числа мы насчитали больше 140 прилетов в Суджу.

Люди бежали из Суджи и, конечно же, били по ним. Били, били... Фрв-дроны непосредственно догоняли мирские машины и уничтожали. Мы были свидетелями этому. Мы видели разбитые машины, видели торчащие ноги с обочины, людей, которые были уже убиты. Я вывозил первое время людей из храма. Мы выезжали в сторону Курска на Большое Солдатское. Естественно, мы видели машины на вокзале, на дамбе. Разбитые ударами украинских дронов. Горели большегрузы.

Практически до самого Солдатского были разбитые украинцами машины, сгоревшие. Обычные, не военные. Мы понимали, что это люди выезжали. Мы видели разбросанные вещи, бутылки с водой, баклажки. То есть, это были люди, которые спасали свои жизни, выезжали, а их конкретно украинцы догоняли и уничтожали.

Я одну семью вывозил с маленьким ребенком. Я молчал, а бабушка, видя, что творится по обочинам, просто закрывала рукой глаза ребенку.

Потом, вспоминая, в районе улицы Редькина убит был, к сожалению, местный житель Юра. Хороший человек. Защищал своим телом дочь. И был убит. Дочь получила ранение, ей около 10 лет. Своей жизнью защитил своего ребенка. Тоже пытались выскочить, выехать, потому что страшно было. Они были в машине.

Во время украинской оккупации был откровенный грабеж. Несмотря на то, что сидят люди в доме, просто заходят украинцы нагло с автоматом, забирают компьютеры, ковыряются в вещах, забирают драгоценности. Это было повсеместно. Грабеж полнотью был.

Крали украинцы, в первую очередь, машины, технику, компьютерную технику, фотоаппараты, телефоны, драгоценности. А потом, по словам наших жителей, тащили все. Извините

меня, и нижнее белье. Все выгребали. Такое ощущение, что украинские солдаты – варвары, дикари. Первое время были нацики. Амуниция хорошая, жестокие. Говорили жестко: “Сотрем с лица земли не только вашу Суджу. И до Москвы дойдем”.

Мне рассказали, как украинцы обнаружили случайно дорогую машину и нашли ключи от этой машины. Так этот украинский солдат бегал, скакал на радостях и кричал: “Я всю жизнь мечтал именно о такой машине!” Естественно, они ее забрали и уехали на ней.

Вы же в курсе, что туры продавались? В Сумах продавались туры на грабеж Суджи. Туры на грабеж... Выдавался билет, пропуск. Пропускали. Заезжайте на машине, берите любой дом, грабьте, загружайтесь, везите, что хотите. Пропускали туда, пропускали обратно, не проверяя. Ездили как на рынок, только бесплатный. В Суджу. И это даже не вооруженные силы Украины, не солдаты, а прямо жители Сумской области. Мирские люди.

Они не скрывали. Потом выставляли на продажу. И говорили: “Трофеи из Курской области”. Они не стеснясь выставляли. Прямо не стеснясь... Даже иконы выставляли. Все украдено.

Ну, Господи, я не знаю, как до такой низости можно дойти. Это цинизм. На маслодельном комбинате всю нержавейку грузовиками украинцы вывозили. Заставляли наших мирных людей грузить в машины.

Куда там они хотели? На атомную станцию? На Курск? Что им нужно было? Сейчас, оборачиваясь на эти 8 месяцев, у меня такое ощущение, что у них был задачей именно террор мирного населения. Потому что военных достижений, стратегических или даже тактических, они ничего не добились.

У нас было много родственных связей с Сумами. И это люди, они приезжали грабить, они знали, что они едут к кому-то грабить. А раньше ведь Сумщина, она была вообще

русскаяязычной территорией. Ну, почему-то за это время им так вправили мозги. Информационная вот эта вся массовая атака на мозги украинского народа. Ведь ненависть к русским распространялась специально.

Они же понимают, что мы выше их нравственно. А это порождает только ненависть. И они всю жизнь будут нас ненавидеть. Как и Запад. И мы всю жизнь будем для них врагами. Они понимают, что они такими, как мы, никогда не будут. Что нет в них этого: ни благородства, ни этой толерантности, ни этой души, ни этой веры. У них этого нет.

ВСУшники говорили, что мы вас уничтожим здесь, сотрем с лица земли, выведем, изведем. Это ВСУшники нашим жителям говорили в глаза. В глаза.

У нас есть такие люди, которые честно в глаза говорили, что ВСУ – оккупанты. Где теперь эти люди? Их просто нет. Я видел видео, начало разговора, где человек говорит, зачем мне ваши подачки. Вы пришли на мою землю. Женщина хлопнула калиткой. Вы – враги. Вы оккупировали нашу землю. Что с ней стало? Ее больше нигде нет.

Не так посмотрел. Не так сказал. Нарушил комендантский час. Расстреляли. Убили.

Обнаружили однажды наших солдатиков, которые прятались. Выволокли. Наших российских военнослужащих. Которые много недель прятались. Двоих просто расстреляли сразу, как говорит Ольга. Двоих забрали.

В Судже, в районе Гуево, был Славик, наказной атаман Гуевский. Мы поддерживали хорошие отношения. Я знаю, что он погиб, его убили украинцы.

Был бывший глава Махновского сельского совета, замечательный, удивительный человек. На глазах у Толика с Галей украинцы просто его убили. И он долго-долго лежал на обочине.

Украинцы выстрелом, прямой наводкой стреляли в храм. Влетел снаряд, который повышибал все. А потом зашли и разграбили. Вынесли иконы и все на свете».

Рыльская Леся Александровна, город Суджа (Курская область).

«Когда 7-го числа люди хотели выехать, украинцы стояли уже на кольце на Судже, расстреливали всех мирных, чтобы они не смогли выехать.

В Черкасском Поречном украинские военные тоже убивали, насиловали девушек молодых.

На моих глазах, когда только все начиналось, ехала семья из города, получается, и украинский дрон их ударил, и машина сгорела просто заживо. Я только слышала, как ребенок маленький крикнул "А!", и все.

Это была машина не ВАЗ, а иномарка какая-то. Я так понимаю, там был муж, жена и ребенок. Всех убили.

Украинцы настраивали нас на тот лад, что наши военные не придут. Говорили, чтобы мирное население уехало на Украину. А потом, когда люди не поддавались на это, потом они уже начали говорить, что Суджу сравнивают с землей.

Из Махновки рассказывали, что украинские военные ходили и поджигали дома. Они приезжали к нам во двор и хотели забрать у нас машины. Там стояли гаражи наши, вот они заезжали. Вскрывали гаражи.

Я вот помню крайний случай, когда они приезжали на белой «семерке» и говорили отдавать машину. У папы была машина. Отдавай нам машину, вот отдавай просто, давай. Если не отдашь, мы тебя расстреляем и дом сожжем.

Украинцы заходили в многоэтажные квартиры и оттуда брали все вещи. Подъезжала машина к подъезду. Выходили люди оттуда, из машины. Заходили и выносили все.

Я лично видела, что украинские пикапы и микроавтобусы приезжали напротив нас, к магазину "Красное&Белое", и оттуда всю продукцию увозили. Алкоголь.

Крайний раз я видела, они были в военном, но без автоматов. Женщина с мужчиной. Они из многоэтажек тащили сумки с какими-то вещами и коробки. Они ходили, выбирали. Золото, технику. У людей забирали машины.

Люди рассказывали, что украинцы из Сум приезжали на наш рынок, в магазины и оттуда забирали вещи. В город приезжали и брали».

Мелихова Татьяна Михайловна, 62 года, город Суджа (Курская область).

«Когда ВСУ заехали, возле перекрестка стояла их машина и стреляла всех. Кто шел, кто ехал, мирных людей стреляла.

А потом уже с нашей улицы двух человек они убили. Одному пуля в голову была, в лоб. Ну, в голову, а другому в живот. Он долго мучился и умирал. Коля, лет 50 ему было. Они на улице лежали, недели три лежали, украинцы не разрешали хоронить. Запах был ужасный.

В меня тоже снайпер стрелял. Я шла к подруге, я не знала, что она уже уехала. В этот день они стреляли в людей. Я заборами шла, дорогу смотрю, а я к заборам, машина немножко проехала вперед. Украинская машина. Я прошла дальше, поворот уже завернула, вышла на асфальт, и они начали стрелять. Я услышала стрельбу.

А потом возле меня, возле плеча правого, прошла эта пуля, возле меня пролетела.

Я помню, потом женщина ехала в машине, ее машину украинцы расстреляли. Мужа убили. Ехали по трассе к Казачьей Локне. Женщина жива осталась, пальца фаланга на одной шкурке болталась, прострелили плечо, руку. В крови была. Всех поубивали.

Возле “Мираторга” ВСУ поставили свою стрелялку, я не знаю, как она называется, которая стреляет “Градом”. И из “Града” в нас стреляли. Потом они уже начали сами поджигать дома. Обливали бензином и зажигали. Именно те дома, где они жили, улики свои уничтожали.

ВСУ дома растаскивали. Стиральные машинки таскали, электроприборы. У меня даже ручную мясорубку взяли. Прямо из дома. Швейную машинку электрическую забрали. Удлинитель. Большой-большой был удлинитель. По мелочи много.

Я вечером один раз захожу, уже темно, смотрю из огорода, у меня фонари, свет красный в доме. Я захожу, они автомат на меня наставили. Они уже телевизор приготовили, мое зеркало приготовили забирать. Шторы позабирали новые.

Из других домов они много холодильников, стиральных машинок, все повывезли. Газовые колонки снимали. Ну, в общем, где что».

Щеглова Наталья Сергеевна, город Суджа (Курская область).

«Когда мы первый раз вышли в сторону магазина “Василек”, там на пешеходном переходе стояла машина. Она была вся сожжена, и оттуда вытащили мужчину, и прямо когда мы шли, его прикапывали наши гражданские песком.

Люди рассказывали, что украинцы удары нанесли, мужчина был пристегнут, и он не смог вывалиться из машины. А женщина была не пристегнутой, она выкатилась из машины и осталась живой.

Когда мы шли к колодцу, на углу школы лежал мужчина. Он каждое утро ходил к храму, крестился, как здоровался, ходил к храму. Он верующий человек. Его украинцы рас-

стреляли, и он долго лежал. Наверное, больше месяца он лежал.

У нас в сиротских домиках жил парень. Жил там с женой молодой. ВСУ пришли к нему, а на следующий день они его забрали. И больше его никто ни разу не видел.

Грабежи были. Приезжали ВСУ с машинами, загружали машинки стиральные, технику, котлы. Вначале приходили, готовили, все как-то подготавливали, в смысле выносили уже из домов внизу, пораскручивали, а потом ночью приезжали. Ночью, хоп, приехали, утром приходим, там уже нету ничего.

Меня встречает моя знакомая, говорит, что ты думаешь, вот в этом доме у нас жил инвалид. Заехали ВСУ и вынесли даже памперсы. Они даже памперсы и кресла вынесли. Инвалидные кресла забрали. Вынесли у них технику. Телевизоры они просто расстреливали. То есть портили.

Украинцы к нам приходили, и блогеры, и все. Украинские. Да, с таким, типа, с нами же хорошо, мы же вас кормим. Не то что с Россией. А вот в Крыму, там люди живут в оккупации, и там им даже хлеба не дают. А у меня сестра в Крыму живет, я знаю, что там все хорошо. Мы молча их послушали и ушли.

Одна украинская блогер спрашивала: "Как вам живется с Украиной?" Как раз перед этим мы с ребенком ехали на велосипеде, подъезжаем к дому, а от нас отъезжает машина с украденным. И быстренько в спешке украинский военный закидывает к себе пакет, у меня в мешочке был стиральный порошок. Я только увидела, как мелькнул этот пакет. То есть, украинский военный украл порошок, сел в машину и поехал. Я блогеру говорю, да, хорошо, у нас с вами живется, вот вчера у меня украли порошок. Она была не рада, она даже нас не снимала».

Владимир, село Черкасское Поречное (Курская область).

«Мы с женой были дома, пошли в подвал. Двери я прикрыл. Смотрю, дверь, раз, открывает. Украинец не говорил, кто там лимонку бросил, гранату в подвал. Мы хоть за стенкой-то

сидели. Жене немножко лоб поцарапало, мне ногу.

А потом уже он кричит, вылазьте, кто там есть. Мы вылезли с жинкой. Я встал возле стенки дома, а она возле двери. Лет под 50 ему. Моя что-то сказала ему. Он прям сразу затвор передернул и с двух метров ее застрелил. Он на меня. И автомат на меня. Я глаза закрыл, стою, жду. Думаю, сейчас и мне смерть будет. Слышу, что-то он бубнит, а не стреляет. Я глаза открываю, а он затвор – не мог выстрелить. Потом автомат за ствол взял, об землю. И ногой об это взводил. Я смотрю, что-то выскочило. Я думаю, это пружинка или что. А потом понял, когда свою жену начал хоронить, что патрон выскочил. Это меня спасло».

Власова Ольга Владимировна, село Казачья Локня (Курская область).

«Самое было плохое, это вот группа “Азов”, это были твари. Они кувалдами выбивали, а мы в сиротских домах были. Кувалдами открывают дверь, а мы прямо там спали.

Сказали мне, если у тебя найду российского военного, тебе расстрел в 6 вечера будет. А моему мужу под ноги стреляли.

Приехала из Сум журналистка украинская. Я говорю, это ваши ребята, “азовцы”, уголовники, нас убивали. Она мне внаглую говорит, ну вы же живы остались, вам же повезло. Прям внаглую. И мне прикладом ВСУ, прям при всех.

ВСУ сказали, что ненавидят русских. Это чистые уголовники, вы понимаете? Уголовники, что вам еще сказать? Сказал, что

ровно в 6 часов я тебя просто расстреляю. Дверь все равно они выбивали кувалдами. При открытых дверях спали, потому что знали, что они выбьют заново эту дверь.

Они много избили людей. Меня прикладом били, забрали у нас парня, а он как-то между слов сказал, что служил. Ну, его забрали, мы больше его не видели, Женька.

Вот возле магазина “Василек” – это вот центр идет на Суджу, а другой идет на Льгов – наш русский парень лежал, ему все отрезали, кинули на асфальт.

А потом, когда приехали украинские журналисты из Сум, они его убрали, чтобы не показывали.

Украинцы дома бомбили, стреляли. Били запросто. Они что, не видят, что здесь люди живут? Все летело. Просто все летело».

Белобров Богдан Викторович, город Суджа (Курская область).

«Я лично видел: при нас сожгли машину с семьей ударом украинского frv-дрона. Гражданская, серого цвета. Там семья была – мужчина, женщина и ребенок.

Проехала машина, женщина держала белый флаг или тряпку. Потом слышим взрыв. Машина съезжает на обочину, врезается в дом и горит.

Русские для них не люди. Некоторые украинские солдаты прямо говорили: “Мы всех тут вас бы перестреляли”.

В основном, с Западной Украины они были. Говорили, что мы для них не люди, что “вас надо расстреливать, вешать”.

Избивали просто так многих. Просто так, попался не в том месте. Избивали, ломали ребра. Лично видел таких.

Грабили украинцы сначала самое ценное – золото, драгоценности. Потом пошла в ход техника, компьютеры, машины.

Вплоть до женских вещей. Знакомая женщина рассказывала, что у них в квартире дверь вырвали вместе с коробкой. Вещи все перекопашины были. И некоторых вещей, даже личного нижнего белья не досчитались.

Украинские гражданские люди приезжали, прямо скажу, тратиться в наших магазинах нахалству. Что понравилось, то забирали. Магазин открыт, и все, бесплатно грабишь».

Савченко Елена Николаевна, село Заолешенка (Курская область).

«У меня сосед ездил, отвозил другого соседа, успел отвезти его и мать до Большого Солдатского, возвращался обратно. На него украинский дрон скинул гранату.

А еще были расстреляны машины с улицы.

У моей соседки мать видела, как на рынке украинский солдат поставил 6 человек к стенке и сказал, что он сидел. Говорит, там отсидел то ли 15, то ли больше лет, и типа того, что мне по фигу кого, говорит, убивать.

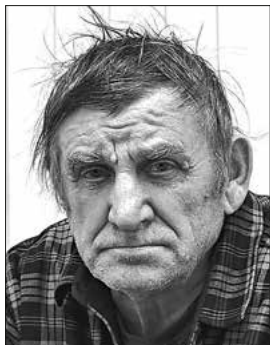

Украинцы грабили все, от бытовой техники, ну, вплоть до трусов, скажу так. И даже маникюрные наборы. У меня девчонка по соседству занималась маникюром. Они проехали, забрали все, и потом я сама видела, как у них выпал маникюрный набор, ножницы маникюрные выпали. Из женского чемодана, ярко-салатового цвета, что они забрали. Понимаете, забирали все – ложки, вилки.

Начиналось с четверга, начинают выставлять. Каждую неделю. Вот одни прошли, смена сменилась на другую. В пятницу грузятся и вывозят. В воскресенье же, наверное, другие приезжали.

И так каждую неделю».

**Ворушкин Анатолий Николаевич, село Казачья Локня
(Курская область).**

«По дороге в Курск стояли машины, побитые украинскими дронами.

Они, когда наступали, они били. Уезжали люди местные, их расстреливали там. Украинцы стреляли по машинам. Пугали, наверное, людей, чтобы не выезжали.

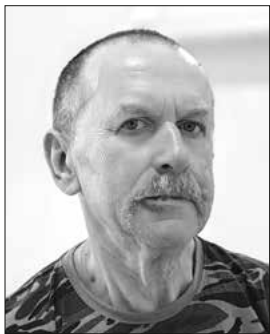
Обстреливали дома.

У сына моего невестки дом – ни окон нет, ни дверей. Три раза попало снарядом.

А при отходе украинцы подпаливали дома. И рядом один дом, второй рядом загорался. И сарай, и пристройка у человека горят.

А еще украинцы забирали все подряд. Стиральные машины, телевизоры, чайники электрические, электронику всю забирали».

**Нишпоренко Михаил Павлович, 67 лет, село Гончаровка
(Курская область).**

«Я получил ранение, когда дома горели от украинских обстрелов. И потом сильный взрыв. У меня заложило уши.

Чувствую, под майкой мокро, там кровяки. И как куриное яйцо вздулось. Ранение в брюшной полости.

Соседка пришла и с сестрой, с которой я жил, помогла перевязать.

Кое-как там перевязали».

Игнатов Петр Яковлевич, 72 года, село Алексеевка (Курская область).

«Украинский дрон пролетел в одну сторону, разворачивается – в другую.

Я говорю: “Вот я его вижу, вот он”. Он приземлится и – бух, в нас.

Восемь человек, двоих ранило. Кроме меня еще бабушку ранило. 80 с чем-то лет бабушке.

Когда украинцы обстреливали село, человека убило насмерть: Лысаченко Михаил. Уже на пенсии он был, конечно, – 1958-го года. Как прилетело, придавило его стенами.

Российских войск там не было.

Потом дронами дома спалили. Какая им разница, гражданские или военные».

Богунова Анна Семеновна, 85 лет, город Суджа (Курская область).

«У нас есть площадь: Советская площадь. Там, рассказывали, троих украинцы расстреляли.

Мы вообще боялись.

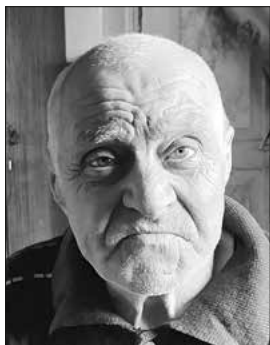
ВСУшники выносили из частных домов, выносили, вывозили, все абсолютно.

Тащили вот такое, что более-менее им пригодно. Ну, тащили все кому не лень.

У нас же улицу всю сожгли».

Васильков Сергей Владимирович, 74 года, город Суджа (Курская область).

«Один парень не выдержал, завел машину и хотел с семьей выскочить. Прорваться, выскочить. Не дали украинцы, погубили всех. Убили всю семью: и детей, и хозяина, и жену. Еще троих каких-то наших хлопцев убили, застрелили. А вот бомбить они нас начали 5-го числа. И по домам мирным стреляли.

Потом украинцы грабили, вычищали все. Даже тряпье, наверное, родне отправляли. Вещи, женская одежда, мужская. Я видел одну машину “Таврию”. Ее отняли, номера срубили с нее. И ВСУшники ею пользовались. Она была забита полностью. Уже, видимо, в мешках не помещалось, а чтобы уместилось, прямо без мешков, навалом. Прессовали, прессовали, прессовали... Вот такое было».

Хуриев Владик Владимирович, слобода Белая (Курская область).

«Алексей выехал из дома в сторону работы. Ничего вроде бы не предвещало беды, человек едет спокойно на работу. Летящий объект появился, он – уходить от него, тот – никак. Он уходил от дрона и притормозил, дрон перелетел машину, перед машиной в пяти метрах ударился и сдетонировал. Какие-то обломки, куски...

Дорога простреливалась. Помимо таких дронов всякие вот “Баба-Яги” тоже летают и сбрасывают. Такое специальное дело, чтобы люди получали увечья.

Например, трасса Коммунар-Белица постоянно находилась под этими дронами, которые летают, обстреливают.

Регулярный обстрел ВСУ вели района, и даже не только нашего района, но и соседних тоже районов по мирным

жителям. К сожалению, к большому сожалению, среди вот этих обстрелов очень много гибнет мирного населения. То есть и гибнут, и получают увечья. Люди остаются инвалидами. И большинство теряет свое имущество.

В моем районе, например, ну, может быть, человек уже даже где-нибудь до 100 погибло. Регулярные постоянно прилеты. Они там не выбирают, не разбирают что, куда. То есть целенаправленно идет убийство мирного населения. Целенаправленно.

Я получил осколочное ранение. Насколько я понимаю, стреляли какими-то кассетами. ВСУ отработали кассетными снарядами, которые были начинены всяким металлом, шурупамии прочими непонятными элементами. До конца не могу это все понять, потому что еле чудом уцелел.

Грубо говоря, едет машина, где-то передвигается, гражданская. И ВСУ целенаправленно прямо метили в бак, либо со стороны водителя, чтобы нанести больше увечья. Бывало, мы прыгали с машины на ходу.

Украинские войска уничтожали наших мирных – это как месть, по моему мнению, специально. Как и раньше, в свое время в Великую Отечественную войну, нацисты ничем не гнушались. Нацисты и их палачи.

Так и по сей день осталось. Им без разницы, в ребенка это летит или еще что-то. Они это делают специально, чтобы запугать народ. Чтобы подавить вот этим всем, потому что на этой войне у них не хорошо получается.

Украинцы пытаются отыграться на мирном населении, которое, понятное дело, им не может что-то противопоставить.

По мирным, почему бы нет? По бабушкам по всяким, дедушкам и так далее, по детям. Они – фашисты, которые прибегают постоянно к варварским запугиваниям населения».

**Штаненко Александр Николаевич, село Черкасское
Поречное (Курская область).**

«В первые дни наступления украинцы много расстреливали. Просто-напросто ехал БТР, и с БТРа просто расстреливали по домам. Кто выходил – просто застрелили. Кому чудом повезло остаться в живых, вот и остались. Остальные погибали.

И по моему дому стреляли прямо у меня на глазах. Мы с женою чудом уцелели. Весь дом изрешетили пулями. Кое-как выползли после обстрела, поползли в подвал.

Из БТРа украинцы стреляли, из пулеметов стреляли, из автоматов. Восьмиколесный БТР был, и на нем сидели украинские военнослужащие, они стреляли именно целенаправленно по домам. Он развернул башню просто-напросто и стрелял чисто в дом. Прямо в дом, по мне. Где я стоял, он прямо по мне стрелял.

Большая пушка, снаряды большие были, отлетали. Это было все усыпано патронами. Калибры все, там калибры лежат. Их никто не уберет, они так и оставаться будут. Доказательства. Из тех, которых видели, мы насчитали 12 человек убитых мирных. Которых мы насчитали погибших в нашем селе, которых я знал. Сердюковых убили. Ильина Галина тоже в доме погибла. Стреляли по ее дому.

Один парень пытался убежать. Через огород там пробежал. Его догнали украинцы на БТРе. И расстреляли просто. Ну, и много так. Много еще тех, которые остались под завалами, дома их сгорели.

7 месяцев мы там под ними прожили. Не прожили, а существовали. С горем пополам. Поначалу было страшно даже выходить. Их очень много с автоматами ходили. Мы почти не выходили. Редко там покушать что-то приготовишь, вылезешь из подвала по-быстренькому. Ну там корову напоить. Мы как-то быстро по хозяйству управлялись. Пять минут – быстро управились, пока нет их, пока тихо. И опять прятались в подвал.

А 4 марта меня с женой подбил украинский дрон. Специально, преднамеренно. Он видел нас и повернул прямо в нашу

сторону, и нас подбил. Они нас знали очень хорошо, видели и знали, что мы мирные.

Нужна была вода. Жена попросила, говорит, напротив колодец. Говорит, принеси ведро воды. Взял ведро, прислушивался, чтобы не попасть под что-то. Опасался. А тогда просто пошел и не прислушался.

Увидел, как разворачивается на меня боевой дрон, вижу, с зарядом несется, прямо на меня летит. Целе-направленно.

Секунды ждал, думал, что он, может, отвернет. Потом стал видеть, что он приближается и не будет сворачивать. Двинулся назад, закричал жене: "Ложись, взрывается дрон боевой". Ну, она успела там как-то присесть. Я развернулся, успел пару шагов сделать и просто упал на землю. После чего произошел взрыв, и меня подкинуло. Потом уже почувствовал, что по мне кровь течет. Думаю, слава Богу, живой. Переживал за жену, повернулся. Жена кричит. У нее была рука перебитая, пальцы отсечены. Перебита очень сильно.

Потом мы рискнули – стали убегать, пошли. Я, жена и собака с нами. Овчарка, немецкая овчарка. Там познакомились с этой овчаркой, подружились. Она других хозяев была, но познакомились, подружились с ней. Не разлей вода были. И вот пошли, собака нас почти вела. Ну, как местный я дорогу знал, как выйти. Но не знал, конечно, что там впереди нас ждет.

У меня глаз такой был, что я не видел. Один глаз вообще не видел, а второй в пелене был.

Пес шел, он всегда со мной ходил, рядом идет. И помогал идти. Жена с одной стороны, собака с другой стороны. И вот мы так все время потихонечку. Собака показывает, где мины. Именно он меня отводит и отводит, отводит. Не давал на мины наступать, их там очень много было».

**Богачев Михаил Иванович, село Черкасское Поречное
(Курская область).**

«Они стреляли все подряд. Есть там люди, не есть там люди. Просто едет украинский БТР, стреляет по домам, по окнам, по крышам, по дворам – по всем. Едет и стреляет. Есть там люди, нет, стреляют. 8 августа 2024-го. Деревни нет, спалили.

Они как осели в деревню, выбрали себе, где они базируются, и запускали дроны. Как палили дома, видел. Как дроны взрываются, я сам видел.

Школы, церковь, клуб, магазины, все разбивали. Школы тоже, да, обстреливали, дроны сбрасывали. Все разлеталось.

Убили людей дронами, кто хотел убежать через луг. Украинцы за ними не бегали, просто вслед стреляли, расстреливали.

А еще они забирали себе телевизоры, бензопилы, генераторы, автомобили, аккумуляторы. Ходили и что им нужно, то забирали. Телевизоры, одеяла, подушки».

Записной Михаил Николаевич, деревня Леонидово (Курская область).

«На хуторе Зеленый Шлях находились в подвале муж с женой и еще соседка. Услышав движение во дворе, муж открыл вход. В ответ – автоматная очередь, он погибает. И в подвал украинцы кинули пару гранат. Женщины чудом из-за перегородки выжили.

Червякова Татьяна Алексеевна из Новоивановки с мужем пошла. И их встретил украинский БТР. И прямо по ним начал стрелять. Они там упали.

Пострелял БТР, отъехал, видит, что зашевелились. Добавляет снова. Она получила ранение ног сильное, прострелы руки. Еле выбрались они оттуда. Им за 70 лет. Потом муж ее умер.

ВСУшники украли у меня машину “Ниву” – 30 тысяч пробег, совсем новая. Пришли, угрожали гранатой, потребовали ключи от машины. Исчезла машина. Мой друг, Сергей Дмитриевич Нестеренко. Пришли пьяные, видно, из Западной Украины. Угрожали жене автоматом, пострелял впереди ног, сделали очередь, потребовали ключи. Там крик пошел, у жены слезы. Ну, Сергей вынес, ключи отдал, украинцы завели и уехали.

Вот тут турок у нас жил один, у него не на ходу машину зацепили и уволокли украинцы. А напротив села Нестеренка жили азербайджанцы. Они держали животных домашних. Магазин у них был, торговали.

И украинцы дня три-четыре их грабили. По ночам машина подъезжает, и грабеж по полной программе. А потом подожгли их дом зажигательной гранатой и еще и сожгли».

Бобоев Хайдурод Наджулаевич, город Суджа (Курская область).

«У людей много забрали, вывозили украинцы: холодильники, телевизоры. Когда они зашли 10 августа, мы с сыном сидели на дворе, а прилетел со стороны Украины снаряд.

Нас, где мы жили, разбомбили.

Мы спустились в погреб. В погребе мы жили с сыном 4 дня.

После этого, когда украинцы пришли ночью, мотоцикл забрали, мы пошли в курятник.

На чердак залезли и 21 день на чердаке жили. В бочке грязная вода для курей, вместе с ними пили ее. Куда деться? Потом нас сосед забрал к себе домой».

**Недзельская Светлана Николаевна, село Казачья Локня
(Курская область).**

«В самом начале, это было где-то 7 августа 2024-го, убили ВСУ двух мирных, они жители нашей улицы.

Фамилия одного Зарудный Михаил, по селу его звали Миша Сыла. Ему где-то лет 60 было.

Второй, Коля, по селу его звали Мамлыга. Ему где-то 50 было. Они были застрелены на улице. На улице несколько дней они лежали.

Потом их немножко присыпали землей, потому что жара была до 40 градусов. И через некоторое время их перезахоронили на кладбище.

К нам один раз приходил подвыпивший ВСУшник. Потом оказалось, что он бывший заключенный. Маме говорил, что я могу в ногу выстрелить. Маме 77 лет.

Однажды мы слышали стрельбу сильную. Мы с дочкой спрятались в доме. Потом на улице сгорело два дома. Это где-то через три дома от нас. Потом узнали, что там обнаружили российских военных. Одних они сожгли в доме, а над одним поиздевались и застрелили на улице. У соседей, возле их домов это было.

Потом этот парень уже лежал на улице, его тоже со временем немножко присыпали.

Украинцы у нас машины отнимали. Даже если кто-то умудрялся снять аккумулятор и колеса, все равно они забирали.

Трактор угнали на Украину. Из пустых домов вывозили все, что могли. Машинки стиральные, холодильники. Мы сами лично видели, как оно выезжало. Через щелочки, через окна мы смотрели. Я сама лично видела, как украинцы загружали».

***Штаненко Наталья Николаевна, село Черкасское
Поречное (Курская область).***

«Муж вышел набрать воды из колодца, летел груженный украинский дрон. Он мужа заметил и начал на него заворачивать. Он во двор забежал, падает, говорит, на меня дрон летит.

И мы с ним упали возле дома, во дворе. И он взорвался, и осколками нас покалечило. У меня мизинец переломленный и на ноге множественные осколки. Здесь, на голове тоже осколок вытаскивали. 4 марта 2025-го, 4 часа дня.

И поэтому мы стали выходить оттуда, потому что уже невозможно было. Раны многочисленные. И мы думаем, что будет, то будет.

Ну и пошли рано утром, переночевав.

Ночью переночевали, чтобы уже поздно не пошли в ночь. Перевязали, у нас там рядом мирные были жители тоже, они нас перевязали.

Мы переночевали и пошли на Курскую трассу. И дошли до наших солдат.

Мины обходили, там было много мин, но мы их обходили. Господь миловал».

Хивук Людмила Мунировна, 73 года, город Суджа (Курская область).

«Украинцы убивали, когда люди нарушали их комендантский час, их режим. Режим был у нас с 10 до 5 часов, после 5 мы не должны были где-нибудь появляться.

И были случаи, когда люди уходили, уезжали куда-то, допустим, поехали в магазин, их украинцы отстреливали.

Убивали, короче.

И это был не единичный случай.

Был даже такой случай, что я вышла раньше времени, мне нужно было пойти по дамбе к себе в дом. У меня была на вокзале квартира, я хотела ее проверить.

И прямо вышла я там минут, может быть, за 10–15 раньше, и во след мне они прямо стреляли. Прямо автоматная очередь была.

И были еще случаи, что убивали людей, которые, опять же, даже не нарушали, а поехали куда-то.

Два человека были застрелены из интерната.

Они вечером поехали, часов в семь, наверное. Это уже было нарушение.

Их застрелили».

Фисенко Марина Евгеньевна, 62 года, город Суджа (Курская область).

«У нас грабили украинцы – и военные, и гражданские.

Наверное, из соседних сел, с Украины.

Все кряду, все, что можно было тянуть. И холодильники перли, и какую-то бытовую технику, и постельное белье. И одеяла, пледы, мебель грузили, мотоблоки.

Даже эти тракторки сельскохозяйственные.

Они были без оружия. А за дверью, на крыльце, военный украинский.

Я увидела часть лба, автомат и форму».

Агапов Вадим Николаевич, село Заолешенка (Курская область).

«Сначала украинские солдаты, которые первые заходили в село, это были штурмовые отряды. Некоторые не говорили по-украински, это был польский язык. Эти просто неадекватные ребята.

Убили мужа Людмилы Беловой. Мы его ездили искать, нашли только могилу. Он ехал на скутере, и его застрелили».

Сергей, село Казачья Локня (Курская область).

«Наш боец отстреливался, его застрелили, а потом начали над ним издеваться, вырезали у него достоинство, положили в каску, и он лежал».

Крюкова Нина Федоровна, 68 лет, село Плехово (Курская область).

«Мой сын вышел 13 сентября. Он говорит, пойду немножко огурчиков, сало возьму. Я его еще не пускала. Думала, вот как предчувствие какое-то. Говорю, Саша, у нас есть пока. Нет, я пойду, я быстренько приду. Ну, пошел и не вернулся.

Утром пошел мой племянник. Пошли искать. Племянник говорит, пойду я в дом. Заходит, а он лежит, руки связаны пленкой, скотчем. На левой стороне лежал. У спины три выстрела сделано, и голова расстреляна. А потом уже мы его стали вывозить на коляске, чтобы похоронить.

Как-то пошли по воду, у нас колодец заминирован оказался в огороде. Одно ведро вытащили, второе вылили во фляжку, второе ведро стали поднимать, а с ним еще собака ходила, Дружок. И она, в общем, видимо, помешала, иначе только их, наверное, совсем бы разорвало. А то она промеж ног вот Колиных проскочила и промеж колодца. И ее разорвало. И ребят сразу поваляло троих. У Коли уже, как говорится, средняя тяжесть была.

У него обе ноги были пробитые. Он на ногах, на локтях и на коленках дополз до дома. Второму чуть легче. Он дошел до дома. Он говорит, пойду скажу мужчине. Там знакомый, Николай, – пускай тачанку берет и поможет.

Он в соседний к нему дом зашел и слышит выстрел. Переждал, говорит, минут 10.

Заходит, а тот уже расстрелян в голову. Мужчина этот лежит.

Украинцы поджигали дома. А перед этим у кого окна поразбивали, у кого двери посламывали, гаражи, и начали воровством заниматься. Они поугоняли машины, потом мотоциклы, у кого скутера были, у кого квадроциклы. Это все они пособирали. Потом начали дебоширить в домах.

Вчера нам показали фотографии тел расстрелянных. И говорят: “Вы этих людей узнаете?” Ну, мы посмотрели, сразу узнали четверых. Таня говорит: “Вот эта Пронякина, да это ж мой Николай и моя Зина, сестра”. Ну, и Люду, и Игоря мы узнали. Только сейчас узнали, что их постреляли.

Постреляны они были тоже в голову украинцами».

Козлов Николай Иванович, 71 год, село Плехово (Курская область).

«Когда украинцы зашли, на второй день они начали взрывать гаражи. Взрывать гаражи, забирать машины.

В наш подвал украинские военные стреляли, но не попали как раз в угол, где мы были. Потом они ушли. И пришли снова часа в четыре. Меня положили на землю, а жена слабоходящая. По радиации связались со своим начальством, спрашивают, что с ними делать. Оттуда отвечают: на ваше усмотрение. Ну, там двое пожилых украинских военных было, и они, в общем, уговорили молодых, чтобы нас оставили в живых. Это пожилые украинские военные нас спасли. Если бы не они, то нас другие бы расстреляли.

Ранение мы получили 7 декабря. Мы пошли по воду и подорвались, колодец был заминирован.

А потом мы узнали, что возле другого колодца четверых с нашей улицы с утра застрелили. К другому колодцу они пошли и как раз на украинцев нарвались. И их, всех четверых, тоже в голову простреляли.

А мы пошли к другому колодцу, мы ходили на тачках сразу, чтобы воду 100–150 литров привезти. С нами еще были Королев Владимир Алексеевич и Пронякин Василий Иванович.

Там и подорвались втроем. Василию Ивановичу обе ноги и кости все поперебило. Я на одну ногу не мог наступить. Я на коленях и на руках дополз, больше километра до дома.

А Владимир Алексеевич зашел в двор у другого и услышал выстрел. Он побоялся, минут 7–10 постоял, потом вроде стихло, все, зашел, посмотрел, и он убит, говорит. Забелин Николай Александрович, 67 лет. Я захожу к нему что-то сказать, а он во дворе лежит убитым. В голову застрелен.

На другой улице убито украинцами было еще двое, и женщина сгорела в доме. Она малоподвижная была, не ходила. Мужа ее застрелили во дворе и подожгли дом. Она 1946 года, а муж ее был 1941 или 1940 года».

Верба Раиса Андреевна, 73 года, село Замостье (Курская область).

«Я была с сестрой в доме, вдруг залаяла наша пекинеска, собачка. И я услышала, как подъехала машина и остановилась возле нашего дома, под нашим двором.

Я побежала к окну, посмотрела: выходят из машины военные, обмундированные, с автоматами, масками, и идут к нам в дом. Украинские военные с синими повязками. И на голове что-то, на касках повязки. Ну и тут же символика у них желто-голубая.

Один говорит, машина у вас есть? Я говорю, дочкина машина в гараже. Мы ее забираем, ключи.

Руку поставил: ключи. Отдала ключи.

Потом они спросили, у кого еще есть машины? Ну и они пошли. Кувалдой начали сбивать замки, разбивать ворота на гаражах, искать машины.

Через один дом от нас еще одну машину нашли. Из гаража выгнали ее, завели и уехали. У меня забрали «Киа Рио». Они кувалдой номера сразу сбили с машины. Завели и поехали.

Сначала машины забирали. А потом забирали все, что можно. У людей, у кого были прицепы, выгнали прицепы. Забрали мотоблоки, забрали все, что было в гараже».

Беленцова Зоя Владимировна, 64 года, село Погребки (Курская область).

«Я получила ранение 4 сентября у нас в Погребках, когда перевязывала соседа. Обстреляли дома украинцы. Бьют они, их дроны летают, взрываются, осколки летят от них. Николаю Радюкову попало на улице, я его перевязывала. И они ударили в его хату, а меня ранило. И начала гореть хата сразу. Мы из этой хаты уходили. Я еще упала, была без сознания. Потом

пришла домой, муж меня перевязал. Украинцы начали и эту хату бомбить – мы убежать. Все это были украинцы.

Потом мы жили 4 месяца в подвале. Мою хату бомбили, разбили, били пострашному. Очень было страшно. 17 октября моего мужа убили. Виктор Марьянович Реут. Ему было 54 года. Мы сели на лавочку, он говорит: “Летит дрон”. Я говорю: “Иди, уходи, дрон!” И вот, дрон, “Баба-Яга”, мины начала сбрасывать. Его эта мина убила. И сарай начал гореть. Когда попало в него, он прожил всего 10 минут. Разорвало ему ноги, попало в сердце, попало в легкое.

ВСУ нам перестали давать проход к воде. Заминировали нам дорогу, заминировали источник. Я когда уходила, шла через мины, очень много переходила мины, чтобы не взорвались все.

ВСУ убивают людей. Как увидят, так и стреляют. Надежду, помню, убили на глазах у мужа».

Глинникова Надежда Григорьевна, село Николаево-Дарьино (Курская область).

«14 декабря украинская “Баба-Яга” сбрасывает возле нашего подвала и меня ранит в ногу. У меня был только один бинт. Еще что спасло? У меня была присыпка. Я держала хозяйство, для птиц и поросят была присыпка. И вот этой присыпкой стал мне Антон обрабатывать ногу, сыпать. Один бинт был у меня. Но когда это все разорвало мясо, кость не задело, я понимала, что надо это все обрезать. Он все это мясо, шкуру, все обрезал ножиком. Вот это сыпал присыпкой, забинтовал бинтом. Бинта хватило на два раза. Больше нечем было.

У нас была бабушка 86 лет, она шла из дома, еще подвал не был у нее засыпан. Она пошла домой взять соленье, варенье, и когда она шла, то тоже был украинский прилет, и ее ранило. Украина била.

Мальчика Макара убили. Он с отцом приходил в наш подвал. 23 января он был в нашем подвале, разговаривал. Ему было 7 лет. Он сказал, я вырасту и все равно им отомщу за это все. Очень хороший мальчик. 24 января к ним в подвал сбросила “Баба-Яга”, и вот этот мальчик погиб. Дедушке его ногу перебило, а его насмерть. Чайкин Макар Александрович, а дедушку его звали Баранов Александр Николаевич. А Третьяков

Сергей Васильевич шел от сестры домой и налетели дроны, две “Бабы-Яги” скинули, и его ранило.

2 декабря его ранило, а 8 декабря он умер. Он так мучился...

Скворцов Владимир Николаевич погиб. Это был прилет. Он сразу насмерть. А там был с ним еще Киселев Алексей Павлович. Ему повредило позвонки, он не мог ногами шевелить. Мы к нему: Леша, Леша! Он разговаривает, а ходить не может. Алеше 37 было. Вову 29 октября убили, а Лёша умер 6 ноября. Мы сами Лешу похоронили.

Терентьев Борис Петрович погиб. Ему было 56 лет. Его ранило, он спустился в подвал, и уже когда его нашли, он был мертвый.

А отца Лешкиного спалили украинцы – бросали гранаты в подвал, и он сгорел. Это было числа 27–28 декабря. Женщину одну 13 февраля – тоже прилет в подвал. Сын вышел, она осталась там – ее привалило. 95 лет ей было. Украинский сброс с дрона. Екатерина Михайловна ее звали.

25 декабря украинцы расстреляли семью Пугачевых.

Украинцы 8-го, после обеда, часа в 4 ехали на танке и стреляли по домам. А когда мы пришли в село Апанасовка, там уже все горело. Слышали крики женщин, детей. Нечем было питаться. Одну воду пили из речки. С 26 ноября мы жили у соседки. Я, муж и еще женщина, у нее тоже все сгорело.

1 декабря муж пошел набрать домой воды, а украинцы его в спину застрелили. Я ждала, ждала, не дождалась. Пошла, он уже мертвый во дворе по улице Ульяновка. Я слышала выстрелы. Анатолий Иванович, 68 лет. Я побежала к друзьям. Мы его забрали. Дома уже похоронить его нельзя было, потому что там прилеты были сильные. Мы увезли его на другую сторону улицы, на родительском дворе, на огороде родителей моих похоронили. Он был одет в гражданскую одежду, а украинцам без понятия, им было все равно».

Другань Елена Анатольевна, село Новоивановка (Курская область).

«18 октября мы шли с отцовской женой. Мы вдвоем жили – отец парализованный, Ольга, его жена и я.

И мы пошли с ней за картошкой. Идем с ней, метров пять до дома оставалось идти, и раздаются автоматные очереди. Мы упали. Думали, что, может, украинцы пугают.

Тут первая пуля прилетела мне по предплечью. И я понимаю, что это не шутки никакие, уже они, значит, убивать будут.

И я кричу: “Ольга, полезли! Это не пугают нас, это уже по-настоящему застрелят”. Она полезла в огород, а я полезла по улице. Я быстренько ползу, а автоматная очередь пошла работать по мне. И автомат работал не один, потому что звуки разные. За то время, что мы побыли там, мы уже стали различать.

И, получается, две пули прошли руку мне, локоть. Сустав раздробило, кости. А потом, ну, оставалось метр до ворот, пуля пришла мне в бедро, другая в икру внизу. Икру вырвало, а ногу выломало, подвернуло, и меня перевернуло в воздухе, я упала на спину. И я лежу, понимаю, что не могу ничего сделать, не могу двинуться. Я начала кричать: “Помо-

гите, помогите!" И они начали смеяться, я услышала, смех стоял долгий. Украинцы смеялись.

Видели, что идут две женщины, но все равно открыли огонь. По какой причине, мы даже не знаем, почему по гражданским начали лупить. Может, поиздеваться решили, может, посмеяться решили. И еще потом смеялись.

Меня люди затащили кое-как. За руку меня затащили, перебинтовали, в дом вкинули. А вечером слышно было, когда мимо дома проходило два украинца, один другому говорит, что вот сюда ее затащили. Мы очень перебоялись все, потому что думали, сейчас придут и будут добивать нас украинцы.

Потом, где-то через дня два, вылезла женщина, она была без ноги, напротив, в подвале жила. Она рассказала, что ее мужа застрелили прямо в подвале из автомата. Услышал шум, шорох, что кто-то лазит. И спросил, что вам надо, что вы хотите? И они молча – ни слова, ни полслова – застрелили его. И потом он упал к ногам женщин в подвал. И украинцы закинули туда гранату. Граната еще взорвалась под ним, оторвала ему ноги. Женщине осколки мелкие попали. Она сидела там, боялась, потому что страшно было вылезти, потому что могли бы застрелить и ее. Они начали звереть, украинцы и без разбору стреляли уже – гражданский, не гражданский.

А мне они стреляли прицельно по конечностям. Пули в две руки и две ноги – это решили поиздеваться. Что ползи, мол, выживешь – выживешь, не выживешь, значит, не выживешь. Недалеко же они были, если вы их слышите. Метров двести. Икру мне вырвало, мясо вырвало.

А когда не было воды, мы снег топили или сидели вообще без воды по три дня, так, что горло пересыхало. Не было возможности. В деревне было три колодца всего. Они понимали, украинцы, что три колодца, что кто-то придет по воду. И они стали вешать эти дроны над колодцами. Они стали убивать прямо около колодца людей, гражданских. Одна бабушка шла за водой, и ее там убили около колонки».

Вакуленко Татьяна Анатольевна, село Гончаровка (Курская область).

«Мы с мужем просто пытались выехать. Вакуленко Александр Алексеевич, 44 года. Его украинцы убили. У нас обыкновенная машина, серая, серебристая, гражданская, обыкновенная машина. Пытались выехать на трассу, которая ведет в город Курск.

В районе обьездной мы услышали автоматные очереди. Муж сказал, разворачивайся. Я за рулем была в машине. Муж сказал, разворачивайся, давай пробовать выехать через Казацью Локню в город Льгов. Когда мы уже въехали в село Казацья Локня, у нас сразу на въезде был такой магазин “Василек”. Напротив этого магазина, вспоминаю, тоже видела боковым зрением что-то оборудованное ими. То ли из мешков, то ли из коробок, но вот как блиндаж. Мы только въехали, там просто дорога в поворот.

И нас сразу начали обстреливать. То есть никто не просил остановиться, что-то выяснить. Никто там не пытался нам махнуть, чтобы остановиться. Сразу нас начали украинцы обстреливать. Мы сразу поняли, что нас обстреливают. Муж начал кричать. Стреляли по его стороне, по пассажирской. Я газ со всей силы. Проехали мы еще километров 10.

Муж кричал. Я видела, что ноги у него ранены. Он кричит: “Тормози, тормози!” Уже чуть-чуть не доезжая до села Погребки, прямо возле остановки машина наша все, закипела – видимо, радиатор был пробит.

Дальше ехать мы уже не могли. Я открыла дверь со стороны мужа, увидела, что ноги у него были разорваны очень сильно, он сильно кричал, я полотенца достала, пыталась ноги перемотать ему, перевязать. Кричит – подними меня. Я его подняла и увидела со спины у него прям фонтан крови, там

реально был фонтан. Я такого никогда не видела и, уже подняв футболку, я увидела, что у него ранение – пробито легкое, там была большая рана, и в районе почек была вторая рана.

Я пыталась дозвониться до МЧС, понимая, что дальше ехать нам не на чем. Нас искали очень долго, 5 часов. То есть это вот случилось в районе 10 утра, и в районе 3 часов дня только за нами приехали. Муж уже был совсем тяжелый, терял сознание, крови очень много потерял. Они забрали его. Машина была легковая, мне просто некуда было сесть. Они мне сказали, что мы его забираем, везем в больницу во Львов, а ты, говорят, прячься, не стой возле машины, спускайся в посадку и жди, говорят, мы за тобой вернемся.

Когда в посадке я сидела, слышала, что-то жужжит над головой. Поднимаю голову, украинский дрон или коптер кружил. Я начала по этой посадке глубже прятаться. Я туда-сюда, куда я, туда и он. Потом я услышала просто “бах”.

Часа через два приехали обратно эти же. Сказали, что муж живой, что они его отвезли в больницу. Забрали меня, довезли до въезда в город Львов. Мы два дня искали его среди живых. Мы все-таки надеялись, что он жив, но он умер у нас в Льгове, в больнице он умер. Его спасти не смогли».

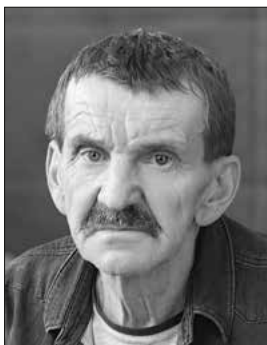
Гриненко Александр Григорьевич, деревня Куриловка (Курская область).

«У меня ВСУ убили зятя. Было четыре прилета со стороны Украины. Со стороны трассы чешский РСЗО “Вампир” выпустил четыре ракеты по Гончаровке, по улицам Новая и Больничная. Зять с дочкой собирались на работу. Вышли ехать на работу – три прилета. Два прилета по улице Новой и один прилет по улице Больничной к зубному врачу во двор. Зять заходит в дом, дочке говорит, собирайся, поехали.

И прилетело под двор, влетело в асфальтированную дорогу, и осколками разнесло весь дом, побило дерево огромное насквозь. Сила была страшная.

В итоге погиб зять, мы его довели до больницы, и он на операционном столе скончался. А дочку контузило.

Куриловку ВСУ обстреливали еще в июле месяце. Они в Куриловке сожгли четыре автомобиля на комплексе. Грузовой автомобиль у Кости Иваненко. У нас в деревне взрывчатку они скинули ночью с дрона. Хозяева выбежали на улицу, тушили, машина загорелась. Они кидают еще один дрон.

На другой день они на свинокомплексе спалили рефрижератор. И рядом стояла машина охранника, парень на работу приехал, его машина пострадала.

Костин ГАЗ-53 они в июле месяце в Куриловке сожгли. Прилеты были по Плехову, по Махновке, по городу били, по Гончаровке.

Военных поблизости никаких не было вообще. Военные наши стояли там, на передовой, в районе границы.

А здесь была мирная больница рядом, может быть, по больнице били, больница Суджанская, центральная. Сначала не долетело. Но в итоге они все равно больницу подожгли. Третий этаж, хирургия сгорела.

Хохлы зашли со стороны Юнаковки. Два километра на поворот "Куриловка" указатель стоит. И они перекрыли этот пост. И все люди, которые начали выезжать, они их всех просто расстреливали.

Вот первая женщина из моей деревни, Нина Кузнецова, она выезжала примерно в 11 часов со своей семьей, с мужем. Муж на "Ниве" вперед поехал, а она с ребенком и матерью ехала сзади. Муж проскочил, а по ним открыли огонь. Нину сразу насмерть убили.

Лена – моя кума. Как она там доехала раненая до больницы? Ребенка ранили, два годика мальчику, и ее ранила. И они

доехали до больницы самостоятельно. В час или в два Лешка Трубицын, тоже мой земляк, ехал за матерью.

Позвонил: “Мама, я тебя приеду заберу”.

Они останавливали все машины. А часа, наверное, в три ехал мой сосед. По ним открыли огонь. Но он тоже не остановился. Он промчался, пробили радиатор ему, пробили пассажирскую дверь. Под сиденьем пуля прошла. Прилетел домой, схватил сына на руки. Ему года четыре. И мать у него больная, и они ушли вброд через речку.

Они Лёшку останавливали, но он не остановился. И они положили мины, а он через мины пролетел и подорвался. Его разорвало, машина сгорела, он обгорел, оторвало ему ногу. Короче, это было где-то после часа.

Ирка поехала туда к ним, забрала этого Лёшку, сама затащила в машину свою. Нашла ногу оторванную, представляете какой ужас. Привезла домой, и его наши ребята похоронили на огороде. Это было 6 августа вечером. С тех пор они никого не пропускали.

Выезжал мой земляк, одноклассник мой, выезжал с семьей. Их ранили, и он раненый доехал до Солдатского, и там уже ему оказали помощь.

Юрка Кузнецов, у него сын остался в Куриловке, он постарше меня, он ехал к нему на “четверке”. И едет колонна танков украинских. Он принял на обочину – уступать дорогу. И его прямо с танка автоматом прострелили. Он развернулся, каким-то чудом, доехал до нашей больницы.

У Николая Кузнецова мать, 84 года, с больными ногами. Он из-за нее остался там.

И его утром ребята обнаружили убитым. Там у нас осталась одна колонка ручная. То ли водыпошел набрать, не знаю уж. И его убитого в глаз нашли. Этот парень наш нашел с моим братом. Они его похоронили там.

Вторую женщину, 72 года, тоже около этой колонки нашли. Два трупа, застреленные почему-то в глаз.

ВСУ – это фашисты. Это просто садисты».

Золотарева Валентина Ивановна, 71 год, село Заолешенка (Курская область).

«Моих знакомых, женщину с мужем, зашли ВСУ и убили.

У нее дом рядом с сельским советом Заолешенка, она работала в сельском совете. Они остались там, не смогли выехать, и их убили. Ей было около 80 лет и ему так же. Просто расстреляли.

А в соседнем селе приехал сын к матери. Зашли хохлы и их с матерью убили. И мать, и его убили.

Мать моложе меня – 55 лет, где-то так. Пришел в отпуск человек, и его убили.

Что делали ВСУ – было страшно. Что люди рассказывали? Что видели уже. И уже как трупы лежали, и как издевались.

А вот сейчас сами эти... украинцы показывают видео, как они расстреливают мирных жителей».

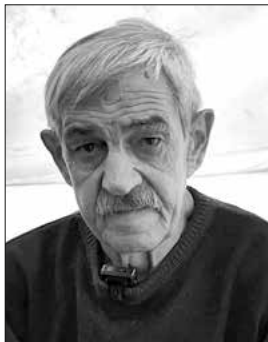
Марганов Анатолий Сергеевич, 70 лет, село Большое Солдатское (Курская область).

«ВСУ двор у меня рассадили. У соседки рядом. Представляю так, что это миномет.

В одной машине погибли люди, двое мужчин ранены.

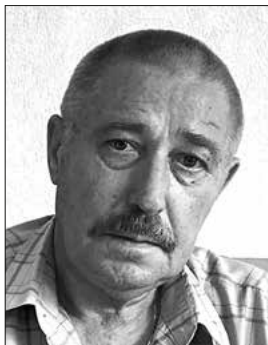
Женщина погибла и ребенок раненый был.

Волонтеров расстреляли тоже в машине».

Люшный Валентин Иванович, 62 года, город Суджа (Курская область).

«Вспышка и один удар с левой стороны. Слышу, супруга говорит, что болит. Спереди сосед Василий сидел, я их вывозил – его и супругу. Мы последние с улицы выезжали из Суджи. Вдогонку слышу еще один взрыв, вспышка. Смотрю, машину начало клонить на левую сторону. Потом правое переднее колесо, смотрю, уже пустой баллон.

Я протянул еще километров, может, пять от Суджи. Супруга говорит, у меня кровь. Машина накренилась.

Позвонили на 112.

Обстрел. Впереди, прямо посередине дороги, легковая машина догорела, пламени языки были. У меня все фотографии в телефоне есть, где и радиатор полностью разбитый был, и оmyвательный бачок, как прошли панель, двери, задние фонари разбиты, поворотник и стоп-сигнал. Осколком, который с второй вспышкой был сзади вдогонку».

Колесник Татьяна Васильевна, село Пушкарное (Курская область).

«Наше село находится в 8 километрах от города Суджи. Когда они зашли, мы даже не знали, что зашли, потому что с 7 августа у нас уже не было связи.

Мы эвакуировались 12 августа.

Когда ударил снаряд, у меня дом треснул, мы уже поняли, что опасно оставаться. Собаку отвязали, двери я открыла для животных, чтобы в дом ходили, как бежали.

И мы пошли в сторону школы.

А еще прошла группа из десяти человек. Там был мальчик, две женщины, дедушка.

Из Пушкарного не было прямой дороги, потому что везде были засевавшие ВСУ. Они расстреливали машины, все там полностью. И людей заставляли в щебенку зарывать, люди до сих пор в щебенке зарытые лежат. Руками заставляли рыть щебенку, людей в щебенке зарывать мертвых. Вся дорога, там трупы, там много захоронений вдоль дороги.

Люди рассказывали, что ВСУ переодевались в нашу военную форму. И они останавливали людей, прям на глазах было, что мужчины голову отрезали человеку. Это грузины и поляки.

А так расстреливали людей. Мужчину и жену его, ему, наверное, больше 50, ей, может, до 50, – их расстреляли».

Левченко Алла Федоровна, 75 лет, деревня Журавли (Курская область).

«Мы сидели во времянке, и вдруг осветило все. Мы попадали на пол.

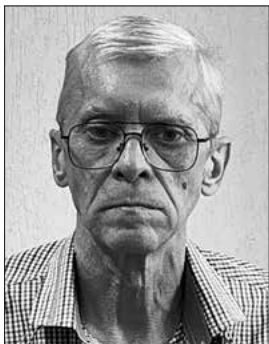
С пола поднимаемся, Володя весь в крови уже. Четыре раны: осколок один вытянули маленький, а большой не вытянули, правая рука ранена и под сердце. Котел разбит газовый, газовая плитка полностью стекла, труба пробита, холодильник пробит. Обстрел Украина вела.

Приходит сосед Вася. У них окна разбиты, баня вся побита, попростреляно все, собака убитая.

Одна женщина рассказывала, что украинцы едут и стреляют прямо по заборам, везде, где мирные жители. Такие снаряды летели прямо через хаты. Ехали и стреляли».

Моисеев Валерий Павлович, г. Суджа (Курская область).

И тут получается так, что с мая месяца сама Суджа начала подвергаться обстрелам. Причем это действительно очень серьезные...

И каждый день выла сирена. И каждый день идти в бомбоубежище, спускаться, прятаться.

Особенно сильно было 14 июня этого года, 24-го.

В этот день примерно со стороны Свердликово был обстрел по Гончаровке. Там пострадало, по моему,

14 домов. То есть хозяйственные постройки.

Это был обстрел, как, кстати говоря, мирного. Там военных частей нет. Это просто жилая часть. Пригорода Суджи.

Обстреливали, конечно, украинцы, ВСУ. И были сметены все хозпостройки.

А на Забродке, в городской черте, улица Забродок, Юрий Неткач забрал из санатория свою 11-летнюю дочку Полину и попросил друга подвезти до дома.

Они буквально не доехали метров 20. Сзади попал снаряд, выпущенный со стороны Украины. Машину всю раздуло. Она пробита была, как решето, осколками.

Неткач погиб на месте. Ему там, по-моему, полноги оторвало даже. Шофер ему вырвало из ноги часть. Тоже осколочные ранения.

И девочка Полина, у нее множественные осколочные внутренние попадания. И в шею у нее было затруднено дыхание. которые во время обстрела помогли, спасли их буквально, вытащили из машины и под обстрелом доставили в больницу.

Но тем не менее, это девочка, это просто мирные жители ехали, это не военные.

Массовый расстрел ВСУ мирных граждан в городе Селидово (Донецкая Народная Республика)

После освобождения г. Селидово Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов обнаружены тела мирных граждан г. Селидово, расстрелянных вооруженными силами Украины.

Жители г. Селидово рассказывают о массовых расстрелах, которые были организованы вооруженными силами Украины перед и во время своего отступления: мирных граждан расстреливали на улицах, в частных и многоквартирных домах целыми семьями. Эти убийства нередко осуществлялись прямо на глазах опрошенных свидетелей.

Результаты осмотра тел убитых мирных жителей г. Селидово подтверждают показания потерпевших и свидетелей. Ниже приведено несколько результатов такого рода осмотра.

Председатель Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов М.С. Григорьев организовывает работу по документированию массового расстрела украинскими военнослужащими мирных граждан в г. Селидово

В частном доме по улице Кузнецова, 23 была убита семья – Масло Татьяна Александровна (дата рождения – 29.03.1973) и Масло Александр Сергеевич (дата рождения – 10.11.1974), их личности подтверждены соседями и родственниками. Тело женщины находится в полураздетом состоянии со следами насилия, на нем обнаружены четыре огнестрельных ранения. Комментарий медицинского работника во время предварительного осмотра: «У мужчины пулевое ранение. Входное отверстие в лобную часть справа. Выходное отверстие через височную долю. Калибр 5,45. У женщины пулевые ранения в левой затылочной части. Выходные отверстия через затылочную часть. Кости черепа деформированы. Виден канал от пули. Следующее тело – стреляли сзади в заушную область, выходное отверстие – лобная доля. Во время стрельбы мужчина находился возле печки».

В доме по адресу Кучуринская, 876 обнаружены тела двух мужчин и одной женщины со следами пулевых ранений, личности подтверждены родственниками: Коровка Сергей Петрович (дата рождения – 12.06.1974), Коровка Наталья Анатольевна (дата рождения – 15.09.1975), Коровка Александр Сергеевич (дата рождения – 20.01.1996). Согласно сообщенным данным, убитый ВСУ Коровка А.С. был инвалидом.

На фотографии убитый ВСУ мирный житель г. Селидово А.С. Коровка

Около дома по адресу Нагорная, 17 обнаружено тело Сергея Александровича Смелева (дата рождения – 08.08.1951, возраст – 73 года). Комментарий медицинского работника во время предварительного осмотра тела: «Пулевое ранение. Входное отверстие в шею под подбородком, след от ожога – стреляли с расстояния нескольких сантиметров. Выходное отверстие тоже на шее погибшего, слева». Свидетель преступлений ВСУ Равинская Наталья Александровна подтвердила личность убитого: «Это наш местный – Смелев. Мы вместе работали на шахте. Жили в одном квартале. Нашли расстрелянным». Личность убитого также подтверждена находившимися при нем документами.

По адресу ул. Карла Маркса, 27 обнаружены тела двух жителей города. Одно тело принадлежит женщине возрастом около 70 лет, а теле обнаружено входное отверстие от выстрела из огнестрельного оружия в области носа, выходное отверстие в области челюсти. Второе тело принадлежит мужчине, выстрел произведен в рот, выходное отверстие в височной области головы.

На фотографии убитые ВСУ мирные граждане г. Селидово

Опрошенные пострадавшие и свидетели подробно рассказывают об убийствах вооруженными силами Украины жителей города. Согласно их показаниям, массовый характер расстрелы жителей приобрели с 21 октября. Убегавшие от ВСУ мирные жители города свидетельствуют, что украинские военнослужащие преследовали их вплоть до самых домов или квартир. В случае, если им открывали двери, следовал расстрел всех присутствовавших.

Например, свидетель преступлений В.Е. Васильконова рассказывает, что происходило на ее глазах: «ВСУ отходили 21 октября. Мы стояли возле подъезда, они начали стрелять. Мы слышим украинский говор: “Иди сюда, иди сюда”. Мы бегом разбежались по подъездам. Я забежала быстренько, а украинский военный кричит: “Она вон туда побежала”, и они прострелили мне дверь. Мы позабежали, а напротив в 12-м доме стояли люди. ВСУ говорят: “Открывайте, вам ничего не будет”. Тетя Валя открыла, и их, четырех человек, застрелили... 75 лет тете Лене было, они ее пристрелили. А Кирилловна, учительница по украинскому была, она убежала в подъезд, ВСУшник ее догнал и застрелил».

Потерпевший В.В. Романенко рассказывает о расстреле его семьи, который произошел на его собственных глазах: «В 7 часов утра я вышел в туалет на улице, в огороде. Я вышел туда и слышу крик: “Всем выйти из дома!” Кричал человек, ВСУшник, в украинском камуфляже с зеленой полосой. Их было двое. Со стороны гаража поставили мою жену, потом внук, сын, не помню точно. Потом невестка и сватья – мама невестки. Невестка начала плакать, говорить: “Что вы делаете?” А он просто начал стрелять. Первой мою жену застрелил. Потом пошел дальше стрелять. Я по огороду убежал. Когда я пришел, то смотрю, тела лежат под стеной, но они были сожжены. На другой день я пошел, собрал, пакеты нашел, собрал останки, захоронил».

Свидетель С.Г. Боечко рассказывает, что видел собственными глазами: «ВСУ при отступлении просто расстреливали всех попавшихся. Заходили в подъезды, стучали в квартиры,

деревянные взламывали, а тех, кто им открывал, расстреливали. 22 октября при отступлении, где-то после часа, мы услышали интенсивную автоматную стрельбу.

Утром 23 числа я выглянул в окно и увидел убитого мужчину возле 6-го подъезда. Убита была наша соседка, лежала возле магазина “Колорит”. В радиусе ста метров от квартиры брата я видел восемь погибших человек. Валю – соседку с первого подъезда – я похоронил между домом и магазином. Дальше, возле 77-го дома, возле первого подъезда у тротуара двух убитых человек, мужчин пожилого возраста, видел. Еще возле шестого подъезда убитый. Возле магазина “Солнечный”, у левого угла магазина, лежал Сергей Касимов. У правого угла, за бывшим киоском “Союзпечать”, еще один мужчина убитый. За магазинами, на бульваре по бывшей улице Щорса, еще один мужчина. И возле 12-го дома, у первого подъезда, лежал мужчина убитый. Еще убитый лежал возле поворота около дома, около бетонной крышки канализации. Второй лежал на углу вот этого магазина. Третий мужчина лежал убитый ниже магазина, по тротуару.

Варвара Садчикова, жительница дома из первого подъезда, была убита вот в десяти метрах отсюда. Убили ВСУ и моего бывшего коллегу по шахте Володю Борисова. На перекрестке с улицей Шевченко. Его там точно так же, как других, отступая, убили украинские, солдатами их нельзя называть. Уроды. Убивали всех подряд».

Житель города В.В. Панченко так же, как и остальные свидетели, подтверждают данные факты: «...всех, кто был возле “Солнечного” магазина, начали расстреливать. Люди начали прятаться по подъездам. И ВСУ забегали в подъезды и там добивали всех. Они поднимались с первого по пятый этаж, стучали в двери, кто открывал, тех и били... ВСУ зашли к 12-му дому и выгнали тех, кто был в подвальном помещении. Парень что-то возмутился, его расстреляли».

Л.М. Врядий рассказывает об убийствах мирных жителей: «В 19-м доме многих постреляли украинские военные. Кто им открывал, они расстреливали. На третьем застрелили Галю, а на

пятом – Лену. Им было после 60-ти, пенсионерки. Безобидные женщины, хорошие, нормальные, никому вреда не делали. И вот она бежала домой и буквально не добежала один этаж. Люди видели это. Ее застрелили украинцы».

В.А. Скляр, 76 лет, рассказывает, как украинские военнослужащие убили ее сына: «Мой сын кричит: “Мама моя жива?” Прихожу, он лежит тут на диване, кричит: “Мама, я умираю, я умираю”. Что случилось: ехали на машине, украинские военные тут стояли, уже ждали. За углом, за забором стояли. Тринадцать ранений у него я насчитала. Я ему вытирала ножки, пробитое там отверстие большое. Мой убитый сын – Скляр Сергей Анатольевич. Эти двое украинских военных и Женю застрелили, и собаку застрелили. Руслана еще застрелили».

Согласно целому ряду свидетельств среди убивавших мирных жителей присутствовали те, кто говорил на французском и грузинском языках.

Например, свидетель В.Н. Погорелов рассказывает: «Там всех постреляли в голову. В этом доме в живых осталось трое. Одни не успели открыть, а другой забаррикадировался и слышал французскую и украинскую речь. Француз что-то обратился, а украинец говорит: “У нас уже нет времени ломать двери. Мы уже зачистили”. По нашему двору идет и с грузинским акцентом кричит: “Есть кто живой, есть кто живой?” Доходит до моего подъезда. Я уже хотел открыть, откликнуться, когда он начал кричать матом. Это было в среду, то бишь, он целенаправленно искал, кого убить из мирных жителей».

Кроме расстрелов из автоматического оружия с близкого расстояния, горожане свидетельствуют об убийствах мирных жителей украинскими снайперами.

Например, жительница города Н.А. Равинская свидетельствует: «В 12-м доме по Щорса засел украинский снайпер и расстреливал мирных направо и налево. Очень много наших друзей погибло во дворе. Кто-то хотел выйти прикрыть тела. Думали, что снайпер уже ушел. Накрывали тела и сами ложились

рядом убитыми. Кто-то бежал за помощью на другую сторону. Тоже убили».

Несмотря на то, что основной пик массовых расстрелов мирных граждан приходился на 22 октября и нескольких последующих дней, ВСУ убивали жителей города и ранее. Например, потерпевшая В.С.Ефремова (77 лет) рассказывает, как ее сына убили еще 17 сентября: «Я живу в частном доме по адресу улица Шевченко, 56. 17 сентября мой сын утром вышел в туалет. Слышу, что-то упало. Подхожу к калитке в сад. Вышла, а он лежит. Уже готовый. Вот здесь прямо в сердце попало. Украинцы убили, еще Украина здесь была».

Во время отхода ВСУ также уничтожали гражданскую инфраструктуру города.

Свидетель преступлений К.Я. Романенко рассказывает, как украинский танк расстреливал дома: «...возле улицы Ленина ездил украинский танк. Где доставал угол подъема пушки, где хватало, стрелял по пятиэтажкам по нашим. В наш дом прилетело выше. Он по улице катался, постреливал, а потом развернулся и через частный сектор ушел в сторону Покровска. ВСУ беспредельничали. Уходили под конец – не доставайся ты никому, получается. Зачем это было разрушать все? Зачем было стрелять? Нас не считали за людей».

Свидетель преступлений Н.А. Ручкина (74 года) рассказывает, что уничтожение города перед отходом было заранее запланировано ВСУ: «Украинские военные обстреливали нас, капитально обстреливали. Когда еще российских войск здесь не было. Они говорили, что будем отходить, разобьем ваше Селидово, полностью сотрем. Это были украинские солдаты. Разрушили наш город. Например, дом 2 по улице Карла Маркса – девятиэтажка. У нас тут ВСУ девятиэтажки поразбивали. 19 октября».

Аналогично другим населенным пунктам, которые временно находились под украинским контролем, жители г. Селидово свидетельствуют, что ВСУ обстреливали города и уничтожали мирную инфраструктуру до появления российских войск и своего бегства.

Пострадавший В.Н. Погорелов говорит, как происходили обстрелы города из минометов и уничтожение домов в городе дронами-камикадзе: «На улице Островского стояли минометы. Двадцать выстрелов по Новогородке делают. Потом разворачиваются на Ворошиловку (частный сектор Селидово) – и два выстрела... ВСУ заехали в дом, оттуда начали взлетать дроны с “морковками” (граната от гранатомета). И над нами летели, и летели на ту сторону Селидово, и на улицу Артёма, и ниже на улицу. Дома просто уничтожали... Дедушка спрашивает украинских военных: “Хлопцы, а когда русские придут, как же нам жить с русскими?” Один, самый здоровый, разворачивается и говорит: “Диду, ты русских не бойся, ты нас бойся. У нас 600 стволов, уйдем – сотрем Селидово”».

Пострадавшие и свидетели не имели иллюзий касательно отношения ВСУ к русским жителям города и оценивали его следующими словами – «для них мы не люди», «обращение как с материалом», «злость», «ненависть», «ВСУ – агрессоры», а действия киевского режима квалифицируются как нацизм.

Например, свидетель А.И. Мизев рассказывает о том, как украинские военнослужащие запрещали ему называть себя русским: «Я вспоминаю, с 2022 года ВСУ останавливают на блокпостах и начинают национальность спрашивать. Я говорю, национальность – русский. Они говорят, нельзя так говорить. Говорю, а как надо говорить? – Украинец российского происхождения».

Пострадавший С.С. Беляев говорит: «ВСУ заходили в подъезды, расстреливали. И работали еще по улице Щорса снайперы. Трое мужчин были убиты украинским снайпером. Мы для ВСУ ждуны же, сепаратисты, кто остался. Для них мы не люди и все. Материал».

Жительница г. Селидово Н.Н. Бородинова рассказывает: «Зашли ВСУ в дом частный. Там жила Оля. Ее с матерью 85-летней посадили в подвал и держали в подвале... Украинские военные убивали мирных жителей, чтобы запугать нас, наверное. Цель какая еще? Запугивание».

73-летний житель г. Селидово Андрей Иванович дает однозначную оценку действий и отношения к ним со стороны ВСУ: «Украинские военные вели себя как агрессоры. Они просто нас ненавидели. Мы – сепаратисты для них, мы не люди».

Свидетель И.А. Стрельник говорит о том, что такого рода отношение к Донбассу было и до начала СВО: «Я думаю, что украинские военные убивали мирных жителей от злости, что мы тут остались. Как они нас называли – ждуны... Терпели, но, видно, ненависть внутренняя их там какая-то съедала. И вообще, они считали, что мы русские. Донецкая область – это не Украина, они считали. Москали. Я лично сталкивалась с этим. Мне так говорили еще в старые времена даже».

Житель города В.Н. Погорелов рассказывает о том, что его маму убили украинские врачи в больнице за то, что она ждала Россию: «Мою маму вообще не лечили. Всех других, кто нацепил желто-блукитную резинку (флаг Украины) на руку – к ним подходили, их лечили. К женщине, у которой сын в “Правом секторе”, позывной “Торнадо”, этот сын приезжал и привез ампулы. И вот, она говорит, у меня есть это лекарство. Врачи говорят: “Ладно”. Врачи ставят капельницу с этим лекарством, и мама просто умирает. Начинает хватать воздух, язык начинается вылазить, не может вдохнуть. Задушили ее в общем».

В.Н. Погорелов вспоминает о фашистских маршах, которые транслировали украинские военнослужащие: «Помню, год назад шел через площадь. Стоит джип на площади, и на всю площадь оттуда играет музыка. Дойчен золдатен унд офицерен... Немецко-фашистский марш».

Свидетель преступлений ВСУ житель города В.В. Панченко однозначно квалифицирует действия киевского режима как нацизм: «Что такое украинский нацизм, я уже насмотрелся. Это десятки убитых моих знакомых ни за что. Это просто мирные люди».

Представленные ниже свидетельские показания в полной мере изобличают киевский режим в целенаправленной массовой резне мирных русскоязычных жителей города, включая

женщин и стариков, с использованием стрелкового оружия и с помощью беспилотных летальных аппаратов – как с использованием дронов-камикадзе, так и сбросов разнообразных взрывчатых устройств с дронов, а также в намеренном уничтожении домов мирных граждан и гражданской инфраструктуры города, что является военными преступлениями, не имеющими срока давности.

Романенко Владимир Васильевич, 68 лет, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

Комментарий медицинского работника во время осмотра места убийства его семьи: «В моей левой руке однозначно человеческие останки. Это – ребра, фрагменты костей. Это женская заколка, найдена в куче фрагментов тел сожженных. В правой руке у меня останки человеческого позвоночного столба».

«Прямо на этом месте мою семью расстреляли, а когда спалили их тела, я не видел. Полностью сожгли, скорее всего, из-за того, что ВСУшник видел, как я убежал. В руках у меня заколка моей невестки – Олечки маленькой, невестки заколка. Она вот здесь стояла.

В 7 часов утра я вышел в туалет на улице, в огороде. Я вышел туда и слышу крик: “Всеми выйти из дома!” Кричал человек, ВСУшник, в украинском камуфляже с зеленой полосой. Где-то лет под 50 ему было, невысокого роста.

Когда моих вывели из дома и поставили лицом к стенке, он кричал на всю улицу. Их было двое. Один стоял чуть-чуть подальше, а второй стал так, что мне было очень хорошо видно.

Со стороны гаража поставили мою жену, потом внук, сын, не помню точно. Потом невестка и сватья – мама невестки.

Невестка начала плакать, говорить: “Что вы делаете?” А он просто начал стрелять. Первой мою жену застрелил. Потом пошел дальше стрелять.

Я через огороды, по огороду убежал. Потом, когда 28-го я пришел, то смотрю, тела лежат под стеной, где их стреляли. Но они были сожжены.

На другой день я пошел, пакеты нашел, собрал останки. Где горело, накрыл останки. Все, что было, собрал в пять пакетов и захоронил здесь у себя под подъездом. Захоронили пять человек, пять пакетов, которые остались – моя семья. 51, 55, 78, 74 и 91 годы рождения».

Ефремова Валентина Васильевна, 77 лет, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«Я живу в частном доме по адресу улица Шевченко, 56. 17 сентября мой сын утром вышел в туалет. Я спросила у него: “Сынок, сколько время?” Он мне сказал: “Пять пятнадцать, ма”. И вышел. Ой, нету его, нету, нету... А у меня хозяйство, слышу, козочка что-то закричала. Думаю, наверное, там уже что-то делается. Его нету, сына. Потом слышу, что-то упало.

Подхожу к калитке в сад. Вышла, а он лежит. Уже готовый. Вот здесь, прямо в сердце попало. Его убили. Сходил в туалет, и все.

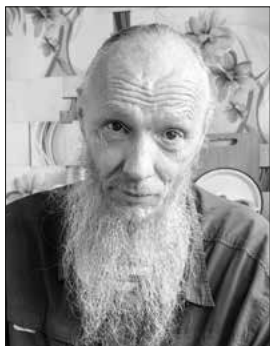
Украинцы убили, еще Украина здесь была. Я потом побежала к соседям, что же мне делать, говорю.

Они говорят: «Хорони на участке». И вот захоронила своего сыночка здесь.

Каждый день хожу, проводываю его, рассказываю ему, что и где случилось. Ему было 53 года.

Вон туалет, вон забор, видимо, держался за забор. Он взялся за калитку и упал. Уже дальше он не мог идти».

**Погорелов Владимир Николаевич, город Селидово
(Донецкая Народная Республика).**

«Мы с матерью утром поехали в Димитрово, на скорой помощи нас повезли. Приехали туда, положили нас не в реанимацию, в реанимацию должны были. Положили нас в терапию. Маму откачали, сахар подняли, все нормально, разговаривает.

Она на радостях начала рассказывать, что она русская, что племянница в Москве связалась с волонтерами, и когда сюда зайдут русские, то волонтеры придут по нашему адресу и вывезут нас.

Ну, а там лежала женщина, у нее сын с 14-го года в “Правом секторе” медиком работает. Когда приезжали к маме эти сыновья, то вскидывали руку и кричали “Хай Гитлер!”. Сыновья этой мамы приходили и кричали “Хай Гитлер!”, а она отвечала, вскидывала руку и отвечала: “Хай живе Украина!”

Мою маму потом вообще не лечили. На обходе подходила врач к ней и говорила: “Это левая рука, это левая нога”, разворачивалась и уходила.

Всех других, кто нацепил желто-блукитную резинку (флаг Украины) на руку, к ним подходили, их лечили. Я маме не нацепил.

Я начал требовать реанимацию. Врач говорит, реанимацию не надо, ставим здесь капельницу. К женщине, у которой сын в “Правом секторе”, позывной “Торнадо”, этот сын приезжал и привез ампулы, видел это на второй день, как он ей давал ампулы. И вот она говорит – вот, у меня есть это лекарство. Врачи говорят: “Ладно”.

Врачи ставят капельницу с этим лекарством, и мама просто умирает. Начинает хватать воздух, язык начинает вылазить, не может вдохнуть. Задушили ее, в общем. Во время капельницы.

Вот так это случилось. Вот так вот капает и она все – начала затухать, затухать, затухать и воздух глотать. И все...

Я – церковный человек, мне вообще с 2015 года говорили: “Чемодан, вокзал, Россия”. Выгоняли по всякому поводу и без повода, постоянно как бы крепили.

Помню, год назад шел через площадь. Стоит джип на площади, и оттуда на всю площадь играет музыка – Дойчен золдатен унд официрен... Немецко-фашистский марш. Прямо на площади встали и включили на всю громкость, и играло это.

Нас Украина выживала из города, просто забирали детей. Если не вывозишь, детей забираем. У меня кума, четыре ребенка, она из Красного. Забрали детей, вывезли в Винницу, там начали их съедать – издеваться над ними. Вот сейчас ей пришлось новый дом опять снять, чтобы жить. Съедают их. Сейчас она нашла уже с колодцем, уже не надо бегать по селу там, чтобы меньше кто видел, короче, чтобы не ходить по селу там. Ну, съели. То – не то, сыновья у тебя не такие, курица забежала не туда, еще что-то. Еще и по-русски разговариваете. Мыкается сейчас с четырьмя детьми. Если бы не уехали из Селидова, то просто бы детей забрали, и участь их неизвестна.

Я ездил к другу на улицу Островского. Там стояли минометы. С одной стороны улицы, с другой. Ну, с одного края и с другого края стояли два миномета. Они целый день стреляли по Новогородовке. 20 выстрелов по Новогородовке делают. Туда уже российские войска зашли.

Потом разворачиваются на Ворошиловку (частный сектор Селидово). По Ворошиловке два выстрела. Потом опять разворачиваются по Новогородовке, двадцать выстрелов сделают. Разворачиваются – и опять стрелять по Ворошиловке. Тут не было никаких российских войск.

4 октября я ездил на день рождения к Сереге на улице Островского – рядом с нами, через домов пять. ВСУ заехали в дом. Подъехала машина, остановилась, зашли в дом. Оттуда начали взлетать дроны с “морковками” (граната от гранатомета). И над нами летели, и летели на ту сторону Селидова, и на

улицу Артёма, и ниже на улицу. Дома просто уничтожали. Не было там никаких российских войск. Это было 4 октября. Это день рождения, я запомнил, над нами прямо сразу три дрона пролетело с гранатой-“морковкой”. Мы сидим, празднуем, а они над нами пролетают.

И вот целый день они... Мы сидели, праздновали, а они практически до самого вечера туда летали и уничтожали дома в Селидово. У моего друга там, он пришел с работы, дом уничтожили. Это чуть-чуть ниже у него улица.

Я молоко покупал на Ворошиловке. Дедушка спрашивает украинских военных: “Хлопцы, а когда русские придут, как же нам жить с русскими?” Один, самый здоровый, разворачивается и говорит: “Диду, ты русских не бойся, ты нас бойся”. Серьезно вот так вот говорит: “У нас 600 стволов, уйдем – сотрем Селидово”. Нас вообще с 2015-го года обещали стереть. Маме моей украинские солдаты лично два раза говорили, всем женщинам практически говорили, что мы будем уходить – сотрем Селидово с лица земли. Но я здесь остался, чтобы его не стерли.

Возле 56-го магазина, там магазинчик небольшой на ступеньках, туда ходили люди скупляться. И туда прилетела сначала одна мина – никого не убило. Через неделю опять люди начали собираться. Меня тоже крутило, чтобы с утра поехать, купить минеральной воды. Я что-то думаю, после 12 поеду. Кум мой, Алексей, и мой друг Гена поехали туда мясо взять. И часов в десять прилетела мина, четверых ранила. У женщины оторвало почку, Гене ногу пробило и артерию перебило. Осколок там застрял, не достали осколок. У кума моего, там же, возле 56-го тогда, Алексея Ванина, ногу пробило насквозь и по голове черкануло. Украина стреляла. Сентябрь–октябрь месяц.

В сентябре месяце возле Ревинского моста я к куму ходил собак кормить. Там через три дома жили украинские военные. Когда они уезжали, просто кинули гранату туда в дом, и все. Дом загорелся, дом никто не мог потушить. Горел два дня, потому что боялись, вдруг заминировано. Или по улице

Островского сидели, вышел военный через два дома от нас. Вышел, через минуты три дом взорвался.

В детской больнице жили беженцы из Песок, Первомайского. Поселились беженцы. Пришли туда украинские военные, ВСУ-шники. Зашли, проверили все здание, посмотрели, где живут люди. Пособирали все огнетушители. Ушли. Через часов шесть туда прилетело. С улицы Островского был выстрел. И прямо туда, точно там, где живут люди – беженцы, эти переселенцы. Прямо в то крыло. Огнетушителей, естественно, нет, тушить нечем. Все. Кто остался живой, те собрались опять на Украину дальше.

Российских войск еще не было. Российские войска зашли в четверг, где-то в два часа. Во вторник ВСУ зашли в 19-й дом, перед моим домом, в 17-й перед 19-м. Они ходили, выбивали двери и всех, кого находили, расстреливали. Кто открывал двери, стреляли сразу в голову. Бабушка, 80 лет, учительница, всю жизнь проработала. Прямо в голову застрелена. Там всех постреляли в голову. В этом доме в живых осталось трое. Одни не успели открыть, а другой забаррикадировался и слышал французскую и украинскую речь. Француз что-то обратился, а украинец говорит: “У нас уже нет времени ломать двери. Мы уже зачистили”. Бросили его, не стали доламывать двери. В общем, он так живой остался. У них времени не было на зачистку, и они уже зачистили дом, всех постреляли.

Тут у нас в среду по нашему двору идет и с грузинским акцентом кричит: “Есть кто живой, есть кто живой?” Доходит до моего подъезда. Я уже хотел открыть, откликнуться, когда он начал кричать матом. Где я? Что-то не то, матерится. Я собрал собрание по подъезду, у нас шесть человек в подъезде. Как быть, открывать или нет? Все говорят, он матерится, открывать не будем. Подождем, подождем вежливых. Это было в среду, то бишь он целенаправленно искал, кого убить из мирных жителей.

В своем доме семью вывели, пять человек с ребенком. Вывели, в огороде и расстреляли. Прямо в огород вывели и расстреляли целую семью. Украинские военные.

Здесь у нас засел снайпер, посадили снайперов, и вот это они начали со вторника. Начал снайпер всех мужчин, вот здесь – раз, два, до сих пор лежат. Один заховался, забежал в магазин, в магазине его застрелил снайпер. До сих пор лежит там труп.

Там, на перекрестке, там дальше, получается, лежат, как в один ряд. Все были застрелены в голову. Вокруг этого дома всех мужчин, всех постреляли украинские снайперы. Может, наемники какие-то.

Пришел сын с нижней улицы. Пришел, увидел, что здесь лежит отец застреленный. Побежал домой за лопатами. Когда бежал, его снайпер в голову застрелил возле Донбасса, там еще оставалось два снайпера. И его застрелили прямо в голову. Не успел он отца похоронить».

Федорова Фаина Петровна, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«Мы ставим буржуйки, чтобы нам было тепло на зиму. И Саша вот эту буржуйку, как у нас стоит сейчас на кухне, он выжигал. И говорят, он выжигал на улице дровами. И в это время украинские военные просто расстреляли его. И к тому же его маму тоже расстреляли. И там, оказывается, еще не только его мама была, а были... Его родственники жили вместе в этой квартире. А потом, когда мы уже через некоторое время сказали, что он к нам не приходил, сын решил туда пойти и узнать. Их сначала не пускали туда, а потом, когда пустили, говорит, четыре холодных лежат. Ну, это и их квартира была, были накрыты этими одеялами.

Украинцы убили девятнадцатый дом (ул. Щорса). Говорят, спасся один парень в 19-м доме. Я вчера была на своей квартире, и там хлопцы, мои знакомые, все из третьего

подъезда, говорят, по Карла Макса тоже многих расстреляли по домам. Очень много трупов, очень много. Именно украинские военные расстреляли.

И с моей квартирой что произошло. Около восьми часов, без двадцати восемь, я проснулась, но не выходила из спальни. Только начала выходить, бухнуло на второй этаж. Слетел мой балкон полностью, полностью дверное окно в зале, здоровенное вот такое, как здесь. Спальню всю расстрочило, всю абсолютно. Два окна вообще как будто не бывало. Балкон вообще невозможно, я могу вам снимки даже показать этого балкона. Чуть сама не погибла.

Я детям не рассказывала, конечно. Я только выходила, и хорошо, что у меня были портьеры вот такие плотные. Все равно пролетел осколок. У меня диван, выходит из спальни диван, кресло стоит с левой стороны, и прямо на кресле, на подушечке был осколок вот такой. Я не знаю, как он не попал в меня.

Я думаю, украинский снаряд это был. Моя квартира на третьем этаже. Все квартиры пострадали. Рядом подъезд тоже пострадал. Внизу все растащило, все окна выбило вообще до осколков до мелких.

А 17 октября мы обычно выходили на улицу и сидели общались со всеми, кто жил в наших подъездах. В третьем часу, где-то около шести, где-то без пятнадцати, может быть, без десяти шесть, такой гул, именно это со стороны украинского Курахова. Такой гул был, невозможно. И какой-то как хвост огненный. Сказали, 29-й дом разбило. А в 29-м доме у меня жили на пятом этаже дети. Где-то человек восемь было около подъезда. И они все повалились. В первый подъезд все, говорят, повалились.

Хорошо, что там молодой человек был, Саша. Он сейчас погиб, его расстреляли. Его расстреляли. А он спас многих людей. Царствие ему небесное, конечно. Он спас и мою невестку, и моего сына. В общем, толкнул всех в подъезд, и повалились они все. Вот дом, это вообще, я не знаю, как они остались живы, что это

сверху такие глыбы падали, я не знаю. Растащило всю крышу, вот этот подъезд у детей. И все валилось, и крыша скрутилась.

Говорят, на дом ВСУ маячок поставили, потому что их не пускали в этот дом. Я видела эту ракету сама лично».

Бондаренко Константин Яковлевич, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«На ТЦК сначала не обращали внимания, а потом приходилось даже прятаться, потому что призывной возраст подняли до 60 лет. Боевые действия, когда начались в 22-м году, нас с сыном ТЦК на улице встретили, с сыном разговаривали, он молодой, 33 года, предлагали, деньги сулили. Сын говорит, подумаю. Отказался.

Мои документы посмотрели, назад швырнули. Ну, возраст не тот. В 23-м году на блокпосту на выезде из Селидова в сторону Украинска автобус остановили. Сын возвращался с работы, дали повестку – через два дня явиться в Курахово, еще там был ТЦК. Не поехал сын.

И вот, в этом году, в апреле случайно поймали нас. Сначала первого меня отвезли, выписали штраф на 1700 гривен, на следующий день сотрудники местной полиции приехали, почти силком нас туда отвезли, в город Покровск. Сыну выписали штраф и дали повестки обоим на 28 мая. И вот с того момента нам приходилось прятаться, чтобы сходить в магазин, чуть ли не километровые круги писать. Прятались.

Штраф выписали, потому что не явился по повестке. Он выписывается, корешок отрывается – филькина грамота. А потом выдают бумагу на штраф 1700 гривен.

Адвокаты говорили, это можно не оплачивать. Ну, правды не найдешь. А если оплатишь, то сам себе подпишешь приговор.

Никуда не денешься. Полиция, она раз доставила, а потом уже ТЦК занимается. Ну, старались прятаться. В последнее время вообще ездил милицейский “бусик”, автобус катался по Селидово. Прятались от него. Ну, хорошо хоть знали, какая машина, видели, далеко прятались. Вот так выживали.

В районе рынка была заправка, заправочная станция, дизель-генератор. До последнего момента работало. Люди ходили телефоны заряжать. Там стоял Старлинк, можно было в Интернет посмотреть. А мы как раз с сыном встретили знакомых, пошли туда вверх, в поселок старый. Приехала с облавой СБУ. И там и ТЦКшники были. Говорят, в “бусик” 35 человек забрали.

А когда отступали украинские войска – гражданских убивали. Зачем далеко ходить? Вот где мы сейчас находимся, буквально через 30 метров девятиэтажка, люди в основном все повыезжали, осталась одинокая женщина. Может, где-то у нее родичи были, родственники, она жила на втором этаже в подъезде. Ближе к вечеру сама спускалась, закрывала подъезд, чтобы не мародерил никто. И буквально вот до прихода российских войск было тихо, все видели эту бабушку. Потом ее не стало видно. Видели, что туда, в тот дом, пошли в этот подъезд, больше некуда было идти, пять украинских военнослужащих. С вещмешками, полностью экипированные. Потом тишина. А потом, оказывается, ее первый зять пошел проведать, а она лежит убитая. Расстреляли. Российских военнослужащих еще там не было.

Когда украинские военнослужащие отходили, они стреляли и по окнам. Люди говорят, стучали в двери. А если открываешь, сразу пулю. Если ломают, если смогут взломать, расстреливали.

В этом доме, где мы сидим, мы в левой стороне, а по правой стороне, возле улицы Ленина, ездил украинский танк. Где доставал угол подъема пушки, где хватало, стрелял по пятиэтажкам по нашим. В наш дом прилетело выше. Он по улице катался, постреливал, а потом развернулся и через частный

сектор ушел в сторону Покровска. ВСУ беспредельничали. Уходили под конец – не доставайся ты никому, получается. Зачем было разрушать все? Зачем было стрелять? На что они надеялись, непонятно. Если собирались сюда вернуться, зачем было ломать, разрушать? Ну, зачем? В общем, нечеловеческое отношение. Нас не считали за людей».

Васильконова Валентина Евгеньевна, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«ВСУ отходили 21 октября. Мы стояли возле подъезда, они начали стрелять. Мы слышим украинский говор: “Иди сюда, иди сюда”. Мы бегом разбежались по подъездам. Мне прострелили дверь входную.

Я забежала быстренько, а украинский военный кричит: “Она вон туда побежала”. И они прострелили мне дверь, у меня вон до сих пор дырка.

Постреляли они и напротив, в 12-м доме. Мы позабежали, а напротив в 12-м доме стояли люди. Закрыли подъезд. ВСУ говорят, открывайте, открывайте, вам ничего не будет. Тетя Валя открыла, и их, четырех человек, застрелили. Они ничего не сделали. Лена просто сидела на диване.

Они ее застрелили. Застрелили сына, спрашивали, что это он не воюет? Сашу застрелили. Тетя Валя начала кричать, и ее застрелили. Лена говорит, что же вы делаете? А один ВСУ-шник говорит: “А что з нею рабыть?” А второй говорит: “Да пристрели ее”. И они ее пристрелили.

Мальчик Коля забежал. Он рядом здесь жил, он слышал, что стреляют. Он побежал – и его тоже. Четыре человека сразу. Потом в этой квартире они сидели, их человек 12 было.

Напротив парень жил, он это все видел в окно. Они ему окна прострелили.

Один вышел сдаваться, и они его пристрелили. Он возле подъезда лежал. В нашем Солнечном районе шесть человек лежат. Женщина шла с сумкой. ВСУшник ее пристрелил. Раз, второй раз, третий раз стрелял. Саша рассказывал, сосед мой. Три раза ВСУшник стрельнул в нее. Сначала она начала шевелиться. А украинский военный: "А, ты зашевелась?" И дальше выстрелил. "Ждуны, ждуны, ждуны", – вот это только слышно было от них.

У Сашки окна простреленные на кухне, потому что ВСУ-шники стреляли. У него простреленная дверь тоже. У меня дверь прострелена в первом подъезде, у него второй подъезд.

Когда ВСУ отходили, они нас постреляли. Это хорошо, что я спряталась... Они открывали подъезд и стреляли в двери, потому что видели, что я побежала. Спасибо, что они не зашли в квартиру. А если бы в квартиру...

Рядом дом по улице, женщина котов кормила. 75 лет тете Лене было, они ее пристрелили. А Кирилловна, учительница по украинскому была, она бежала, убежала в подъезд, ВСУшник ее догнал и застрелил. 75-ти лет женщина кормила котов, зачем ты ее застрелил?

Те, что комментарии мне пишут, которые повыехали, говорят: не может быть, что это Украина, Украина не трогала, когда мы жили. Ну, я-то здесь осталась, я-то знаю, что это Украина была.

Как доказать, что это убила Украина, но не Россия? Вот Россия пришла, они что, нас стреляют? Нет, они, наоборот, нам помогают. Спрашивают, есть ли еда. Все есть, все. Говорю, нам ничего не надо, у нас все есть, спасибо. Они помогают, дров мне привезли.

Сын погиб у меня тоже 21 числа. Он с Русланом, с другом, с Сережкой поехали в дом, на Островскую, 18. Поехали отвозить друга. Они приехали, вылезли, а напротив сидели украинцы еще. А 22-го они уже к нам дошли сюда, на Солнечный. Они вылезли, была половина одиннадцатого.

ВСУшники им говорят: “А что вы разъезжаете на машине?” Да друга привезли, это мне тетя Валя рассказывала, мать Сережи Скляра. Они говорят, а что вы разъезжаете?

Когда я хоронила сына, соседи сказали мне, что тогда ВСУшники были пьяные, они начали на хлопцев наезжать. Спрашивали: “Почему вы не воюете?” Я не знаю, как там получилось. Они машину обстреляли, она стоит возле дома обстрелянная. Потом они пристрелили этого Сережку. Они занесли Сережу положили с края. А когда они несли его, ВСУ в сына моего, Кириленко Евгения, стреляли. Тетя Валя говорит: “Я начала сына обрабатывать, у него и нога, и рука прострелены”.

Потом Женя вышел – собака начала скулить. ВСУшники уже собаку пристрелили. Он вышел туда к собаке. Они его в половину одиннадцатого ночи пристрелили возле собаки. А потом украинский военный тете Вале говорит, что вон они роблять там у хати. Она говорит, нема никого, ты их уже всех повбивал. И вот мой сын лежал там, убитый. Он ничего не сделал, они не грубили, они не ругались, они нигде ничего не говорили. Они его убили просто за “чего ты не воюешь”, за то, что ждете Россию.

Тетя Валя вообще не слышала разговора, чтобы наши что-то отвечали ВСУшникам, наши молчали. Потом украинские военные пришли и еще дострелили до конца его. Вдруг он живой остался? Тетя Валя начала кричать, что же вы робите, хлопцы, вы же уже убили сына и этого убиваете. А Руслана, который его носил, что перевязывал его, они сначала не тронули.

Утром Руслан хотел выйти. ВСУшники, когда отходили, его тоже застрелили. И вот три человека сразу и погибли. Потом ВСУшники пришли сюда к нам на Солнечный. И на Солнечном у нас сколько человек были убиты, лежали мертвыми.

Я же говорю, у меня до сих пор дверь прострелена. Когда интервью я давала, мне в комментариях кто-то пишет, что, когда они тут жили, украинцы нас не трогали. Но именно в последний день они постреляли. Так те, кто уехал, не верят, что это Украина была. Но мы-то знаем, что это Украина – разговор-то был украинский.

А когда уже пришли утром хлопцы, Россия... Мы слышим, что это Россия пришла. Они сразу, что вы? Они меня сколько просили, да не плачьте, мамаша, сейчас война идет. Я говорю, мне надо сына похоронить. Сказали, что нет сейчас возможности. Я вот недавно только его похоронила.

Ну зачем ВСУ было убивать, зачем? Это мирные люди. Ладно мужчин, я уже согласна, ладно мужчин, но зачем женщин убивали? Женщина шла из квартиры. Они в нее три раза стреляли. Валя, у которой сына застрелили, начал а кричать, ВСУшники взяли ее и пристрелили. А потом зашли в эту квартиру. В этой квартире Вовка запрятался за диван, сидел там тихо. Они сели и пили чай или ели. Посидели, посидели, а потом и двинулись, вышли и пошли. Ну это же было, это же было...»

Бондаренко Сергей Константинович, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«Лично мы с отцом прятались на пятом этаже. В последний день слышим – как загудит украинский танк. Сразу от окон отходим. И когда уже его гнали, он по всем подряд стрелял. Куда достает... По гаражам, по домам, везде. Куда достал, туда и стрельнул.

Русских войск еще не было ВСУ уже отходили. Наверное, от безвыходности или от злости по людям они стреляли, знали, что тут люди. И они знали, что кто в Селидово остался, явно к Украине симпатии не испытывает. Поэтому чего они будут нас жалеть? Для них, ну, понятно, кто мы.

Расстрелы ВСУ мирных жителей. Владимир Васильевич, мы хоронили из его семьи пять человек. Там по пару килограмм в мешочке было. Вот это его семья.

Потом чуть дальше, на перекрестке, там бабушка с дедушкой. У них родня, дети в России. Они ж, наверное, даже и не знают. И телефоны мы искали в доме. Не телефоны, чехлы одни остались.

Еще двух человек застрелили украинские военные чуть дальше по улице, угловой дом. Карбышево-Кучуринская улица (пересечение улиц). Там угловой дом, там как раз и написано на заборе. Там мы их коврами накрыли. Им с виду за 60.

ВСУ расстреляли их прямо на улице, во дворе, прямо где калитка. Вот Владимир Васильевич говорит, у них дети в России, они же думают, что они живые. И никак не сказать ничего. На Солнечной, 19 (ул. Щорса, 19) дом. Кто открыл дверь, того ВСУ застрелили.

Там еще бойня была. Прямо на улице снайпер. Сначала вроде сына застрелили, потом выбежала мать – и мать застрелили, когда ВСУ оттуда отходили.

Мы, слава Богу, с отцом воды натаскали себе, мы из дома никуда не выходили. Так нам еще на пятый этаж, а ВСУ если куда-то, то только по первым этажам. Но, слава Богу, пронесло».

Боечко Сергей Геннадиевич, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«ВСУ при отступлении просто расстреливали всех попавшихся им. Заходили в подъезды, стучали в квартиры. Деревянные взламывали, а тех, кто им открывал, расстреливали. 22 октября при отступлении где-то после часа мы услышали интенсивную автоматную стрельбу.

Утром 23 числа я выглянул в окно и увидел убитого мужчину возле 6-го подъезда. 77-й дом по Михайловской улице. Я пошел к бывшему магазину “Солнечный” и тоже увидел на углу убитого. Как оказалось, это сосед соседа Сергея из дома рядом. На углу дома он был убитый. Соседи увидели, что убита наша соседка. Лежала возле магазина “Колорит”. В радиусе ста метров от квартиры брата я видел восемь погибших человек. Валю – соседку с первого подъезда – я похоронил между домом и магазином.

Дальше, возле 77-го дома, возле первого подъезда у тротуара двух убитых человек, мужчин пожилого возраста видел. Еще возле шестого подъезда убитый. Возле магазина “Солнечный”, у левого угла магазина лежал Сергей Касимов. У правого угла, за бывшим киоском “Союзпечать” еще один мужчина убитый. За магазинами на бульваре по бывшей улице Щорса, при украинской власти ее переименовали, еще один мужчина.

И возле 12-го дома, у первого подъезда лежал мужчина убитый.

Еще убитый лежал возле поворота около дома, около бетонной крышки канализации. Второй лежал на углу вот этого магазина. Третий мужчина лежал убитый ниже магазина по тротуару. Кого прикрыли тело, ему лет семьдесят. Я его несколько раз видел живым еще до этого.

Варвара Садчикова, жительница дома из первого подъезда, была убита в десяти метрах отсюда. Я ее похоронил 30 числа. Она гуляла, любила собак. У нее были собаки. Она гуляла и была убита 22 числа.

Возле второй школы там еще есть дом малосемейный. К нему пристроена сберкасса. Возле первого подъезда, прямо возле лавочки, лежал мужчина убитый. Видно, местные жители его чем-то накрыли уже. Вот это я видел.

Убили ВСУ и моего бывшего коллегу по шахте Володю Борисова. На перекрестке с улицей Шевченко. Его там точно так же, как других, отступая, убили украинские, солдатами их нельзя называть. Уроды. Убивали всех подряд. Его тоже убили. Он ходил по воду, а его там расстреляли.

Почему убили? Я вам скажу свое видение. С 1991 года началось это поднятие бандеровской темы, что Бандера – герой. Что все люди, которые были в этих СС Галичина,

на самом деле сражались за Украину, не убивали мирных жителей и так далее. Хотя на самом деле из истории, которую мы, например, учили в советской школе, мы-то все знаем.

У щирых украинцев сейчас мечта “панувати” – царить, господствовать. Не за счет своей собственной работы, а кого-то эксплуатировать. Нас, восточных.

Хотя я лично не считаю себя украинцем, это все – российская земля. Кто Одессу основал? Кто основал Николаев, тот же Херсон, Севастополь и так далее? Это не украинская земля. Но они считают ее своей. И поэтому тех, кто с ними не согласен, они просто уничтожали. Вот и все».

Скляр Валентина Андреевна, 76 лет, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«Мой сын кричит: “Мама моя жива?” Ой, Боже, что ж такое? Я давай сюда идти. Прихожу, он лежит тут на диване, кричит: “Мама, я умираю, я умираю!” Я не думала, что так обойдется.

Что случилось? Ехали на машине. Украинские военные тут стояли, уже ждали. За углом, за забором стояли. Два украинских военных в шлемах, с автоматами.

Сын говорит: “Мама, мне холодно”. Я пошла воду греть. Он бутылки выкидывает, говорит: “Не нужны мне, я умираю”. Истекает кровью. Нога перевязана, а на руке правой вырван кусок мяса и тряпка, но ничего не завязано. Я разрешила ее, а он уже умер.

Я говорю: “Господи Боже, да что ж такое?” Он мне кидал воду, мне говорил: “Воду не надо, я умираю, перенесите меня в хату”. Один товарищ его остался, а тут собака загавкала наша и скулит. Женя туда пошел, и не слышно его. Я говорю Руслану: “Руслан, сходи, что там?” Он говорит, что Женя – мертвый. Я говорю: “Как мертвый?”

А сын мой кричал, кричал и замолчал. Я присела на кресло уже в 5 часов. Он мне говорит: “Мама, мне плохо”. Начал метаться, метаться. Упал с дивана. Мы его подняли, положили. Говорю: “Что ты падаешь?” Мы его положили, а оказывается,

это были предсмертные судороги. Мы его положили, я глянула, вроде бы дышит. Он второй раз падает, мы обратно его кладем. Я села и думаю: что он не кричит? Я тогда ему говорю: “Сынок, сынок”. А он перед этим сказал: “Я умираю, мама, я умираю”. Я говорю: “Как умираешь?” Я говорю: “Руслан, иди сюда, Сережа мертвый”. Он спрашивает: “Как мертвый, я посмотрю”. Мой сын не дышит, разложил руки. Руслан говорит: “Я пошел ребят искать и копать могилу”.

Нагрела воды, обмыла убитого сына. Я насчитала 13 всяких ран. Ну, сожгла его одежду, но надо было хоть что-то оставить, потому что мало осталось. Думаю, пусть он в одеяле лежит.

Тринадцать ранений у него я насчитала. То пятно красное, там видно, какая-то царапина. Нога левая пробитая. Я ему вытирала ножки, пробитое там отверстие большое. Тут, там, тут, там... А лицо целое. Эти двое украинских военных и Женю застрелили, и собаку застрелили.

Мой убитый сын – Скляр Сергей Анатольевич, 47 лет. 6 октября у него день рождения был, а 22 его уже не стало. Руслана еще застрелили, я фамилии не знаю. Руслана и Женю. Забыла фамилию. Там на могиле написано.

Хоронили через дорогу, мать Жени приходила. Я сказала, если меня убьют, вот там, меня в том уголке похороните. Вся черешня побитая. Плачет около креста на могиле сына: “Сыночек, моя лапочка, мой золотой”.

У Жени Кириленко украинские военные сняли печатку на пальце и часы большие. И цепочку сняли, мать его сказала, что цепочка была. Украинцы сняли. А Руслан был за рулем. Ни одной царапины, ни одной царапины, а Серёжа побитый, тот побитый. А утром Руслан только вышел, слышу – хлоп. Там лужа, и он прямо в луже лежит убитый».

**Клименко Андрей Александрович, город Селидово
(Донецкая Народная Республика).**

«Мы сейчас на улице Нагорная, дом 37. Да, было очень много трупов. Лежало и у нас на микрорайоне, и в соседних микрорайонах тоже трупы находились. Именно гражданских лиц, со многими из которых я был даже знаком.

Я сам хоронил гражданских. Позади меня вот такая могилка здесь лежит. В этом же доме, в 37-м, знакомый мой – Сергей Касимов фамилия. Я могу назвать ее.

По рассказам, он привел к себе домой женщину, которая была ранена. Пошел к знакомой медсестре, чуть ниже района, и пропал. 23 числа утром мы его нашли недалеко от дома.

Его тело нашли 22 октября. У него было огнестрельное ранение. На углу как раз магазина “Солнечный” нашли. Он пролежал больше недели в этом месте. Потом мы его захоронили. Просто так как он пролежал уже больше недели, дворовые собаки лицо обглодали. А 23 числа у нас в микрорайон зашла российская армия.

Я хоронил еще одного знакомого. Он занимался перекладкой печей. Он мне лично переложил два раза печку на кухне на даче. По рассказам, он пошел помогать на кладбище, здесь недалеко у нас кладбище есть Михайловское. Он пошел помогать копать могилу.

Его также застрелили ВСУ. Какого числа, не знаю, но пролежал он еще больше со своим товарищем. По просьбе то ли матери, то ли тетки, попросил Алыка Потяну захоронить его.

По рассказам, он пошел помогать знакомому выкопать могилу. Пошел копать могилу и был застрелен.

По всей видимости, русских войск еще не было здесь.

Еще ВСУ убили Руслана, он проживал тоже в этом 37-м доме. Евгений тоже, по-моему, проживал в этом 37-м доме, но не уверен. А третий, Сергей... Он проживал в районе парка, там улица Островского. Они поехали до этого Сергея на улицу Островского на автомобиле. И были тоже расстреляны украинскими войсками. По рассказу матери, стреляли украинцы. Сергея мать захоронила своими силами в огороде, прямо в доме. Это частный сектор. А Руслана и Евгения позавчера...

Ручкина Нина Александровна, 74 года, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«Украинские военные обстреливали нас, капитально обстреливали. Очень даже стреляли они. Когда еще российских войск здесь не было, ВСУ стреляли. Разбивали они город. Они говорили, что будем отходить, разобьем ваше Селидово полностью, сотрем. Это были украинские солдаты. Фактически они говорили, что будем отходить, мы разобьем полностью ваше Селидово. Почему я даже не могу вам сказать, что это сделалось с ними.

Разрушили наш город. Например, дома по улице Карла Маркса. Номер два – девятиэтажка. У нас тут ВСУ девятиэтажки поразбивали 19 октября.

Они убегали и забежали в 19-й дом наш.

Убили там несколько людей. Люди были дома и ВСУ убили детей – 4 годика и 2 годика. И взрослых убили. Что двухлетняя сделала для того, что ты ее убил? Зачем это было делать? Микрорайон Солнечный, дом 19 (ул. Щорса, 19). Мальчика и девочку убили. Девочке 2 годика, а мальчику 4 годика. Мы слышали крик, зашли в коридор и закрылись. Мы испугались, когда люди начали кричать. Трупы у нас валялись по нашей аллейке.

Это украинцы убили. Они убегали, видимо, Россия начала их давить, и они убегать начали. И они вот это сделали».

Беляев Сергей Сергеевич, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«На выходе улицы Михайловской и Щорса, 12 были убиты мирные жители. ВСУ заходили в подъезды, расстреливали.

По Щорса, 19 осталось три человека живых только потому, что не успели убить. Еще по улице Шевченко по выходу из элеватора убили в своем доме Коваленкова Александра, 1976 года рождения. Убили с ним еще 4 мирных жителя, тоже во дворе остались лежать.

И на перекрестке улицы Советской с Московской был убит Вова Борисенко, тоже при выходе, шел в свой дом и на улице лежал.

И работали еще по улице Щорса снайперы. Были убиты три мужчины в лоб украинским снайпером. 22–23 октября по Щорса, 3, по Щорса, 19, Щорса, 12 – были убиты снайперами.

А по Шевченко чуть позже, при выходе украинских военных, тоже были уничтожены люди.

Мы для ВСУ ждуны же, сепаратисты, кто остался. Для них мы не люди и все. Материал».

Стрельник Ирина Анатольевна, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«Улица Карла Маркса, дом 29, квартира 20. Это был адрес Марины Ивановны Семеновой. А нашли ее на втором этаже. Мы видели ее последний раз 23 октября 2024 года.

Она зашла в подъезд, шла из магазина с сумочкой, и за ней зашло пятеро украинских военных. Больше соседи ее не видели.

Мы подошли к ребятам, которые там были и видели. Они сказали, да, тут действительно женщина. Мы говорим, вы не видали женщину тут в возрасте? Они говорят, там же лежит на втором этаже мертвая женщина.

Они нам открыли квартиру. Они говорят, вы ее узнаете? Это она? Ну, она лежала головой к дверям. Ее, видно, протащили по коридору, след крови был на голове, на волосах и на лице, и укрыто одеялом. И все, больше мы ничего, дальше мы не заходили, мы пошли узнавать, как ее похоронить и все остальное. Потом мы нашли все-таки сына, потому что дочь уехала.

Да, дочь выехала, внучка выехала, все эвакуировались, а сын, думали, тоже в Донецк куда-то поехал. Но оказалось, что он дома, и сыну сообщили, вот он пришел, все-таки опознал маму, и там ее сами упаковали. Что он это увидел, это ужас один. Он говорил, что, я так думаю, что, скорее всего, что над мамой издевались.

Украинские военные застрелили ее, наверное, в голову, потому что кровь была на лице, на голове, волосы видно было, лицо часть видно. Больше мы близко не подходили. Я думаю, что украинские военные убивали мирных жителей от злости, что мы тут остались. Как они нас называли – ждуны. Их это раздражало, я так думаю.

Некоторые ходили по городу, даже в глаза не смотрели. Я специально когда-то шла, думаю, мне интересно в глаза даже посмотреть, что они вот сюда пришли. Они подходят ближе, глаза опустили и пошли дальше. Терпели, но, видно, ненависть внутренняя их там какая-то съедала.

И вообще, они считали, что мы – русские. Донецкая область – это не Украина, они считали. Москали. Я лично сталкивалась с этим. Мне так говорили еще в старые времена даже».

Утка Юрий Олегович, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«Украинские дронщики поселились, жили дронщики в квартире. Ничего не было, приехал в село, в селе там началось. Ну, это август. В конце сентября начали летать дроны – сбрасывали, сбрасывали на мирных, на мирных людей дроны сбрасывали. У моей кумы сын погиб под дронами украинскими в селе Петровка.

Я переехал, это 8 километров от Селидово. От Вишневого 4 километра. Это считается Селидовский район. Естественно, в квартирах ничего нет на данный момент, когда я вчера зашел в Селидово. У меня, у супруги в квартирах нема ничего. Все, что можно, ВСУ забрали, нагадили. В колхозе тоже пытались и курей забирать, и продукты забирать. Именно украинские военные.

Мы три недели в Петровке сидели в подвале. Потому что дроны летали, контролировали каждый шаг. Нельзя было выйти печку растопить. Это так редко, что растапливали дровами, только дровами, чтобы дыма не было.

Украинские дроны летали. России еще не было. Село было пустое, жили одни жители, начали у меня, у соседей. Два дома напротив накинули им мину минометную. И два дома разбомбила именно Украина.

У моей кумы в Петровке сыну было 28 лет. Передвигался по дороге. Он ездил, он фермер сам. И потом поехал трактором сеять поле. Посеял поле, трактор оставил на поле и на машине ехал домой. И по машине залетел дрон. Их было трое в машине. Один убит, и один хлопец выпрыгнул, а второго контузило – ранение получил хорошее. После того, как он погиб, потом начались уже накидывания ударов по домам, где жили люди. Возле домов, в огородах. Я написал большую бумагу, что живут гражданские люди, положил на крышу, под стекло все, на белой бумаге написал. Нет, все равно ВСУ сбрасывали заряды.

Нереально тут было жить с ребенком 9 лет. Украинские МВДшники детей забирали, лишали материнства и забирали детей.

Мою дочку пытались забрать, нас искали 3 дня, только потому что ребенок есть. И потом мне человек знакомый из МВД сказал: “Юра отправь ее в Днепро, а потом заберешь”. Отправил я, у жены сестра уехала с ребенком туда, а назад уже помогли мне вернуть. Ребенок выехал, а потом уже вернули обратно. Мне говорили, что если откажетесь эвакуироваться с детьми, то мы ребенка забираем, лишаем материнства и все. Вы как хотите, а ребенка мы забираем, вы его не найдете. Ездил украинское МВД. Там же, кроме Петровки, еще четыре села. Пустынка, Алексеевка, Воровская. Везде были дети. И везде это происходило.

Дрались с полицией. Люди там возмущались. Все равно военные приезжали и забирали детей.

Были случаи, когда без родителей просто забирали. Потому что родители там с вилами на них кидались. Приезжали военные, украинцы. Грузили в машину с детьми. И кто не хочет из родителей – оставайся. Погрузили детей и поехали. В этом участвовал и исполком Селидовский, отдел по детям и материнству. Они говорили, вы понимаете, здесь война. Я считаю, эвакуируете – давайте жилье. А они говорили, какое жилье? Поедете, так все найдете. А сестра поехала вот с ребенком, у нее муж там, у мужа там брат. А те, кого так повезли, на вокзалах ночевали. Нету жилья, дорогое жилье: 10–15 тысяч, работы нету».

Бурлака Маргарита Викторовна, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«Отступление, ну, когда они начали, засели в 12-м доме украинские военные. Они отходили, и получилось, что им некуда деваться было, они зашли в подвал. И они сидели в подвале.

Это улица Щорса или Солнечная. Щорса, 12. И, короче, я услышала... Крик, женский крик, очень страшный крик. И увидела, как женщина стоит и кричит. Она туда кричала, именно в этот подвал.

Я сразу не поняла, в чем дело. Послышался выстрел, но женщина продолжала кричать: "Убили, убили, убили!" Она упала и дальше кричать начала. Это страшно было.

Я не могла понять, в чем дело. А потом я отошла с испуга. Слышно было: еще выстрелы. Когда я подошла, получился четвертый выстрел. И женщина упала.

Я все из окошка видела – у меня есть бинокль. Я смотрела в бинокль. Она кричала в сторону подвала. Сразу выстрелили, ей попали в руку, она упала и встала. Я отошла от окна, сразу не понять было, а потом опять подошла. Четвертый выстрел – и она упала.

Именно из 12-го дома, где украинские военные сидели. Другие люди слышали этот крик. Они пошли возмутиться. Пошел Саша. Я не знаю этого мужчину – из 10-го дома. Его называли Лепик. Они пошли возмутиться. Их тоже убили. Их тоже там застрелили.

И Саша, сосед из 10-го дома, из 6-го подъезда. Он лежал возле пинг-понгового столика, там железный пинг-понговый столик. И он там лежал под ним.

Это всех украинцы убили. И ребята пошли: Юра и Денис. Денис пошел наискось как раз к этому подвалу, к входу. А Саша пошел смотреть эту женщину. Она через дорогу от подвала лежала. И он пошел, когда Юра наклонился над ней. В него из подвала выстрелили.

А Денис, когда подошел к мужчине, его не увидели, потому что он наискось подошел. Он сам говорил, что подошел наискось. И он увидел автомат, который из подвала высовыв-

вается. Он говорит, я упал, с такой скоростью упал, что от себя не ожидал.

Просто ему повезло, что он остался жив. И нам повезло, что мы остались живы, что к нам не зашли, как в 12-й дом, и не расстреляли всех людей там. И женщины многие, очень многие.

Лежали люди возле “Солнечного” магазина, на дороге, на перекрестке от магазина. Возле магазина “Валентина” тоже лежали мужчины, трое мужчин лежали».

Врадий Людмила Михайловна, 67 лет, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«Наша квартира осталась более-менее целой, и мы жили там с соседкой. Соседка пошла гулять с собачкой, приходит и говорит, что в районе кладбища кричит мужчина: “Нас окружают”, и выпустил автоматную очередь.

Она прибежала домой, а минут через сорок к нам кто-то ломился в дверь. Стукнули два раза, что-то там крикнули, мы не разобрали, и стали стрелять по подъезду. Гильзы по всему подъезду валялись.

На утро мы пошли, не подумавши, гулять с собаками. Возле шестого подъезда увидели труп мужчины. Гражданского. Она – медик, она наклонилась, еще потрогала пульс, говорит, мертвый.

Потом, возле Щорса, 10 на крыльце возле второго подъезда, лежал мужчина. Но видно было, что возле него кровь. Гражданский.

Потом мы пошли на нашу аллею по Щорса. Там лежал мертвый мужчина, а возле него лежал инструмент – пила, топор. Тоже был убит в голову. Она – медик, она говорит: “В голову”. Кровь возле него.

Здесь у нас магазин торговал до последнего. Мы пошли туда к магазину очередь занять. А там еще два трупа. Тоже гражданские. Лежал он на спине. А второй лежал с выстрелом в голову. Потому что все лицо было в крови. Возле него крови

было много. И собаки здесь набежали. Мы взяли, целлофаном его накрыли. Оказывается, хорошо знакомый парень. Просто он в крови был весь, мы его не узнали.

Когда пришли во двор на Щорса, 10, то девчата сказали, что они видели – это украинские военные. Россию мы тогда еще не видели. Вечер, шла соседка моя из 48-й квартиры к своим друзьям, так как разрушился дом, она там жила у них. И ее украинские военные застрелили во дворе 10-го, Щорса, дома. И она лежала там, и ее собаки сгрызли. 22 вечером.

В 19-м доме (ул. Щорса) многих постреляли украинские военные. Кто им открывал, они расстреливали. Там одна знакомая шла домой на 4-й этаж, и ее на 3-м этаже застрелили, поднялись, и еще там соседку застрелили, Лену. Я фамилии их не знаю. На 3-м застрелили Галю, а на 5-м Лену.

Им было после 60-ти, пенсионерки. Безобидные женщины, хорошие, нормальные, никому вреда не делали. И вот она бежала домой и буквально не добежала один этаж. Люди видели это. Ее застрелили украинцы. Которые не открыли им, забаррикадировались и остались живы. Они видели, что это украинские военные убили».

Бородинова Наталья Николаевна, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«25-го числа в доме напротив по улице Победы – Перемога, бывшей Ленина – зашли ВСУ в дом частный. Там жила Оля. Ее с матерью 85-летней посадили в подвал и держали в подвале. Они у них расспрашивали о том, кто рядом там живет. Потом – приказ, как они, видно, разговаривали с командиром, спросили, что с этими, он сказал, в яму. Их посадили в яму, они сидели в яме, но потом все-таки выпустили их.

У соседа из соседнего дома расстреляли семью из пяти человек. И потом ему удалось убежать, он вышел в это время. А потом через несколько дней пошел, трупы были сожжены. И похоронили моих во дворе. В общем, останки, вот это вот все. Украинские военные убивали мирных жителей чтобы запугать нас, наверное.

Цель какая еще? Запугивание».

Мишихин Игорь Алексеевич, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«Мы были в подвале. Ночью, мы слышали, стрельба была. Утром мы проснулись, я вышел на улицу и сразу увидел напротив у соседей два трупа. Велосипеды лежали и два трупа лежало возле калитки.

Дальше я в дом зашел, чуть-чуть посмотрел, но не стал сразу.... Я уже понял, что что-то, наверное, тут нечисто. Потом я зашел в дом. Я думал, может, они ушли... Ну, та семья, которая Коровко, думал, может, они ушли до родителей, там через три хаты они тут живут. Но когда глянул, увидел, что лежат налобные фонари. Они бы без фонарей не ушли. Потому что городского света у нас уже давно нету. Дальше я не стал заходить. В одну-две комнаты я зашел и все.

А потом нам – еще ниже там девчата живут – мамка и две дочки. Они нам сказали, что в яме лежат сын с отцом, Копыловы.

Отцу 55, а сыну 20 с чем-то.

А еще в доме напротив – семья Коровко. Отец – Серега, Сергей Коровко, жена Наташка и сын Александр. Ему тоже двадцать с чем-то, он был умственно отсталый.

По Фурманова еще два тела – Миша и Витаха. Они, по-моему, двоюродные братья, они просто переселились сюда с квартир, из города. До этого там другая семья жила, они выехали куда-то, я не знаю. А тут они переселились сюда, в этот дом.

Еще убили двух мне неизвестных на велосипедах. Три человека там, два там, там и там – девять человек.

Нам повезло. Мы остались. Витаха, сосед, заходил. Наша семья. Дочка. Я с женой. И там через две хаты за перекрестком. Она, мамка и две дочки. Вот это мы остались. И не знаем еще, какой...

Там на самом краю, в последней хате, тоже жил Виталик. Он с Михайловки сюда переехал. Его судьбу мы тоже не знаем.

Я уже тут посмотрелся. На Свердлова ходили, там капец. Там уже собаки доедают тела. Там у меня друзья жили на Свердловом. Они выехали.

Я думал, что пойду схожу, узнаю, что осталось, тушенки там возьму. И мы как раз через огороды там шли, и там тоже гражданский лежит. Кто он такой, я не знаю».

Смирнов Александр Николаевич, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«В доме на Кучуринской моя одноклассница с мужем и сыном были убиты при отступлении украинцами. Я жил недалеко. Лежит там моя одноклассница, 49 лет, мужик около 50, и сын около 30 лет. Убиты выстрелами в голову, в ухо.

Рядом напротив в доме лежит мой знакомый и его брат. Тоже мертвые, тоже убитые.

На Солнечном тут тоже. Пошел товарищ звонить. Другой дом уже, девятиэтажный. Он в пятиэтажном живет. И его тоже там убили. Числа 22 октября. Когда еще украинские войска здесь были.

И еще у меня друг тоже убитый. Тоже лежит возле подъезда, возле отца дома. Возле подъезда прямо. Тоже в голову застрелен.

Украинские войска. Напротив 89-го по Кучуринской убит мой друг и его брат. Другу 47 где-то было. Тоже убиты в голову. Это все украинцы в одно время».

Иванова Ольга-Роксолана Романовна, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«На Украине насильно заставляли выезжать с детьми.

У моих знакомых, они проживали в поселке Вишнёвое, приехала группа эвакуации вместе с полицией. Их уведомили, что статья уголовная. Поэтому, давайте, собирайтесь быстренько, у вас есть 15 минут и поехали на эвакуацию. Они сели в машину и сказали, мы сами на своем транспорте эвакуируемся отсюда. Помахали им ручкой и уехали. И приехали сюда, в Селидово. Знакомые оставили ключ от квартиры, они в ней проживали. Они прятались с ребенком, они не хотели покидать город.

Украинский ТЦК мужчин забирал. Когда еще работал супермаркет АТБ, в центре города, напротив площади Ленина, стоял автобус, хватали просто мужчин. Проходят люди мимо, в магазин, не в магазин, говорят – пойдёте, и все. Давайте документики, документики забрали, все, пойдёте служить. Много кого забрали.

В основном, остались инвалиды.

Знаю случай в Михайловке. Женщина со своим мужем помогали украинским солдатам, кормили их, приглашали к себе, и в результате, не знаю, надругались над ней или нет, но семью убили. Где-то летом 22-го года. Застрелили.

Украинские власти плохо относились к жителям города.

Последний мэр города совершенно скотски относился к людям. Не рассматривал никакие просьбы, посылал людей, стариков.

У кого есть лежащие родственники, там, в основном, обращались люди за памперсами, за какими-то медикаментами, потому что денег на это нужно очень много.

Если человек лежащий, в день 2–3 памперса в любом случае уходят у людей. И кому-то нужны медикаменты дорогостоящие, либо помощь какая-то гуманитарная. Во всем этом было отказано.

Много кто говорил, что он не принимает, не хочет или прячется, не знаю, просто не хочет встречаться с людьми. Когда он был на посту мэра, он сложил свои полномочия, а перед этим, буквально или за несколько часов или за день до этого, он отчитался, что из города Селидово все выехали, все эвакуировались. Нет никого.

Поэтому нужно отключить электричество и воду. Хотя в городе оставалось порядка тысяч пяти жителей еще.

Уже после этого некоторые люди стали еще из эвакуации возвращаться.

Потому что очень дорого снимать жилье. Жилье в большом городе стоит не меньше 10 тысяч за месяц за квартиру, плюс еще коммунальные услуги.

Это все в гривнах, разумеется. Это сумма большая. Если, допустим, зарплата у мужчины 20–25 тысяч.

То есть, сами понимаете, это 10 тысяч отдать за квартиру. И плюс еще коммунальные услуги, наверное, около 3–4 тысяч, что остается на месяц? Для большого города – это маленькие деньги.

Но мэр отчитался, что в городе нет никого.

А люди возвращались все равно сюда. Возвращались в свои квартиры.

Пенсионеры, у которых пенсия 2–3 тысячи, им некуда идти, некуда податься».

Шульгина Оксана Олеговна, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«Женщина в девятиэтажке, ей больше 70 лет, пошла квартиру проведать. 25 или 26 числа октября. И ее просто расстреляли. Нашли ее на диване расстрелянной, мертвой. Ее украинские военные расстреляли.

ВСУ с 22 года город обстреливали, когда русских войск еще не было. У нас девятиэтажка через площадь, туда самолет в 23-м летом ударил, и два этажа – как и не было. Украинский самолет. Все видели, что на самолете были украинские флаги, символика украинская.

У нас на колонке мы собирались за водой, городские власти подключали нам воду. Мы ходили на колонки. Брали воду и где-то в середине октября этого года был прилет, и осколками ранило с Волновахи переселенца. Потом он умер. Был именно украинский обстрел.

ВСУ грабежами или мародерством занимались. Почта постоянно переполнена была. Везли все, что могли, все, что отнимали у людей. Я лежала в больнице с женщиной, она была из Авдеевки. Так она говорила, что даже обмылки, кусочки бумаги туалетной – все у них отбирали.

Даже, извините, нижнее белье женское нестиранное. Она говорит украинскому солдату: «Это мое белье нестиранное, отдайте».

Он говорит: «Ничего, жиночка постирает и в секунд сдаст». Вот это вот она сама рассказывала, бедная девочка.

Мою маму просто убили прикладом в челюсть. Она приходила 25 октября к нам, домой приносила воду, потому что у нас не было колонки, воды не было питьевой, а у мамы был колодец. Она приносила нам воду, чтобы мы не остались без воды. 25-го последний раз я ее видела. Потом начались

обстрелы, очень опасно было. Когда она шла, опасно, я еще ей говорю: “Не приходи хотя бы недельку-две”. А маму убили прикладом в челюсть.

Да, просто прикладом ударили, и все. Синяк там был. Я подошла, она как живая лежит, у нее пальцы на руках посиневшие. Я повернула ее, на левом подбородке, на челюсти, были синяки от приклада. Убили у нее дома, город Селидово, улица Береговая, 245. Лежала во дворе, подпирая калитку ногами».

Равинская Наталья Александровна, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«В 12-м доме по Щорса засел снайпер и расстреливал мирных. Направо и налево. Украинский снайпер или их наемник, мы не знаем. Очень много наших друзей погибло во дворе.

Кто-то хотел выйти прикрыть тела. Думали, что он уже ушел. Накрывали тела и ложились рядом.

Кто-то бежал за помощью на обратной стороне: тоже убили.

Конечно, мы были в шоке. А потом мы узнаем за 19-й дом, что ВСУ заходили, взламывали квартиры, расстреливали в упор. Слышали грузинскую речь, которые бежали по домам, кричали, где есть тут мирные люди, выходите, где вы, что вы, якобы предлагая помощь.

А на самом деле убивали. Потом мы узнаем, что чуть дальше, на Кучуринской улице, убита вся семья. Чудом остался жив один человек. Пять человек убито. Он вышел, это частный сектор, свои дома. Он вышел вечером в туалет, и тут заходят украинские военные.

Выстроили в ряд – жена, сын, дедушка и внук. Всех расстреляли, а он убежал.

Три дня он прятался, потом прибежал к нам сюда, на Солнечный, и понимает, что здесь тоже беда. Потом он возвращается туда, а ВСУ еще и сожгли тела.

Но потому, как он видел, как они стояли, он их собрал в пакеты, поподписывал и похоронил в одну могилу. И много таких вот...»

Панченко Владимир Валерьянович, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«Когда наступали солдаты ВСУ и они отходили по улице Михаловской, всех, кто был возле “Солнечного” магазина, начали расстреливать.

Люди начали прятаться по подъездам. И ВСУ забегали в подъезды и там добивали всех. Они поднимались с первого по пятый этаж, стучали в двери, кто открывал, тех и били.

Один мой знакомый притаился и, когда уже стихло, вышел. Он рассказывал, что была украинская речь, а еще слышна французская речь.

ВСУ зашли к 12-му дому и выгнали тех, кто был в подвальном помещении.

Парень что-то возмутился, его расстреляли. А рядом стояла его мать. Она начала кричать, и мужчины из дома напротив начали подниматься.

Саша начал тоже возмущаться. Его расстреляли.

Люди побежали к дому, те, кто успел, забежали в подъезд. А кто не успел, тех расстреляли прямо возле подъезда. У 10-го дома по Щорса.

Я не знаю, что такое фашизм. В то время я еще не родился. Но что такое украинский нацизм, я уже посмотрелся.

Это десятки убитых моих знакомых ни за что. Это просто мирные люди».

Прилипко Наталья Викторовна, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«Мы находились на Кучуринской, 64 в своем доме. Украинские военные при отступлении соседей наших расстреляли – мужа, жену, сына. Попривязывали в доме.

На стульях они сидят в доме, привязанные. Им в голову стреляли. На улице еще валяются.

Игорь сказал, что Наташа с мужем и с сыном расстреляны. Сыну примерно 30 с чем-то. Но он больной был, я не знаю, какой у него диагноз, но у него мышление 10-летнего ребенка. Он такой безобидный.

Через дорогу тоже наших знакомых убили. Мишу с братом тоже застрелили – они лежат сейчас во дворе до сих пор. Это именно украинские военные застрелили. Это было 22 октября.

Сашиного знакомого тоже убили на 11-м квартале, где вторая школа, у нас общежитие. Убили прямо в голову.

Мой муж лично видел.

Знакомый до сих пор лежит на улице. Это тоже украинские военные сделали».

Андрей Иванович, 73 года, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«Украинские военные вели себя как агрессоры. Они просто нас ненавидели.

Мы сепаратисты для них. Мы не люди.

Когда были бои еще только за Авдеевку, ВСУ уже начали молотить по Селидово.

По городу, по домам – по всему. Все садики и школы расстреляли. Люди много говорили о мародерстве ВСУ.

Я видел, как машины, груженные металлическими воротами, холодильниками, стиральными машинами, увозили их.

Мирных они убивали жителей, кто-то пропадал, исчезали люди. Пошел или жаловаться, или что-то там – и с концами. Разговоры были, что исчезают люди. Была, был – и нет.

И молодых парней еще ловили. А потом находили, говорят, закопанными».

Мизев Александр Игнатьевич, 65 лет, город Селидово (Донецкая Народная Республика).

«Украинские войска убили моих знакомых – Романенко, убили и спалили их. И когда выходила их диверсионно-разведывательная группа, убили моих соседей.

Соседи – это Запорожец Александр и Валера Лешенко, мой одноклассник. Это было 27 октября. Застрелили.

Мы их похоронили здесь, у нас дома. Вот могила моего соседа Александра. А там мой одноклассник Ляшенко лежит.

Я вспоминаю, с 2022 года ВСУ останвят на блокпостах... Я работал в шахте "Россия". Сейчас они переименовали в "Котлеровская".

Останвят и начинают национальность спрашивать. Я говорю, национальность – русский. Они говорят, нельзя так говорить.

Говорю, а как надо говорить?

– Украинец российского происхождения».

**Ниделько Владимир Тарасович, 70 лет город Селидово
(Донецкая Народная Республика).**

«Перед приходом российских войск, примерно за две недели пришли четверо военных украинских.

Я думал, они паспорта проверять. Они спросили: "Кто ты?"

Я сказал, что я – военнослужащий на пенсии.

Один против четырех – я же не мушкетер, шпаги нет.

Меня избили.

Два зуба и два дивана в крови».

Пытки и убийства захваченных в плен российских военнослужащих

Приведенные ниже факты пыток и убийств российских военнослужащих киевским режимом основаны на свидетельских показаниях освобожденных в результате официальных обменов пленными с Украиной.

Вернувшиеся из украинского плена российские военнослужащие рассказывают о зверских пытках, которым их подвергали украинские военнослужащие, сотрудники Службы безопасности Украины, а также их пособники: отрубания и просверливание их конечностей и стрельба в органы тела, ущемления половых органов, пытки электротоком, прижигания раскаленными металлическими предметами, травля собаками, разнообразные удушения и использование американской пытки с помощью утопления, многодневные избиения с помощью металлических труб и тросов, палок, молотков, бит и других предметов, а также изощренные издевательства, которым они подвергались. Многие российские военнослужащие также были убиты украинскими военными уже в статусе военнопленных или умирали в результате пыток.

Показания пострадавших доказывают, что убийства российских военнопленных являются постоянной практикой киевского режима.

Д. Рыжин свидетельствует: «Нас с Алексеем Сопрыкиным взяли в плен возле населенного пункта Песчаное. У меня было пулевое ранение, а у Алексея множественные осколочные ранения. Алексея безоружного расстрелял украинский боец». Российских военнослужащих расстреляли на глазах свидетелей.

Сергей Тарков: «Двум пацанам еще можно было бы помочь. Я еще успел одному ногу помочь перемотать. Украинцы прошли, расстреляли, контрольные сделали. Раненых на моих глазах добивали».

Дмитрий Агашин рассказывает: «Где-то километр-полтора нас хохлы провели. Одного обнулили они, естественно. Одного человека расстреляли. Попытки начались на следующий день».

Сергей Левин рассказывает, что до того, как их начали пытаться, один из военнопленных был убит: «Я говорю, там раненый боец. И только услышал, как его хохлы застрелили. Обнулили его. Нас вдвоем когда передали “Правому сектору”, привезли на какую-то базу. Раздевайтесь, кричат, раздевайтесь. Начали избивать палками, трубами, глаза завязаны».

Сергей Плермутский рассказывает, что, аналогично немецко-фашистским войскам во время Великой Отечественной войны, украинские военнослужащие расстреливали раненых: «Когда меня брали в плен, хохлы расстреляли тяжелого раненого, обнулили. Моего сослуживца. И по пути они еще одного обнулили. Он лег и говорит, не могу идти. А его взяли и застрелили».

Сергей Беляев рассказывает: «Одного пленного хохлы добились. Обнулили. Меня цепью били. Прямо вот до сих пор слышу этот звон цепи. Глаза перемотаны. Били по голове, топтались по ноге по раненой».

Андрей Малиновский говорит о том, что ВСУ не только не скрывали практику убийства российских военнопленных, но и использовали ее как одно из средств террора: «Говорили сразу конкретно, что пока ты у нас, у украинской разведки в руках, ты еще не военнопленный, мы можем тебя обнулить прямо сейчас. То есть ты никто, тебя не существует».

Целый ряд свидетелей, например, Александр Шурахов, доказывает, что постоянные пытки также часто приводили к смерти российских военнослужащих: «Нам сразу всем прибывшим сказали раздеться догола и нас били плетками, палками, дубиной. Одного из нас били по голове, потом он целый день ходил, хрипел, ребра были поломаны. Утром просыпаемся, а он скончался. Его еще плеткой били, такие толстые нити, между собой связанные. Нас пытали током,

присоединяли электроды к половому органу и к груди. И вот еще завязывали мешком голову и душили».

Одним из постоянных методов пыток киевского режима были пытки электротоком. Сергей Козлов свидетельствует: «Меня украинцы на электрический стул сажали. Аккумулятор, как из машины, и электроды присоединяли к половому члену и губам. И пытали весь день. Еще меня металлическими тросами били, били мастерком по голове. Собаками травили, шрамы остались на спине».

Владимир Палицин рассказывает: «Еще на первом допросе я лишился зубов. Выбили хохлы зубы. Посадили на электрический стул. Электроды были на половом органе и на груди. Электроток пускали в трех режимах. Они “танцы” устраивали – переключали с медленного на большой ток. Я думал, у меня глаза выскочат».

О пытках электротоком, которых ему пришлось перенести, рассказывает и Александр Горий: «На электростул посадили, к пенису привязали проволоку, к соску привязали проволоку и током пытали. Я сознание терял. Потом они прикладом, дубинками ребра мне сломали».

Евгений Скорлупкин говорит о том, что украинские военнослужащие не скрывали своей практики пыток и убийства пленных: «Один ВСУшник рассказывал, что электротоком – тапиком они многих пытали. Расстреливали наших пленных. Говорил, что как-то работал на лодках. Отправили его забирать наших пленных в количестве четырех человек. Он прибыл, а отдают одного. Он спрашивает, а где остальные? Они говорят, ну, все, обнулили».

Вачит Гергенов рассказывает о том, что не менее часто ВСУ использовали пытки электрошоком: «Я впервые в жизни узнал, что такое электрошокер. Жарили долго. Час с головы до ног. Тылную сторону тела обжарили. Потом в итоге, когда в СИЗО приехали, чувствуется, что горелое мясо пахнет».

Об этом говорит и Евгений Некрасов: «В лагере люди рассказывали, что их и электрошокерами пытали, и на электрический стул сажали. Стреляли в них из пистолета пьяные хохлы: колено, ноги простреливали. Напьются и давай издеваться».

Украинские военнослужащие практиковали отрезания, просверливания, прострелы конечностей и ломали пальцы российским военнослужащим.

Максим Лихачев рассказывает, каким лично пыткам он подвергался: «Палец мне отрезали три раза. Секатором, которым ветки рубят. Вырвали четыре зуба пассатижами. На электростул сажали. Собаками травили».

Алексей Охотников свидетельствует: «Он мне сломал сперва один палец. Потом порвал его, побежала кровь, он пытался второй сломать, но лопнула кость. Потом другой сломал мне ребра. Посадили на стул ниже пояса полностью без одежды, перевязали половые органы провололочкой тонкой и стягивали».

Виталий Миленков рассказывает о том, что видел в украинском концлагере «Запад-1»: «В лагерь со мной приехал один человек, так ему отбили все пальцы молотками».

Павел Медокс рассказывает, что такая практика киевского режима носила обычный характер: «В лагере люди рассказывали – кому-то гвоздь в руку вбили, кому-то пилой отрезали, кому-то руку сломали».

Евгений Бритов свидетельствует, что украинские военнослужащие практиковали пытки раскаленными предметами: «Каленым железом пытали парня. Большой гвоздь горелкой нагревают, и на живот. Сам видел эти шрамы у Максима Циолковского. Он оставался на «Запад-1». И у него прямо видно в области живота следы от этого раскаленного гвоздя. Несколько хороших шрамов по десять сантиметров».

Еще одним распространенным средством пыток у киевского режима были разнообразные удушения, включая американскую пытку утоплением.

Михаил Родионов свидетельствует: «Один допрашивал, один находился рядом и шлангом душил. Говорили, что на органы разберут меня и тому подобное. Душили палками и палками избивали. То же самое в Харькове в тюрьме. Какой-то там был Вася – “Вася-бей”».

Пострадавший от киевского режима Дмитрий Рыжин упоминает об утоплении среди перечня других украинских пыток и дает свою оценку: «В СИЗО люди рассказывали многое. Кому-то отрезали пальцы. Электрические стулья применяли, топили водой. Я раньше думал, что такое может быть только в кино. Но нет, оказывается, украинская фантазия очень обширная».

Андрей Бровкин рассказывает о том, чему он сам подвергался: «Наливали воду на лицо – топили. Били трубами железными, битами, которые набиты песком, резиновые дубинки. Собаки обязательно, это первым делом. Хохлы – садисты».

Целый ряд пострадавших говорит о широко практиковавшийся украинцами практике травли людей собаками.

Российский военнослужащий Иван Мякишев рассказывает: «Собаки – это их излюбленная тема, по-моему. Бойцовские породы, они держат и не кормят, обозленные собаки. Еще не поменяли человека, который находится в плену. У него все ноги до сих пор гниют. Все от укусов собак. Я в лагере с человеком беседовал, которому на руку натянули жгут и затянули, пока рука не онемела, полностью не атрофировалась. Прошло уже полгода, он не может ей шевелить».

Практически все российские военнослужащие подвергались постоянным зверским избиениям как в боевых подразделениях, так и в СБУ, в СИЗО, и в украинских концлагерях, а также во время перемещения по «дорогам смерти» – переездах из одного населенного пункта в другой, где машины с российскими пленными останавливались по 6–8 раз на каждом блокпосту для жестоких избиений и издевательств.

Владимир Амертинов свидетельствует: «В концлагере “Запад-4”, город Львов, было порядка 800 человек, 90% хохлы подвергали до этого пыткам. Наша группа, которая в плен попала, – кого-то дубинками били, ребят некоторых на электрическом стуле пытали, собак травили на них. Они покусаны были, товарищ здесь находится, обменяли его со мной. У него после пыток собаками мизинец на правой руке не работает. Влажную тряпку на лицо, и водой поливают. Человек дышать не может просто-напросто. Их пытали в районе Суджи в каких-то домах».

Пытки продолжались и в тюрьмах, и в СИЗО. Петр Бесчастный рассказывает: «В СИЗО в Виннице нас каждое утро застраивали в коридоре на стенку и давай дубинками по почкам – то дубинками, то кулаками. Потом выведут якобы погулять, загонят обратно, постояли, подышали десять минут и заводят. И точно такая же процедура – опять по почкам бьют».

Валерий Полат рассказывает, как их избивали на каждом блокпосту по дороге в Харьков: «Насилие сплошное, когда нас из подвала в подвал транспортировали и на блокпостах в сторону Харькова. На блокпостах из машины выкидывали и тоже киянкой и битой били. Ребра сломали».

Николай Кукушин рассказывает: «Потом в украинский концлагерь попал. В лагере хохлы что хотят, то и сделают. Заводили в комнату, отбивали. Мог и дежурный зайти тебя побить. Ногами кто-то, некоторые, инспектора их, дубинками».

Юрий Евстигнеев рассказывает о практике обмана Красного Креста, о котором широко распространено мнение, что он поддерживает украинскую сторону: «Понятное дело, ты там не станешь говорить обо всем, что произошло, Красному Кресту. Им правду не говорят, им пленные не доверяют, потому что на Красный Крест смотрят как на протекцию украинскую. Если скажешь правду, потом могут просто убить и забить».

Вячеслав Еремин рассказывает об украинских «дорогах смерти»: «Останавливаются на блокпосту, открываются две-

ри, эти выходят и говорят, это – русские. И нас начинают бить, прямо в машине, кто до кого достанет. На каждом блокпосту, пока ехали. 5–6 блокпостов, и на каждом сильно избивали все, которые на блокпостах стояли. Безоружных людей били, которые связаны были, глаза завязаны. Кто прикладом от автомата, кто палкой. Они нас “подбадривали” музыкой украинской на всю громкость. Постоянный от “айдаровцев” поток мата, мол, вам всем все равно конец, вы все равно не жильцы, вы сдохнете».

Андрей Смирской рассказывает, как его пытали в Харьковском СИЗО – прострелили ногу и подвергали постоянным избиениям в течение месяца, некоторых людей убивали на его глазах: «Когда в яме был, очень сильно били. Одного человека выдернули, он не вернулся, хохлы его убили, вывезли в мешке. Дальше в Харьковском СИЗО разные пытки были. Ногу мне прострелили два раза при попытках из пистолета.

Заходили, у них не было шевронов. Здоровые дядьки накачанные просто избивали всех. Человека на моих глазах, Юрия, убили до смерти, забили, просто ногами забили. Его били четыре человека. В Харьковском СИЗО забили до смерти. Это происходило на протяжении месяца и недели – пытали, избивали».

Михаил Родионов приводит перечень пыток и издевательств, о которых рассказывали российские военнопленные в украинском концлагере: «В концлагере люди рассказывали, как гениталии угрожали отрезать, одному стопу просверлили, ногу просверлили. Били палками, железными прутьями, железными трубами, дубинками по рукам, руки отбивали, ломали кисти. По два человека избивали и заставляли, чтобы они друг друга описали».

Роман Четников свидетельствует: «В настоящее время в украинском концлагере “Запад-1” во Львове находится военнопленный Артем Евгеньевич Самойлов. У него хохлы вырезали свастику».

Особо жестоким пыткам с украинской стороны подвергались буряты, якуты, жители Крыма, ДНР, ЛНР, а также бывшие бойцы «Вагнера» и действующие «Ахмата».

Василий Свечников свидетельствует: «Хохлы нам сказали, что мы – якуты, “а якутов мы ненавидим”. Поэтому нас били. Били по спине, по голове, по ногам. Потому, что мы якуты. Потом в Харькове тоже били. Потом в больнице тоже издевались».

Российские военнослужащие рассказывают о случаях разнообразных проявлениях садизма и издевательств, широко распространенных у киевского режима.

Владимир Палицин свидетельствует: «Одного хохла с прутом, с бородой не забуду. Он меня бьет прутом по груди и по шее. Он меня просто лупит и улыбается. Он счастлив».

Вачит Гергенов рассказывает: «Хохлы фотографировали друг друга со мной, били и потом через интернет, через Whats App пересылали. “Прикиньте, мы буряты поймали”. Говорили мне: “Давай нож под ребро посадим, половые органыотрежем, анальное отверстие запеним”».

Алексей Охотников свидетельствует: «Заставляли делать какие-то поздравления. Я, мол, такой-то, поздравляю вас с днем рождения, желаю там и так далее... Посадили на стул, ниже пояса полностью без одежды, перевязали половые органы провололочкой и стягивали. Там по пояс только снимали, потому что дальше-то голый сидел уже».

Евгений Скорлупкин рассказывает: «Привезли в подвал, к нам специально обученный хохол ездил. Позывной его “Фунтик”. Руками, ногами, 4 шлангами, полипропиленовыми трубами, электрошокером нас пытал. Первые месяцев пять через день ездил. Он от пыток получал несказанное удовольствие. Он пытался нас воспитывать. “Учите гимн украинский, учите стишки украинские”. На бумажечке на украинском языке раздавал. Если не помнили – пытал».

Вячеслав Еремин также рассказывает, как российских военнопленных пытками заставляли учить гимн Украины и гимн

«Азова»: «Включали гимн “Азова”, ставили на колени и избивали. Глаза закрыты были, руки были завязаны. Избивали долго, до утра почти, всю ночь. Включали гимн Украины, если не повторил, тебя бьют, пока ты не выучишь. Слово перепутал – начинают убивать опять».

Постоянной практикой киевского режима также были пытки российских военнослужащих со стороны украинских врачей. Опрошенные массово свидетельствуют о такого рода проявлениях садизма со стороны украинских врачей, как операции и манипуляции без наркоза и обезболивания на российских военнопленных, аналогично экспериментам нацистского доктора Менгеле в лагере Освенцим.

Матвей Анеоргин рассказывает, как его резали по живому: «Привезли в больницу в Краматорск, и врач на живую начал вырезать просто куски мяса. Без обезболивания, без лекарственных препаратов. Украинский врач говорил: “С чего мы вообще вас будем лечить?” В глаз мне ударил. И он и резал по живому, по мясу».

Николай Хмелев говорит о том, что во время пыток украинская медсестра смотрела ему в глаза: «Когда меня привезли в больницу, там украинская медсестра надела перчатки и просто засовывала свой палец указательный в шею, в дырку и смотрела мне в глаза. Специально мне засовывала. У меня дырка была в шее где-то с палец. Она просто палец засовывала и ковырялась без обезболивания. Ничего не говорила, просто смотрела мне в глаза. Это в Запорожье было. Потом просто полили водой и забинтовали».

Федор Чугуров рассказывает: «Мне и двум другим пленным битой ноги сломали. Без обезболивания, на живую осколки вытащили из ноги. От врачей слышал матные ругательства в свой адрес, и по ноге пинали по больной. Издевались и на телефон снимали».

Юрий Евстигнеев говорит о том, что врачи намеренно делали большее во время медицинских манипуляций:

«В Харькове в тюрьме врачи делали свою работу, но специально, чтобы это было больно. У меня колено распухло, и они ножницами прямо по живому. Они говорили при этом: “Что, больно там?”»

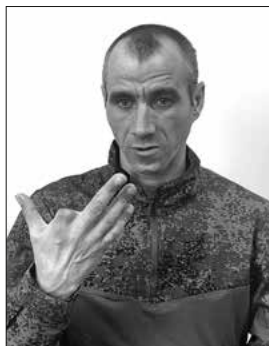
Евгений Бритов на собственном опыте свидетельствует: «Людам при перевязке украинские врачи просто ланцеты в рану засовывали и проворачивали несколько раз. Когда мне бинты снимали, врач в раздробленный палец упирался ножницами на излом и с удовольствием все это делал. Причинял физическую боль. Ему это нравилось».

Пыткам со стороны украинских врачей подвергся и Максим Легких: «В Киеве я на себя испытал: украинский хирург с медсестрой без обезболивающих режут. По живому мне ногу резали. Меня держали пять парней и из полотенца сделали кляп, я чуть кляп не перегрыз от боли. Через день они приходили, каждая перевязка, прочистка ноги, это все повторялось раз в раз без обезболивающего. Это хуже, наверное, садизма. Я не знаю, как это назвать. И так в Киеве именно в СИЗО занимаются. Там со всеми так. Там все орут, все изнемогают. Там всегда так».

В Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 года указывается: «С военнопленными следует всегда обращаться гуманно. Любой незаконный акт или бездействие со стороны держащей в плену державы, приводящие к смерти военнопленного, находящегося в ее власти, или ставящие здоровье военнопленного под серьезную угрозу, запрещаются и будут рассматриваться как серьезные нарушения настоящей Конвенции» (статья 13 раздела II), а также «Никакие физические или моральные пытки и никакие другие меры принуждения не могут применяться к военнопленным...» (статья 17 раздела III). Зверства киевского режима по отношению к российским военнопленным являются грубыми нарушениями Женевских конвенций и военными преступлениями, которые не знают срока давности.

Лихачев Максим Владимирович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Меня подняли, я чувствую, что у меня идет кровь. Меня начали обыскивать. Я вспомнил, что у меня телефон, что я его не выкинул. Говорит, что в телефоне? Я в это время понимаю, что там есть карта моей стартовой позиции, где у нас находится еще 25 человек, откуда мы стартуем, ну по 5–6 человек. И конечная точка. Между ними еще несколько точек. Я понимаю, что, если сейчас на нее выводит телефон, это все.

Я выхватываю телефон и разбиваю его о брусчатку.

Ну и результат: палец мне отрезали три раза. Секатором, которым ветки рубят.

Вырвали четыре зуба пассатижами. На электростул сажали.

Собаками травили. Это “Азов” и “Кракен”. Собаки рвали нас, два ротвейлера. Федя и Окси их клички. То есть собаки тебя рвут. Час они тебя рвут. Делать ничего не можешь. Единственное, чтобы в горло не вцепились.

Потом был электрический стул, шрамы, то есть от электрического стула ожоги. Сюда подцепляется клемма, вторая подцепляется к шее. Генератор, станция, которая дает 220.

Ребра у меня три сломанных.

Спустя 3 дня они поняли, что я уже умираю, что все, я не вздохну, ничего не могу.

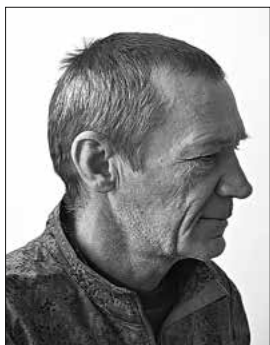
Завязали глаза и увезли меня, получается, на Харьков. И там мне сразу же сказали, что проткнули меня иглой, выкачали кровь.

Дали бутылку с трубкой и сказали, что хочешь жить, не вздумай убирать, задохнешься. Теперь с этой бутылкой, то есть в багажнике со сломанными ребрами, я ехал до самого Днепропетровска, до больницы».

На фото Председатель Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов М.С. Григорьев опрашивает пострадавшего от украинских пыток Г.В. Ерохина

Ерохин Геннадий Васильевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Меня взяли в плен ночью. Этой же ночью отвезли в село какое-то, глаза были завязаны. Приехала украинская контрразведка, начался допрос.

Привязали провода, правая рука, левая нога, и на протяжении трех часов били током.

Когда валялся на полу, избивали дубинкой.

Пару дней просидел в ямах.

Потом, когда повезли в тюрьму, с утра до вечера нас свозили. 24 человека свозили на протяжении дня.

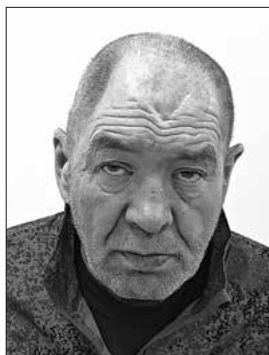
И вот на протяжении этого дня все время избивали. Палка, труба. Металлические трубы. В основном, по голове, руки, ноги. Сидели связанные, завязанные глаза. Пакеты на голову надевали, душили.

Пока везли, нас три раза пересаживали из машины в машину, во время пересадки избивали, тоже глаза были завязаны. Я слышал свист – понял, ремень или веревка, на конце железка. Вот остался у меня след, перелом кости, боли по коленям и по рукам в основном.

В СИЗО парни рассказывали, им хохлы прокалывали спицей, шилом около коленей. Такие еще были пытки».

Гурий Александр Иванович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Меня ВСУ увезли куда-то в лес. Завели в блиндаж. Там подошел мужик, говорит: “Кто это?” Ему говорят, русский “Горий”. А он: “Фамилия наша, украинская. Что он против нас?” На электро-стул посадили, к пенису привязали проволоку, к соску привязали проволоку и током пытали. Я сознание терял. Потом они прикладом, дубинками ребра мне ломали.

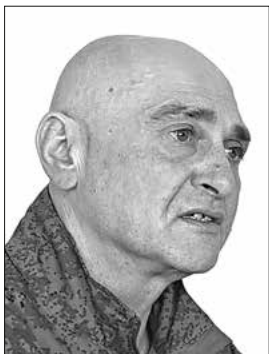

Я слышал, пока другого пытали, он кричал сильно. Потом узнал, что этот мужик, который заходит, его зовут Сан Саныч. Он как хозяин этого места, где пытали нас, специалист по пыткам.

Потом увезли в Харьков. В камере рассказывали, как на спине гвоздем флаг русский сделали человеку. Потом посидел в Киеве. Там, в Киеве, бабка была, не бабка, а изверг, что тот гестаповец. Ну, она медиком была. Она когда ранами занималась, наоборот, больше делала».

Еремин Вячеслав Вячеславович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Я был в подвале у бригады “Азова” на заводе. Откуда знаю, что “Азов”? Глаза завязанные были, но они часто включали

гимн “Азова” в вечернее время суток. Охранники были пьяные. Включали гимн “Азова”, ставили на колени и избивали. Глаза закрыты были, руки были завязаны. Избивали долго, до утра почти, всю ночь. Там же выпивали. По нам они отрабатывали удары, а потом опять шли выпивали. В это время я или валялся, или ставили нас на колени. Пленных восемь человек было. Всех поочередно били.

Хотели мне отрезать половые органы. Завели “болгарку” и порезали ногу мне, прямо возле. Прямо хорошо зацепили. Шрам остался.

Пытали током. Привязывали провода на пальцы, обливали водой. Тапиком. У меня сердце остановилось. Потерял сознание, я открыл глаза в мешке, в черный меня упаковали. Не должен был открыть, но открыл. Я уже в мешке лежал, а потом, видать, сердце заработало. Я помню кадры, кадры включаются, выключаются. Сутки я рыгал, не поднимался. Потом вывели, поставили на колени. Достали пистолет и резко выстрелили. И это все фиксировалось на камеру. Эту фотографию они отправили моей матери.

Очень сильно пытали ДНРовцев. Очень сильно. Их током забивали до бессознания и потом куда-то увозили. Ну, обнулять. Потом я встретил несколько человек там. А кого-то, думаю, убили.

Один упал и больше не вставал, упал прямо лицом об пол, они думали, что он шутит, подняли его еще, крутанули током, он упал и больше не вставал.

Русским, нам сказали, вам повезло, потому что нам нужен обменный фонд. Если вы тут не сдохнете от того, что мы с вами делаем. Я там пробыл 16 дней. Глаза завязаны, не кормили. 16 дней вообще не давали никому. Потом дали нам какие-то два печенья. И я понял, что нас увезут на обмен.

Они включают гимн Украины, если не повторил, тебя бьют, пока ты не выучишь. На телефоне его. Он проиграл, допустим, куплет. Он выключает, должны повторить. Если не повторяешь, они начинают убивать. Опять включает. Слово перепутал – начинают убивать опять.

Мне очень часто включали гимн “Азова”. Один поставил меня на колени и просто отрабатывал на мне удар. Становился, руку к груди свою, постоял молча, я стоял на коленях, и потом он начинал меня бить ногами, руками.

Когда мы приехали в концлагерь, один вышел и громко сказал: “Вы приехали к бандеровцам, теперь вы узнаете, что такое Бандера”. Я запомнил это на всю жизнь. И все 19 месяцев я был именно там, где себя считают детьми Бандеры. В лагере там все стены, фотографии обвешаны Бандерой и Шухевичем. Даже в этом лагере “Запад-1” все стены в них. Идешь, там 100-метровка перед столовой, там все стены, все там Бандера и Шухевич. И фашистские знаки – все висит на стенах. Это – гордость их».

Курцев Александр Викторович, российский военно-служащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Нас построили, раздели до трусов. Приехали молодые люди в непонятной форме, и там просто они нас избивали. Меня вот лично искушал ротвейлер. На всю жизнь запомню, собаку звали Федя. Еще была Рокси, ротвейлер поменьше. Вот они меня рвали на части.

А мы были в трусах одних. Вот у меня от клыков следы. Он меня насквозь до кости прокусывал. Потом нас избивали битой алюминиевой, она была набита песком. То есть такой массивный инструмент.

Вспоминаю, один из пленных был молодой человек из Одессы. Ну, видно, когда конфликт еще начинался, в каком-то году они, наверное, с семьей переехали. И украинцы узнали, что он из Одессы. Начали очень сильно его бить. У него кровь просто шла фонтаном. Потом я его уже не видел.

Потом одного нашего я лично видел: он снял футболку, у него была иссечена вся спина. Кнутаом его сильно били до костей. То есть там просто выскакивало у него мясо. Леша его звали, ну 25 лет от силы. Человек был в подвале 20 дней до СИЗО. Его бросят в подвал, вытащат, сильно избивают, потом бросают, и так каждые 4 часа. Вот он 20 дней в такой жизни просуществовал, не знаю, как выжил».

Кошелев Дмитрий Николаевич, российский военный служащий, подвергшийся украинским пыткам.

«В плену завязали глаза, связали руки, привезли в подвал. Начали избивать, били по голове. Чем-то ли арматурой, то ли прикладами, непонятно. Шрамы до сих пор остались, даже еще не зажили толком на голове.

Наручники пристегивали и на цепь подвешивали под своим весом, ты вот так висел на руках. Висел, пока до костей не прорезало наручниками мясо.

Потом раздели догола, поставили на колени в вольер собачий на улице. Это был ноябрь месяц, уже было холодно. Мы голые на коленях стояли в вольере, головой вниз до утра.

Потом увезли, посадили нас в подвал и первые четверо суток просто убивали. То есть кто-то зашел – бам, вопрос задают, тут же бьют. Кувалдой в грудь били, по плечам. Кувалда такая с ручкой, деревянная ручка, большая такая железная кувалда. На коленях стоишь, а тебе с размаха кувалдой в грудь, по спине. А мы на коленях стоим. Потом отвезли

на другую яму, били. Когда там заходили, надо было кричать “Слава Украине!”, заставляли, если не будешь кричать, тебя били по голове опять железяками какими-то. То есть там нас сидело 21 человек, подвал 4х4, земляной подвал. На пятые сутки первый раз покормили.

Потом поехали в Харьков, в тюрьму, в СИЗО. Опера местной тюрьмы нас полностью всю камеру выдергивали и пьяные нас били кулаками и ведрами, залитыми цементом. Потом сказали, мой пол от крови. Это было за день до приезда Красного Креста туда.

Они прямо утром перед Красным Крестом открывают камеру и говорят, ну что, ты будешь языком лишнее говорить или нет? Ну, сами понимаете, если ты скажешь лишнее, тебя убьют просто, и все».

***Малиновский Андрей Валерьевич, российский воен-
нослужащий, подвергшийся украинским пыткам.***

«Когда взяли нас в плен, перевязали руки. Не как обычно, ну, веревкой или скотчем, а перемотали руки жгутом: то есть на протяжении где-то около часов шести не ослабляли. Руки немели, я их упрашивал – они просто смеялись. Мог руки потерять, но их это не останавливало.

Потом они засунули тротил в бронжилет мне. Все, короче, сказали, ты идешь с нами на точку, будут ваши стрелять, если тебя не зацепят, тогда, говорит, я нажму кнопку, и тебя разнесет.

Он говорит, ты не думай, что так быстро умрешь. Укололи каким-то уколом и сказали, что ты будешь чувствовать эту боль на себе всю. Ты умирать будешь долго очень. Не знаю, что они мне вкололи.

Говорят, как их пропаганда: “Вы – кацапы и пришли убивать наших детей”. Я говорю, никаких детей мы не убиваем, потому что у нас написано в контракте про противоправные действия, которые попадают под юрисдикцию закона нашего государства. То есть, если мы нарушаем закон, мы несем ответственность уголовную.

Мирных граждан мы не приходим убивать ни в коем случае. Мы воюем против бандформирований ваших, я им это сказал. Был избит, удары были, как ломом либо кувалдой какой-то. Били с такой силой!

С глазом это у меня ранение, кассета взорвалась рядом. Украинский хирург мне там пошутил. Я ему говорю, вот у меня глаз, посмотрите, а он сказал, я сейчас ударю тебя по другой стороне, у тебя такой же будет.

Операцию мне без наркоза делал абсолютно. Удаление осколков, отщепление мертвых тканей, это все вырывалось, все без наркоза. Это ужасная боль. Украинский врач говорил: “Ненавижу”.

И когда он мне последнюю делал перевязку, он снял повязки и намазал мне зеленкой открытую рану. У меня зашито здесь тоже, полностью все перешито. То есть приподнял мне губу и зеленкой там еще намазал. Ну то есть издеваются, как могут. Пугали, что половые органы отрежут».

Охотников Алексей Борисович, российский военный служащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Допрашивала нас какая-то женщина за 30 лет. У нее еще есть ребенок, она частенько созванивалась с ребенком.

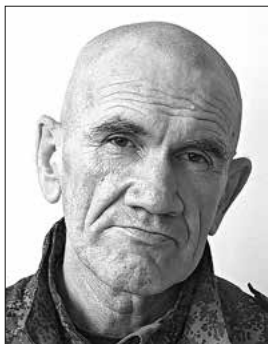
Постоянно говорила, что нужно физическую силу с вами использовать. Она из СБУ. Говорила, что нужны меры физического воздействия. Зашел командир роты и мне сломал сперва один палец. Потом порвал его, побежала кровь, он пытался второй сломать, но лопнула кость. Потом другой сломал мне ребра.

А она сидела рядышком и руководила пытками. А между пытками созванивалась с ребенком. Потом заставляли давать

какие-то поздравления, но это в течение недели это все происходило. На украинском было написано, что говорить. Они же видео снимают по пояс, и смысл текста: я, мол, такой-то, поздравляю вас с днем рождения, желаю там и так далее.

Эта женщина из СБУ заставила еще меня сделать видеозапись, что русские парни – сдавайтесь. Посадили на стул, ниже пояса полностью без одежды, перевязали половые органы провололочкой и стягивали.

Под конец я уже не выдержал, я, можно сказать, ревел. Пытал вот этот командир роты. Он сбоку сидел, его не было видно в телефон. Там по пояс только поснимали, потому что дальше-то я голый сидел уже».

Айняургин Матвей Александрович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Сразу начали избивать. ВСУ думали, что я бурят. Говорили: “Сейчас мы тебе там голову отрежем”. Сказали, что тебя сейчас вот обнулим, ты как бы, не нужен.

Начали они связываться с командованием, как я понял, ну, что со мной делать? Или убивать, или нет.

Потом отвезли в деревушку небольшую на Соледарском направлении. Там тоже избивать начали.

Я сказал, что был в подразделении ЧВК “Ветераны”, а они ЧВКшников живыми не брали, потому что они не давали им прохода. Наши не отступали, а стояли на месте и отражали атаки ВСУшников. Ну, из-за это-

го они убивали сразу ЧВКшников. Даже раненых, они их тоже расстреливают, добивали.

Командование, я как понял, не сказало убивать, и они начали с волонтерами какими-то связываться: здесь военнопленные, все такое, за деньги, что-то они начали говорить. Потом сказали, ты, типа, нужен на обменный фонд.

Меня вывезли в сторону Краматорска в гараж, где были СБУшники. Сначала они меня избили. У меня ранения на ногах были, они пинали мне по ранам. Потом СБУ перевезло меня в другой гараж, где следки их приезжали, командование из других подразделений приезжало. Там, в этом гараже, киянкой мне тоже по ногам били, ну, по местам ранений. Сказали, все, короче, если ты несговорчивый, тебя сегодня просто обнулят. Как только я из машины – меня с ног сбили и начали запинывать прямо на дороге. Проезжали другие машины, ну и снимали, как меня избивают. В основном, били по голове, по сердцу.

Когда меня, избитого, уже закинули в пикап в багажник, двое сели впереди. Они начали избивать в эту всю дорогу. Ножом по голове били. Когда у меня кровь шла, они наматывали скотч. Потом, когда опять начинали избивать, у меня опять новые раны появлялись. Ну, сверху того скотча и опять скотч. Ну, и каждые там блокпосты проезжали. На каждом блокпосту также били. Заставляли кричать “Слава Украине!” Открывается дверь – все, ноги полетели, тебя запинывают. Ты не видишь просто, у тебя глаза все закрыты, руки застегнуты сзади. Все, тебя запинывали. Ну, в основном в голову били.

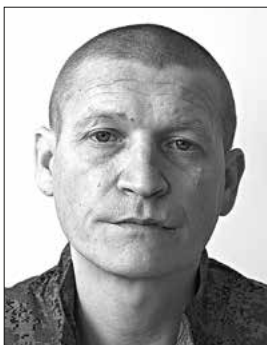
В СИЗО они зафиксировали ранения и сказали, что Красному Кресту должен говорить, что это на поле боя были получены ранения».

Ключай Александр Николаевич, российский военный служащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Когда меня пытали, мне переломали ноги в двух местах. Сначала одного пытали. Мы слышали, как его избивали,

то есть крики, оры. Это, наверное, было сделано для нас, чтобы мы понимали, что нас ждет то же самое.

А потом прошел мимо нас хохол, держал в руке биту металлическую. Прошел в одну сторону, по удару нам сделал, именно в одно и то же место, ему и мне, в ногу под коленную чашечку. Ну, нога сразу хрустнула, и одинаковые переломы на одинаковую ногу. То есть навык у него был, видимо. Бита сама по себе очень такая нестандартная бита. Именно для пыток, я понимаю. Песок или стержень какой-то металлический внутри был. Мне ее потом дали отмыть от крови. Это на меня психологическое давление было, чтобы я понимал, что меня дальше может ждать. Он мне дал после этого биту отмыть и сказал, я завтра приеду. Он привез пистолет, нам сказал, трое не нужны, нам надо два человека. Выбирайте, кто из вас обнулится сам. Ну, сами, типа, выбирайте. Ну, как можно это сделать? Тебе сказать, давай ты или я, что ли? Давление такое у них психологическое. Хорошо, нас утром рано погрузили, увезли на другое место.

Человек со мной сидел, Борис Андреевич Стополянский. Его на первой линии хохлы долго держали. У него одна нога в осколках вся была, а бегал босиком. То есть он пробежал – минные поля разминировал на протяжении месяца, пока его не отвезли дальше. В украинском госпитале человек умер при мне. Его, когда привезли, он полностью как мясо был. Ну, ходячий труп был. И просто он лег на пол, захрипел и умер. Никто никакой помощи не оказывал. Врачи украинские подошли, посмотрели. Ну, шевелится, ушли, он умер».

Милюков Виталий Васильевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Когда привезли в подвал, начали избивать. Специально пинали по рукам – у меня ранение пальца было, осколки в кости,

нервы перебиты. Обливали водой холодной, там дубак конкретный, и тебя просто водой холодной специально.

Глаза завязаны, слышишь: “Ты, тварь, завалить тебя”. Потом нас передали. Тоже глаза завязаны постоянно, уже наручники одели. Потом снова передали каким-то еще людям. Вдоль дороги вытащили, потому что до трассы была слышна трасса машины. Начали трубой бить, часов пять, наверное, прямо на этой трассе провалялись. Видимо, чтобы видели, может, украинские жители, что пленных взяли. Там говорили: “Вот минное поле, давай вас на минное поле, кто выживет”.

Потом привезли нас уже в концлагерь “Запад-1”. В лагерь со мной приехал один человек, так ему отбили все пальцы молотками. У него прямо мякоть прямо там на ноге была.

Ему не оказывали вообще никакую медпомощь.

В дальнейшем ему ампутировали все пальцы на ноге, потому что там без выхода было – у него загноилось уже все. И вот он ходил с обрезанными пальцами, заставляли ходить».

Альвахарчиев Камил Хасбулаевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

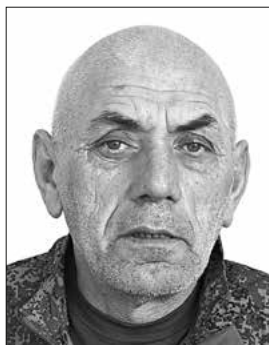
«ВСУшник начал издеваться над моей раной. Ну, пуля там. Издевался он над этим. Ну, вот так растаскивал это и даже плюнул потом туда.

А допрашивал меня из “Кракена” крымский татарин. Он начал мне говорить, вот, ты мусульманин, ты должен убивать русских. Я, как покойный Расул Гамзатов, сказал, что я – аварец в Дагестане, дагестанец по всей России, а за пределами России я – русский.

Они начали битами бить меня. По ногам там, туда-сюда. Ну, как хотели, так и издевались. Я не помню, сколько дней – трое суток, четверо суток я был там.

Они мне говорят, что я проданся. Я говорю, я не проданся, это моя родина. Мое государство. Мой президент.

Однажды одного молодого на колени поставили и меня на колени поставили. Потом повалили меня. ВСУшник мне на ногу наступил и говорит: "Это старая орка. Его будем сейчас разрывать". Потом один еще говорит: "Можно я... Я еще русских не трогал". Сам хохол, козел. Подошел, ударил меня кулаком и отскочил. Я же орка, страх, видимо, у него.

Потом этот опять положил меня, наступил на меня. И мне показалось, что половина иностранцев там.

Потом привезли в Харьковское СИЗО. Потом там этот, который нас привел, укроп, он порезал ленты, которыми мы связаны были. Снимите ленты, шапки снимите сами, говорит. Я снимаю, и из машины же вылез, вот так смотрю, там написано на хохлянском "червонный крест". Красный Крест. Этот сотрудник Красного Креста, он меня, оказывается, бил. Хохол. Паскуда эта. Я просто на него посмотрел и сказал, что мы же можем еще встретиться.

И в СИЗО у них приемка хорошая. Там было, типа, я "ахматовец", и били. Били, кто проходил. Били палками.

У меня пуля тут и осколки тут. Я не могу руку выгнуть. И нога у меня раненая. Я врачам говорю, надо пулю вытащить.

А она мне сказала, русские пусть вытащат. В итоге нахрен послали меня. Ударили. Потом я говорю, дайте лекарство. Ничего не давали.

Восемь дней я в камере лежал как мертвый. 40 человек в камере.

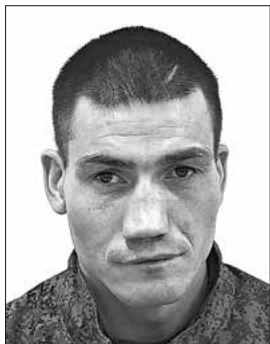
Там был один паскуда, тварь конченная. Его зовут Ярик, Ярослав. Это бывший сотрудник полиции города Твери. Он убил кого-то. Типа посадили на 10 лет, но не отсидел

столько и сдался хохлам без единой царапины. Он издевался над ранеными, бил.

Там врачи, их врачи приходят, молодые девчата. У меня нога раненая, и по ноге одна бьет. Это врач бьет. Железная какая-то... Я смотрю, а она бьет.

Одна лишь единственная из врачей была нормальная. Она хотела ногу обработать. И вот эти, которые были там охранники... За руку ее взял, что-то сказал ей на ихнем языке, типа пошла на... отсюда. Врачихе сказали».

Мацнев Александр Сергеевич, российский военнотружущий, подвергшийся украинским пыткам.

«В плену украинцы хотели мне палец отрезать. Хотели расстрелять. Сначала в пикап какой-то посадили, повезли на химзавод. Там допросили, загрузили обратно в пикап, ехали по дороге, глаза были завязаны. Остановилась машина, нас выкинули из машины, к дереву приставили. В ВСУ женщина была, она отвела второго пленного, с кем я был, в сторону и застрелила. Подошла ко мне, начала тоже стрелять, но стреляла в сторону.

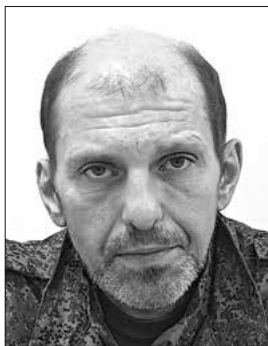
По-всякому меня обзывала. Когда пацана она убила, меня одного закинули в пикап, привезли в какой-то дом. Я раненый был, открытый перелом. Палец мне прострелили. Начали электрошокером бить, потом палками, трубой.

Потом утром меня в машину загрузили, глаза завязали. В какое-то СИЗО привезли. В камеру меня забросили. Один зашел, начал обзывать. Вышел, заходит с брусом и начал бить по голове. Потом он снова вышел, затащил трубу пластмассовую, начал трубой бить.

Наш один потом мне рассказывал, как ему украинцы ножом палец отрезали и электротоком пытали».

Корольков Евгений Александрович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Приехали парни в масках на джипе, нас забрали. Сразу нас в один дом привезли, типа как сарай не сарай, начали там: “Вставай на колени”. На что, конечно, был отказ, поставили внаглую, уже через силу. Били палками, когда уже повалили, начали топтаться по ранам конкретно. Видно же им, одежда была разорвана, кровь идет, хоть и был пережгутован. Хохол прямо ногой встает и крутит прямо в берцах, прямо по ране, на грудь всяко-разно там скачет, прыгает туда-сюда.

И вот так получалось у нас, только за один день мы сменили четыре места, и в каждом месте они все это делают и все снимают на видео. Снимали избиения.

А потом стали просить поздравить свою маму там, родственника. Мы в крови, руки скотчем перемотаны, все стоишь. Он говорит, вот там, скажи то, скажи это. Поздравь, у меня там у брата день рождения, такое ощущение, как будто у них всех в один день сразу день рождения, все, кто был, заставлял. Маме скажи, поздравляю, слава Украине. Я даже не понимаю, для чего они это снимали.

Вот эти три дня нас мотали по всем хатам, били, сорвали цепочку с крестом, запихали в рот и били просто в челюсть. Говорили, чтобы жрать свой крест, а зубы крошились. Долбили конкретно за то, что ты типа крест носишь. Все эти издевательства были. Потом нас привезли в дом в СБУ.

Были три человека, один записывал в компьютере ответы. Они в масках. Один записывал в компьютере, двое вопросы задавали. Слышите, говорят, как кричат люди тут? Ну, и по нам применяли электрошокер, дубинки. Вот они по очереди, вот каждому, вот. И все вот так проходили по кругу.

И привезли четвертого еще с нами, и они его сильно отмузузили. Он весь был синий, весь в кровище, сидел в одних трусах. Я не знаю, за что его отмузузили так. Как мы уже узнали, его потом увезли в госпиталь.

И ему после всего этого там ампутировали ноги. Понятно, что в СБУ отбили ему все, что есть.

Потом повезли уже в СИЗО, это в Орехово. Привезли в госпиталь осмотреть, сказали, лишнего ничего не говорить, в глаза никому не смотреть, смотреть в пол. Завели, медики говорят, все, пойдут, можно содержать их в СИЗО. И все. Так вот, короче, отпихнулись, ничего не сказали, независимо от того, что там в ранах – есть осколки, нет осколков. Потом нас, как котят, шмотали по этому уазику, закинули, выкинули. Руки связаны, это все плашмя на асфальт».

Чулаевский Виталий Константинович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Пытки начались уже на Сумской границе, когда меня привезли, в яму посадили. А потом уже начались допросы и били током по очереди. Потом били ногами, руками. Руки при этом связаны. Были ребра перебиты, зубы выбиты.

Потом в соседнее помещение перевели. Там наши из 9-го полка двое тоже сидели. Вместе все прошли. Их тоже били. Ночами пытки продолжались, людей подвешивали и били цепями, палками. “Вагнеров” искали.

У людей забирали телефоны, избивали, чтобы залезть в телефон, все аккаунты, доступ к картам, к соцсетям. Сидели люди, уже на компьютере пробивали.

Я слышал, там они “Вагнера” одного вычислили – в общем, больше этого парня не видел. Потом меня увезли в СИЗО».

Еремин Виталий Сергеевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Попал я после ранения в подвал. Нас только привезли, когда эти укрупы нас забрали.

Приехала какая-то машина, “Брэдли”, не “Брэдли”, типа броневичок. Сидела там женщина. Поговору она была то ли полячка, то ли еще что-то. Привезли.

Только нас привезли, один меня взял, ну, здоровый такой, и из багажника выкинул, я метров шесть, наверное, пролетел. Я понял, что, короче, попал, будет кино.

Кинули в подвал. Потом из подвала вытянули, ну, из погреба сырого.

Позвали медика, пацан как бы молодой, высокий такой пришел, он говорит, я медик, давай тебя посмотрим: ранение, не ранение.

Я ему показываю, тут в районе сердца, он берет вот эти гнутые, как пинцет. Полез туда, ковырялся, ковырял, достал маленький осколок от кассеты. Потом засунул и начал еще кругов 10, я корчился от боли.

Сзади стоял с автоматом коротким, такой в годах мужичок, говорит, пискнешь, прибьем, короче. Вижу, он кожу эту аж оттянул, полез, тут тоже осколок. Короче, я сознание потерял, вот так два раза было.

Я ему говорю, что там достал? Он говорит, если бы ты не упал, я бы достал. Хочешь еще, тогда достанем. Все, говорю, ничего я не хочу. Походу, горячий он туда осколок заскочил.

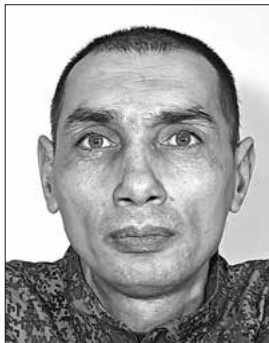
Как бы сильно помощи он не хотел оказывать. Видно, что глаза горят, дурной глаз, ему лишь бы, ну, поиздеваться.

В концлагере “Запад” был парень, ему на лбу “азовцы” букву “В” выжгли, железку накалили и выжгли. Я видел его

возле столовой – у пацана шрам. Еще Димка у нас был. Ему хохлы ухо прострелили. Еще они закапывали людей. Закопает в яму по шею. Вот он там может сутки, двое, и ни воды, ничего не дают».

Комков Александр Николаевич, российский военный служащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Сначала украинцы били руками, потом палками, потом до тросов дошло дело. Тросами, которыми машины тянут, металлические. Этими тросами мне сломали ребра.

Потом в бетонной яме меня в поток сажали, опускали туда ноги. Наливалась вода в ведро. Опускали мои ноги туда. Без ботинок, без всего.

И опускалось два провода и от электрощитка 380 ток. Потом, чтобы я не терял сознание, – электрошоке-ром, чтобы приводить меня в чувство.

И потом продолжение дубинками, палками и тросами. Там было человек 5–6. Главный говорил каждому, что делать, и они выполняли его поручения по пыткам.

Потом меня привезли в сарай, бросили и там били. Потом через двое суток меня в третий бетонный подвал привезли. Там то же самое, только уже отвязывали руки, отвязывали глаза.

И то же самое – сажали на стул, руки за спину. Потом били тросами, палками, ну и, конечно, ногами».

Агашин Дмитрий Николаевич, российский военный служащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Где-то километр-полтора нас хохлы провели. Одного обнулили они, естественно. Одного человека расстреляли. Пытки начались на следующий день.

Глаза были завязаны, перетянули нам руки швырками. То есть мы провели с этими перетянутыми руками часов 14, до утра. Руки уже чернеть начали. Потом приехали два костолома. Ну, судя по всему, были “азовцы”. Им в принципе ничего не надо было от нас. Двое ребят наших там стояло раненых. И просто первый удар в бровь, потом электрический стул, а потом пошла бита. Били так, что... Ну, просто они не били, они убивали. При этом говорят: “Вы сдохнете когда-нибудь? Можно, конечно, застрелить, но это для вас будет очень быстро”. Били по всем местам ранения.

Накатывали так, что ты вроде подышаешь, а оказывается, ты еще живой, потому что режут тебя ножом, ты вскакиваешь. И потом вот, когда он видит уже, что ты еще пару ударов и ты сдохнешь, он прекращает. Когда ты начинаешь молиться, чтобы тебя застрелили, он прекращает этот момент.

И так же продолжает следующий, следующий, следующий. Нас было трое. Всех троих бил двухметровый человек с огромной битой в руках. Он просто работал так, что от биты летели щепки. Каждого, кого забивают, тот уползал в сарай. Потом они уехали. При этом зашел, мне тыкнул пальцем, говорит, приду, тебя застрелю. Либо ты сегодня сдохнешь, либо ты завтра по-любому сдохнешь. Я говорю, ладно, хорошо. Нас увезли с утра, перевезли в ямы. В ямах продолжалось издевательство».

Ковальчук Андрей Тимофеевич, российский военный служащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Меня хохлы били палками, в наручниках пристегнутого. Пинали ногами, руками, полными канистрами 20-литровыми. Не любят они бурят и якутов.

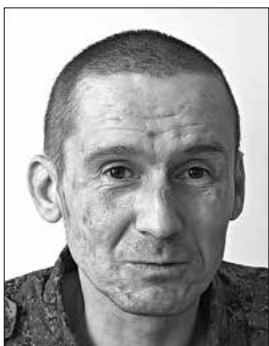

Других током пытали. Одного, тоже хакаса по национальности, его током. Собаками травили. К бурятам самое жесткое отношение.

В тюрьме в Харькове, в СИЗО за то, что я бурят, меня в первую очередь били.

И потом меня били еще в Виннице. Это тоже в изоляторе. За то, что я бурят. И что бурят, и что еще у меня фамилия украинская – Ковальчук. Из-за этого тоже били».

***Таракановский Андрей Витальевич, российский воен-
нослужащий, подвергшийся украинским пыткам.***

«Я бы даже не назвал, что делали хохлы пытками, потому что пытками пытаются что-то выпытать. Не носило это никакой цели узнать что-то. Это истязания.

Один хохол с болтом длинным долго-долго избивал. Причем такой, видно, уже достаточно тренированный на этой должности. Бил без остановки, как швейная машинка, болтом. Да так, что остается резьба потом на коже, то есть весь в резьбе остаешься.

Дальше ведут в гараж, где сидят трое, там продолжается опять тот же допрос, опять те же вопросы. Значит, там сидит “барабанщик” с канатом, обмотанным скотчем. Он просто сидит на протяжении всего допроса и просто по голове темп какой-нибудь отбивает.

Когда барабанщик уставал, подходил такой здоровый мужичонка, может, лет 25. Накидывалась на шею цепь, он душил.

А с утра приехал за нами докер, хозяин одной из ям, как многие его называли. Он занимается избиениями наших военнопленных. Он бьет арматурой, киянкой. У него там есть свои любимые инструменты. Чем он вас ударит, вы не знаете, потому что у вас завязаны глаза скотчем, то есть вы не видите.

И когда от него прилетит – неизвестно. Отработанная схема.

Причем я разговаривал с ребятами, все проходили одно и то же. Тоже этого типа с металлическим штырем.

Если в этом подвальчике мало народу, то есть в районе 7 человек – там холодина жуткая. Если набивается по 27 человек, то там уже жуткая жара и нечем дышать. А воды давали очень мало.

В СИЗО рассказывали, одного нашего парня посадили очень изощренно в подъезде зимой. Раздели. И направили в него пушку-охладитель. То есть в одну сторону она дует холодную, в другую, соответственно, горячую.

Ну, как кондиционер такой. Ну и всю ночь он просидел под этим кондиционером. Его замораживали зимой.

Со мной в группе, когда мы пошли на БЗ, был Николай. “Лата” позывной. У него было раздроблено колено. Все дошло до того, что ему не оказывали медицинскую помощь настолько, что, когда ногу перевязывали, у него потом начались фонтаны гноя из ноги.

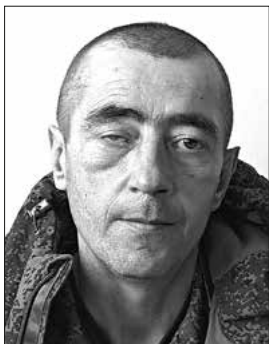
Когда его уже все-таки отправили на лечение, он уже был в таком состоянии, что его выносили на носилках.

И вот, когда его в поезд погрузили, через 10 минут ему стало плохо, и он умер. То есть уже просто констатировали смерть.

А в СИЗО нас, по сути, морили голодом. Могли на завтрак дать одну столовую ложку каши».

***Харунжий Николай Александрович, российский воен-
нослужащий, подвергшийся украинским пыткам.***

«Я был ранен в бою. Они тащили своего раненого. И я тут на дороге валяюсь. У меня бессознательное состояние.

В общем, подобрали. Запихали в свой броневик, как они мне объяснили позже. Если бы их не был ранен, убили бы меня. Мы бы и тебя, говорит, завалили. А так, говорит, собираем на обмен.

Привезли меня в какой-то частный дом. Ну, били, пинали всю ночь.

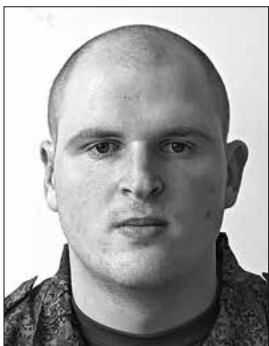
Завезли в больницу, в госпиталь. Заклеили мне там, где ранение у меня, спина простреленная. Просто заклеили.

Не знаю, пуля там осталась или нет, доставали они ее или нет, я не понял.

Избивали палками, трубами, лупили хорошо руками, ногами. Били-били, колотили.

В тюрьме рассказывали, как хохлы собаками травят, руки, ноги, ребра ломают».

Черняков Иван Евгеньевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Когда в плен взяли, пинали ногами, палками били. Потом привезли в подвал. Там стали издеваться – голову ключом пробили. Пакеты на голову надевали, держали, чтобы задохнулись люди. Душили. По ребрам били. Заставляли записывать видео, что Россия плохо – угрожали колени на ногах прострелить, пальцы на руках отрезать.

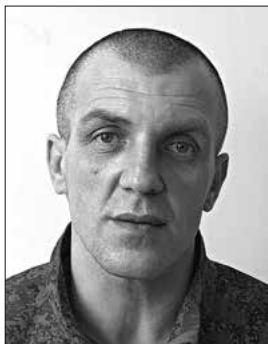
Ребята рассказывали, что одного нашего прямо из их подвала увезли, его застрелили. У него заражение крови уже было, и ноги были прострелены».

Некрасов Евгений Игоревич, российский военноту-жающий, подвергшийся украинским пыткам.

«Меня хохлы душили веревкой. Затягивает человек и рукой держит. Трубой по голове били, след остался. Глаза завязаны, и руки связаны. И потом в СБУ били. Такой огромный детина. Если слово не так говоришь, сразу по голове.

В лагере люди рассказывали, что их и электрошокерами пытали, и на электрический стул сажали.

Стреляли в них из пистолета пьяные хохлы, колено, ноги простреливали. Напьются, и давай издеваться».

Левин Сергей Алексеевич, российский военноту-жающий, подвергшийся украинским пыткам.

«Раздевайтесь, кричат, раздевайтесь. Начали избивать палками, трубами, глаза завязаны. Приходят с битами, говорят, а, ты с «Вагнера». И начали меня бить. В основном, они меня заваливали. Потом передали другим каким-то спецслужбам.

Я говорю, у меня ноги. Заставили разуться, а я потом обуваться не могу, они же распухли, они обмороженные были и распухли. Ну, такие боли, мне не до чего, я ору, убейте, застрелите, я уже жить не хочу просто. Они передали другим, другие повезли.

Допрашивают, избивают, допрашивают, избивают.

Потом приехал какой-то их командир. Этих дальше отправляя, этого – на меня говорит, – обнулить.

Типа, ну, застрелить. Я думаю, все. Думаю, слава Богу. Честно, я рад был. Если честно, я был рад, чтобы меня застрелили.

Ну, что-то они туда-сюда. Мешки на голову надели и повезли дальше. Привезли опять – деревня какая-то. Нас выгрузили.

Раздевают и на улице нагайками бьют. Я помню, нагайка, потому что у меня рассекло все здесь. Глаз, кровь. Потом кто руками, кто ногами, кто чем, у кого что было. Потом в гараж, и холодной водой обливать. В гараже стул железный стоит, сажусь на этот стул, начинают пристегивать просто ремнями. И вот на половые органы вешать начали и ток включать. Я кричу, застрелите. А еще при этом бьют. Закинули в подвал. Мы там неделю жили. Я ходить не могу, у меня нога. И издевательства каждый день.

Я у него пробыл две недели, и у меня уже начало мясо отваливаться от ног, гноиться. Меня вывезли в Киев на тюрьму, в СИЗО. Говорили, там тебе ноги отрежут. Там женщина пришла, медик. Она говорит, вот тут ты мне и сдохнешь. Наверное, недели две пробыл.

Как раз Красный Крест приехал. Там доктор говорит, его надо вывозить, то есть надо ему что-то делать. Они говорят, да мы разберемся, что тут надо. И украинский доктор мне пальцы просто на вот эти ноги, чук-чук-чук-чук, отрубил просто на живое. Я говорю, вы что делаете? Вы просто на живую, представляете? В лагере мне хирург говорит: должен терпеть. И начал резать просто, отламывать. Отрезали, я там орал. На живую, конечно, никаких там обезболивающих не было, просто на живую».

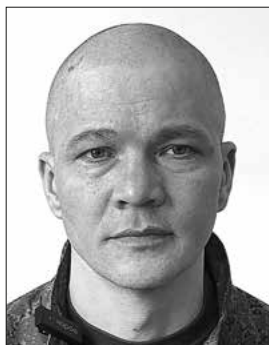
Якимов Николай Павлович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Были такие, которые попали в плен, но их потом нигде не видели. Я знаю точно, что двоих они добились раненых наших, когда взяли в плен.

Мне глаза завязали изолентой и вот всю дорогу там уже лупили. Пацаны потом рассказывали, что там был какой-то рыжий дед с клюшкой для хоккея с мячом. И он сам лупил

этой клюшкой по рукам, руки тяни, вот это я слышал сам. Потом одному он говорил, жопу или яйца.

И заставлял его что-то выбрать. Тот отнекивался, он его бил постоянно. Вот это я слышал по дороге. Это самый момент страшный, когда тебя везут с момента плена и до СИЗО. Тебя еще нигде не зафиксировали, что ты пленный, и с тобой может что угодно случиться. Вот там они бьют жестко. Еще вот, когда везут тебя, там заставляют орать “Слава Украине”.

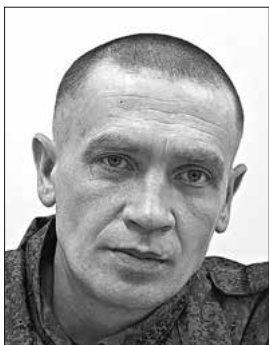

Во время приемки все в балаклавах, ну, лица скрывают. Ругаются: козлы, русский мир. Температура у тебя или еще что-то, ты должен был стоять. А там еще одежда холодная. Ты на холоде стоишь, тебя трясет. Ты по два часа можешь стоять. За время, пока я там был, 4 человека, по-моему, умерло. Я видел много людей с простреленными руками. Вот именно кисти рук простреленные, пальцы переломаны – много таких тоже попадает».

Легких Максим Александрович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Я попал к Правому сектору. Заставляли какие-то песни петь – “бандеры наши”, песни их. Эти флаги бандеровские, правого сектора висели у них. И избивали. Потом в контрразведке я потерял левую сторону зубов. Глаза закрыты. Били в тактических перчатках. Там душевая была переделана, где матрас брошен был, на стенах как какая-то радуга, цвета радуги были раскрашены. Школа какая-то была.

Там лежал парень, он из Луганска. Сильно побит, у него коленки были распухшие, одна как три, и лицо сильно повреждено. Я не мог понять даже, как его зовут. Утром меня забрали, его там оставили.

Пока везли до Харькова, до СИЗО, насчитал я 7 пересадок на машинах. И все эти 7 пересадок били.

Сняли с меня обручальное кольцо, даже крест забрали. Сказали, больше не пригодится. Попросил крест оставить. Все забрали.

Одному парню с позывным "Майбах" на лбу букву "В" "азовцы" выжгли. Прямо выжигали на лбу.

Его привезли на лагерь, и приехал с проверкой Красный Крест. Но его спрятали, не показали Красному Кресту.

В Киеве я на себе испытал: украинский хирург с медсестрой без обезболивающих режут. По живому мне ногу резали.

Меня держали пять парней и из полотенца сделали кляп, я чуть кляп не перегрыз от боли. Через день они приходили, каждая перевязка, прочистка ноги, это все повторялось раз в раз без обезболивающего.

Это хуже, наверное, садизма. Я не знаю, как это назвать. И так в Киеве именно в СИЗО занимаются.

Там со всеми так. Там все орут, все изнемогают. Там всегда так».

Румянцев Илья Сергеевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Меня пытал "Азов". Как они говорили, "защитники Мариуполя".

Они на правой руке палками сломали два пальца, ключицу сломали, выбили два зуба, повредили ногу. Били палками, ногами. Это было в Луганской области, Серебрянническое лесничество.

Говорили всякие гадости против русских, что мы плохая нация.

Что Крым всегда был их и будет их.

В “Азове” нацисты. Есть люди, которые реально со свастиками, прямо показывали свою свастику. Один показывал нам татуировки, нацистскую свастику, и орел держит свастику, как в Третьем рейхе.

И говорил, что ему это нравится, что он любит Адольфа Гитлера. Он читает “Майнкампф” и гордится этим. Татуировки, свастика, Адольф Гитлер, там все по-немецки. Он считает себя украинским арийцем.

Как в Третьем рейхе».

Денисюк Николай Викторович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Меня привезли, как я из разговоров понял, в город Купянск, в какой-то подвал.

Приезжал каждый день какой-то заместитель командира их бригады.

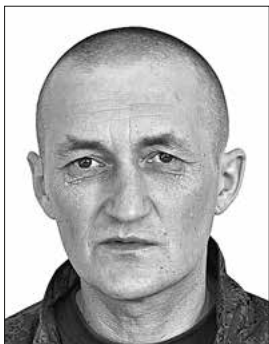
Ну и там избивали, били током – подсоединяли телефон армейский, был электрошокер, степлер строительный крепко угоняли в колени.

В колени еще вгоняли скрепки. И все это делал этот человек. Он полковник, по-моему. Ничего конкретно-го из информации он не хотел».

Хмелев Николай Сергеевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Когда меня привезли в больницу, там украинская медсестра надела перчатки и просто засовывала свой палец

указательный в шею, в дырку, и смотрела мне в глаза. Специально мне засовывала.

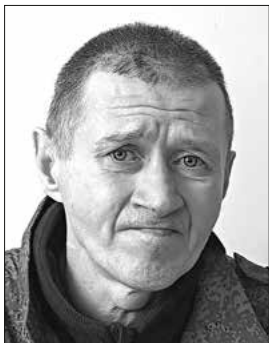
У меня дырка была в шее где-то с палец.

Без обезболивания. Она просто палец засовывала и ковырялась. Ничего не говорила, просто смотрела мне в глаза.

Это в Запорожье было.

Потом просто полили водой и забинтовали».

Пищенко Денис Игоревич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«В концлагере “Запад-4” хохлы к русским военнопленным относятся не как к человеку, а как к животному. Просто как к животному, на которое нужно орать, плевать, унижать, оскорблять.

Такие пинки, такие плевки, ну не делается, это не человеческое отношение, вот и все. Они всегда во всем правы, а мы, русские, во всем виноваты.

Что мы виноваты, что пришли на их землю. Хотя вот меня взяли около Локни, мы пришли защищать Курск.

А оказывается, с их украинцев подачи, это их Курск, это все их. Везде мы плохие. То есть все с ног на голову.

Как приезжает Красный Крест, они такие белые, пушистые, они такие замечательные.

Только Красный Крест уехал, и все – опять заново и еще хуже.

Все раненые, кто с рукой, кто с ногой, кто с одной рукой, без разницы, у кого забинтовано, все равно надо копать ямы.

Сегодня мы копали. Завтра, значит, мы будем затапывать, выравнивать. Послезавтра будем заново. Бессмысленная работа.

Просто издеваются, постоянное унижение, оскорбление».

Смецкой Андрей Юрьевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Когда в яме был, очень сильно били.

Одного человека выдернули, он не вернулся, хохлы его убили, вывезли в мешке.

Дальше в Харьковском СИЗО разные пытки были.

Ногу мне прострелили два раза при пытках из пистолета.

Били электрошокерами.

Даже в глаза распыляли газ.

Дубинками, трубами пластиковыми и металлическими били.

Заходили, у них не было шевронов, здоровые дядьки накачанные, просто избивали всех.

Человека на моих глазах, Юрия, убили до смерти, забили, просто ногами забили. Его били четыре человека. В Харьковском СИЗО забили до смерти.

Это происходило на протяжении месяца и недели – пытали, избивали. То каждый день, то через день стабильно.

Когда мне ногу прострелили, пуля навывлет вышла, а вторую пулю они достали уже прямо на живую, без обезболивания. Вообще просто на живую взяли и проводили операцию без обезболивания».

***Городецкий Виктор Александрович, российский воен-
нослужащий, подвергшийся украинским пыткам.***

«Били мне ногу, а она насквозь была прострелена. Они просто запинывали, она у меня стала баклажановая. И вот этот мультикам, он даже не налазил на нее. Оно так разбухло. Это они делали специально.

Ребра мне сломали. С этой стороны, справа чуть выше. Тут тоже был перелом. И позвоночник отбитый. Это избиение палками, ногами. Тоже пластиковые трубы применяли, потом металлические.

Хохлы грозились на бутылку посадить. Они эту забаву свою называли бутылочкой. Играть в бутылочку – отрезание половых органов, кастрация. И все это они снимали на телефон. Двое держали меня. Один снимал. Угрожали отправить родственникам это все. Сказали, отправят матери, жене.

Один вытащил нож, разрезал штаны, спустил. Это на видео они все снимали. Я потом уже понял, что это психологическое давление было. Они все ненормальные, неадекватные.

У нас в украинском лагере дед один умер. Ему просто вовремя они не оказали медицинскую помощь».

***Давыдов Андрей Александрович, российский военнору-
жащий, подвергшийся украинским пыткам.***

«Когда нас взяли в плен, привезли в какое-то здание, допрашивали по одному, шомпол прямо в рану пихали, изби-вали ногами, кулаками.

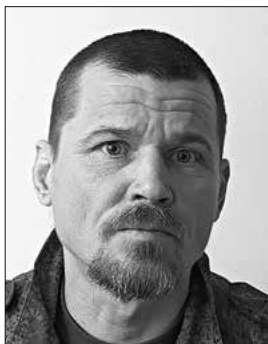
Спрашивали, хочешь остаться без ноги? Типа, я дам ко-манду, у тебя, говорят, не будут ослаблять жгут, и через пару суток тебе ногу врачи отрежут.

И передавали нас два раза, получается. Сначала один допрос был, потом второй.

На втором допросе там даже только завели, сразу начали бить.

Один, кто избивал, просто спросил: “Вы хотели видеть Бандеру?” Типа, вот он я. Я, говорит, здесь просто по работе. На то, что здесь творится, в этой части Украины, мне глубоко наплевать. Я живу на Западной Украине, до меня, говорит, ракеты не долетают.

В лагере один наш рассказывал, как двух российских военнопленных хохлы убили, забили палками. Он говорит, меня только привезли в подвал, показали на место, там просто на бетоне постелен картон. Он был весь в крови. Когда хохлы ушли, ему ребята военнопленные сказали, что буквально сегодня забили человека палками, он умер. И сказали, что следующая очередь твоя. Его на следующий день вывезли, он видел два трупа наших солдат».

Палицын Владимир Юрьевич, российский военный, подвергшийся украинским пыткам.

«Еще на первом допросе я лишился зубов. Выбили хохлы зубы. Посадили на электрический стул. Электроды были на половом органе и на груди. Электроток пускали в трех режимах. Они “танцы” устраивали – переключали с медленного на большой ток. Я думал, у меня глаза выскочат. Они ритм подбирали, когда с медленного на большее, тогда тебя трясет.

Руки связаны, глаза завязаны, выбили зубы, попинали. На этом как бы первый подвал закончился, загрузили, повезли во второй.

К знаменитой собачке Дяде Федору. Поколотили, закинули в подвал.

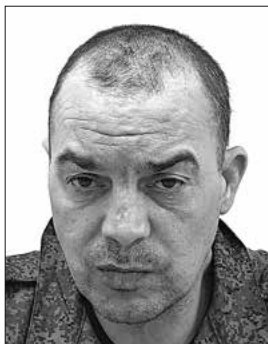
На следующее утро часов в семь подняли, вывели вдоль стенки, заставили раздеться всех догола, совсем догола, и начали просто избивать. Кого арматурой дубасили, кого

дубинками куда попало, без разницы совсем. Меня потащили в другой подвал, а собаки в это время рвали руку. Меня трое тащили, а собаки на руке ехали, вцепились до кости.

Завели в другой подвал, и там уже началась светомузыка. Били. Грудь, спина, шея, голова – им без разницы куда было бить.

Одного хохла с прутом, с бородой не забуду. Он меня бьет прутом по груди и по шее. Он меня просто лупит и улыбается. Он счастлив.

В то же время сидит собака Дядя Федор. Он сидит и может в любой момент за гениталии схватить. Я слышал, он уже хватал, чуть не отрывал. Хохлы поистязали меня и из шланга облили холодной водой».

Бессчастный Петр Викторович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Со мной в украинском концлагере сидели парни, которых пытали в подвале “у Саныча”. Они рассказывали, как им подсоединяли к половому органу и к соску прищепки и электрогенератор заводили, называли это “электрический стул”.

Потом собака Федя. Закидывали людей в вольер и травили собаками. Были все покусанные. У человека рука и бок весь прям полностью – собачьи укусы. Далеко не одного военнопленного собаки загрызли – съели. Насмерть.

А одному еще вдобавок, перед тем как уезжать оттуда, ему прям из чайника кипятком облили полностью ступню.

Он вот в этой Виннице на одной ноге прыгал, она там зажить даже не могла. А в Виннице там ни врачей нам не давали, ни еды, ни толком вообще ничего.

В СИЗО в Виннице на Стриженко нас каждое утро застраивали в коридоре на стенку, и давай по почкам – то дубинками, то кулаками. Потом выведут якобы погулять, загонят обратно, постояли подышали десять минут и заводят. И точно такая же процедура – опять по почкам бьют.

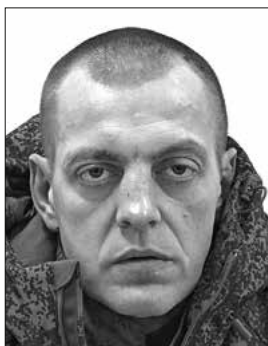
По ушам хлопали двумя ладонями, в грудь долбили так сильно, что я прямо по полу проезжал там метра два-три со стулом. У меня только недавно перестало хрустеть в груди, как вот после этого избиения».

Бритов Евгений Валерьевич, российский военнотружующий, подвергшийся украинским пыткам.

«В концентрационном лагере “Запад-1” рассказывали, как травили людей собаками. Одного буквально на глазах загрызли, он вытек в течение пяти минут. Другого закопали по шее и собаку очень близко подводили. Она была натаскана на людей. То есть был шанс, что она грызет ему голову.

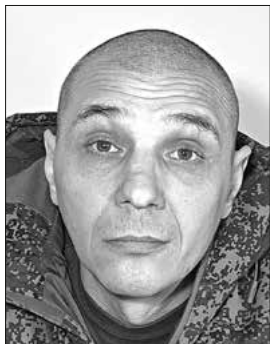
Каленым железом пытали парня. Большой гвоздь горелкой нагревают, и на живот. Сам видел эти шрамы у Максима Циолковского. Он из Луганска. Парень лет 25–27. Не знаю, где он сейчас, он оставался в “Запад-1”. И у него прямо видно в области живота следы от этого раскаленного гвоздя. Несколько хороших шрамов по десять сантиметров. Они раскрывались, эти следы четко видно.

Людям при перевязке украинские врачи просто ланцеты в рану засовывали и проворачивали несколько раз. Когда мне бинты снимали, врач в раздробленный палец упирался ножницами на излом и с удовольствием все это делал.

Причинял физическую боль. Ему это нравилось. В итоге только побрызгал, то есть медпомощи не оказал».

Родионов Михаил Иванович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Когда нас взяли в плен, мне связали глаза и руки за спиной и пинали ногами по лицу.

Потом они меня передали в Купянск СБУшникам.

Там меня били саперной лопаткой. Посмотрели мой военный билет – что я служу долго. Уже из-за этого меня избивали лопаткой саперной.

Потом нас увезли, в другой дом перевезли. С завязанными руками и глазами.

Ставили пистолет к голове. Потом подвал, яма, потом начали бить железной трубой. Потом, когда вызывали меня на допросы, шлангами душили.

Один допрашивал, один находился рядом и шлангом душил. Говорили, что на органы разберут меня и тому подобное. Душили палками и палками избивали.

Тоже самое в Харькове в тюрьме.

Какой-то там был Вася, там “Вася-бей”. Меня били именно по моей ране.

В концлагере люди рассказывали, как их собаками травили, ротвейлерами, ток запускали, гениталии угрожали отрезать, одному стопу просверлили, ногу просверлили. Сначала его били, а потом просверлили ему ногу в двух местах. Били палками, железными прутьями, железными трубами, дубинками по рукам, руки отбивали, ломали кисти. По два человека избивали и заставляли, чтобы они друг друга описали».

Амертинов Владимир Степанович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«В концлагере “Запад-4”, город Львов было порядка 800 человек, 90% хохлы подвергали до этого пыткам.

Наша группа, которая в плен попала, – кого-то дубинками били, ребят некоторых на электрическом стуле пытали, собак травили на них. Они покусаны были, товарищ здесь находится, обменяли его со мной. У него после пыток собаками мизинец на правой руке не работает.

Влажную тряпку на лицо – и водой поливают. Человек дышать не может просто-напросто.

Их пытали в районе Суджи, в каких-то домах.

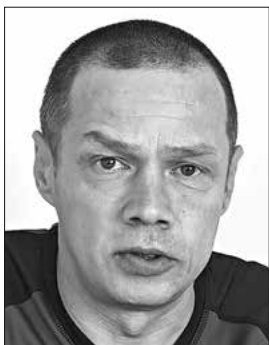
А еще меня там заставляли сказать, что мы используем химическое оружие. Это был сотрудник Следственного комитета Украины. Это уже было непосредственно в лагере.

Стояла камера, следователь рядом с ней, и сзади следователя за камерой стоял вооруженный человек. И меня предупредили сразу, сказали мне, что говорить. Они потребовали сказать, что химическое оружие у нас было, сказать, что были снаряды под РПГ с буквой Х. Бумаги заставляли подписывать.

Когда ребята отказывались подписывать, их увозили в Киев в подвалы, в которых ребят голодом морили и избивали. Запугивали, что найдем твоих родственников, расчленим, уничтожим».

Евстигнеев Юрий Андреевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Били руками, биты были, ноги ребятам ломали. Я был в очень плохом состоянии, после четырех пулевых меня, можно сказать, символически избивали.

Двоих ребят украинские военные яму заставили копать для расстрела собственного. Какое-то командование их спускалось к нам в подвал, где мы находились. Сказали, к вечеру чтобы всех расстрелять.

У меня простреленная стопа, и мне хохлы наступали на ногу, колено выворачивали. Специально били по ранам. У меня пальцы перебиты, мне руку сжимали.

В Харькове в тюрьме врачи делали свою работу, но специально, чтобы это было больно. У меня колено распухло, и они ножницами прямо по живому. Они говорили при этом: "Что, больно там?"

Помню парня Максима, он электрический стул проходил. Его били током, и у него после этого были помутнения. Он в себя очень долгое время приходил. Это было, может, месяц, прежде чем он в себя пришел.

Собаками травили ребят. Со мной были в лагере парни с укусами от собак, то есть специально натаскивали на, как они говорят, москалей. Избивали, ломали кости битами. Вырезали одному парню крест немецкий на спине, фашистский крест.

Я в "Западе-1" прямо видел свастику, ее вырезали ножами. Проходили люди электрический стул, биты, избиения, расстрелы. Все по одному сценарию.

Киевский режим, если взять эти подвалы, которые проходишь, это реально какая-то фашистская организация. Когда уже в тюрьму попадаешь, ты, возможно, будешь жить. Но это только возможно. В подвалах у тебя маленькие шансы выжить. Тем более, если ты раненый.

Знаю парня, его лопатой забили просто насмерть в подвалах. Вот именно украинские фашисты.

Если кто-то, допустим, приезжает или там смотрит, они пытаются показать европейцам, что они такие положительные.

Ну, понятное дело, ты там не станешь говорить обо всем, что произошло, Красному Кресту. Им правду не говорят, им пленные не доверяют, потому что на Красный Крест смотрят как на протекцию украинскую. Если скажешь правду, потом могут просто убить и забить».

Рыжин Дмитрий Сергеевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Во время штурма нас с Алексеем Сопрыкиным взяли в плен возле населенного пункта Песчаное. Мы были оба ранены.

У меня было пулевое ранение, а у Алексея осколочные ранения множественные. Когда нас взяли в плен, то Алексея безоружного расстрелял украинский боец. Мне повезло остаться в живых. Просто расстреляли. Он был без оружия. Руки-ноги у него были повреждены осколками гранаты.

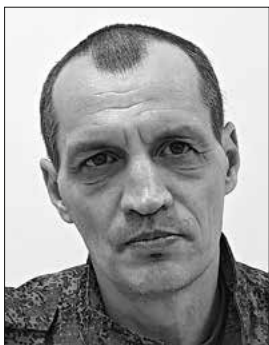
Его просто со злости расстреляли.

В СИЗО люди рассказывали многое. Кому-то отрезали пальцы. Электрические стулья применяли, топили водой.

Я раньше думал, что такое может быть только в кино. Но нет, оказывается, украинская фантазия очень обширная. Кого-то закапывали в песок до самой головы, травили собаками. Я видел у людей следы укусов собак».

Скорлупкин Евгений Анатольевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Как в плен взяли, завезли нас в какой-то дом, я так понимаю, у них там что-то типа какого-то штаба было для дрончиков. Дубасили нас руками, ногами, дубинка резиновая была, шланг был, прикладом автомата. Два раза я терял сознание.

После того, как я второй раз потерял сознание, приехали покупатели. Я так понял, 36-я бригада морской пехоты.

Привезли в подвал, к нам специально обученный хохол ездил. Позывной его "Фунтик". Руками, ногами, шлангами, полипропиленовыми трубами, электрошокером нас пытал.

Первые месяцев пять через день ездил. Он от пыток получал несказанное удовольствие.

Он пытался нас воспитывать. Учите гимн украинский, учите стишки украинские. На бумажечке на украинском языке раздавал. Если не помнили – пытал.

Потом, видно, начальству перестало нравиться, что мы там вопим во время пыток. Короче, попросили его ездить реже. Ну, чуть-чуть реже».

Четников Роман Валентинович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«В настоящее время в украинском концлагере "Запад-1" во Львове находится военнопленный Артем Евгеньевич Самойлов. У него хохлы вырезали свастику. Его прятали от Красного Креста.

Когда меня схватили, приехал Брэдли, завалили на пол.

Кому-то на лицо наступили, мне автомат в висок. Хохлы – молодые, агрессивные, ну, звери.

Я говорю, ты сейчас голову продавишь. А он мне: "Заткнись, иначе сейчас вообще никуда не доедешь"».

Бровкин Андрей Валерьевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

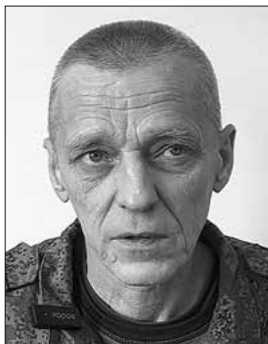
«Наливали воду на лицо – топили.

Били трубами железными, битами, которые набиты песком, резиновыми дубинками.

Кто-то на электрический стул попал.

Собаки обязательно. Это первым делом. У меня две штучки было там. Ротвейлеры. Они покусывали всех.

Хохлы – садисты».

Макушин Николай Иванович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Начали бить еще те, что взяли в плен. Потом передали меня другим. Другие меня привезли в подвал тоже.

Хотели руку мне пережать, потом посмотрели на меня, смотрят, черви там у меня уже завелись. Помолотили хорошо, зубы выбили. Потом уже в Днепропетровск приехали, там меня в больницу отвезли. Резали на живую все. Рука до сих пор не работает.

Потом в украинский концлагерь попал. В лагере хохлы что хотят, то и сделают.

Заводили в комнату, отбивали. Мог и дежурный зайти тебя побить. Ногами кто-то, некоторые инспектора их – дубинками. Большинство ногами били. За полгода один раз перевязку сделали. Таблетки очень трудно у них выпросить».

Должинин Вадим Валерьевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

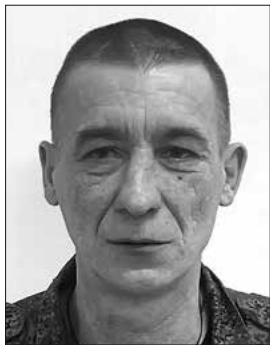
«Нас передали “азовцам”. Говорят, вы знаете, куда попали? В “Азов”, типа, вам типа капец пришел. И прямо по приемке, прямо из машины до этой клетки мы ползли, а нас били ногами, руками.

Там какой-то гараж, и там клетки наварены. У меня повязка слезла. Смотрю, там вот напротив меня нашего бьют огнетушителем. Еще банкой какой-то наполненной, полной банкой били. Меня тоже огнетушителем

били. С месяц, наверное, дышал, и у меня там щелкало все.

После клетки нас повезли, на каких-то перекладных везли. Там раза четыре пересаживали. Тоже прям хорошо так били. Везли в центральную тюрьму».

Киселев Олег Игоревич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Ногу сломали битой. На меня сразу накинулись двое или трое с битой с разных сторон. Разбили голову у меня. Я очнулся в луже крови своей же.

Руку сломали, ногу. Чашечки поотбивали. Все битой. Голову если поднимаешь на них, все засыпали битой прям.

Одного успел увидеть – он с бородой, молодой, лет под 30, такой здоровый. Один мне говорит, давай я тебе отрежу ногу, ты уже устал, наверное. Я говорю, лучше обнулять. Не надо мне ничего резать».

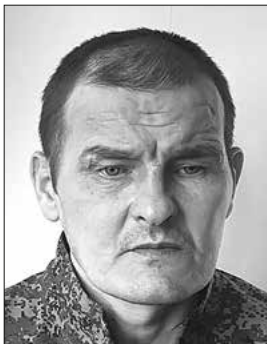
Чукуров Федор Васильевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Мне и двум другим пленным битой ноги сломали. Хохлы еще так издевались, говорят, сегодня будет чем избивать, шланг есть, черенок есть? И вот, решили битой. И нам всем троим ноги сломали.

И так же выкинули в сарай просто. До вечера лежали, потом опять в пикап. Открытый перелом. Никакой перевязки, ничего не делали.

Без обезболивания, на живую осколки вытащили из ноги. От врачей слышал матные ругательства в свой адрес, и по ноге пинали по больной.

Издевались и на телефон снимали».

Парков Евгений Витальевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Вывезли на поле, где из бетона куб без дна, холодный, плюс решетка ледяная, было холодно. У нас завязанные глаза, завязаны руки.

Прежде чем загрузить, нас избивали бейсбольными битами. Это были “азовцы”. Били битами “Азов” со свастиками. Говорили всякие лозунги свои, короче, ненависть к русским.

Я потерял сознание. Нас там продержали трое с половиной суток. Каждый день повторное избивание.

Одного из четверых так избили, что, как нас занесли обратно, он скончался. Когда этот человек умер, мне сказали, что ты следующий».

Калиф Рустем Фаритович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Я ходить не мог, а когда вылез, хохлы мне еще вторую ногу прострелили.

Сказали, бросьте его.

Один перезарядил автомат, хотел уже задвухсотить, но что-то передумал.

В итоге увезли, привезли в подвал.

Там уже именно по раненым местам, по колену специально пинали.

А пятаку мне дубинкой отбили на другой ноге.

Потом нас повезли в СИЗО, в город Харьков.

По дороге машин 5–6 сменились, и обзывали всем, и пинали».

Николаев Юрий Петрович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Нас забрали “азовцы”. Били жестко. Когда привезли к себе, у них в гараже клетки наварены.

И вот туда нас запускали.

Мешок на голову надевали и били руками, ногами, огнетушителями. Ребра ломали, по спине били.

По лицу не били, чтобы следов не было видно.

Других током били».

Беляев Сергей Михайлович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Один сразу 200 из тех, кто в плен попал.

Второго украинцы доби́ли. Обну́лили. Он тоже раненый был. Оба были луганские.

И вот там нас били. Меня украинцы цепью били.

Прямо вот до сих пор этот звон цепи помню.

Глаза замотаны были все.

Били меня по голове, топтались по ноге как раз по раненой. Помню, что по ногам ноги везде били».

Фоменко Иван Иванович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Хохлы нас раздевали наголо, потом брали биты, дубинки, палки и избивали.

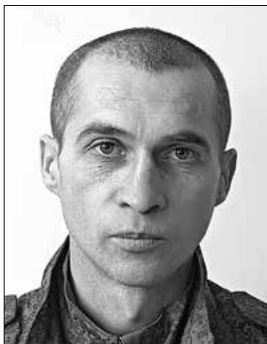
Отправили двух собак, чтобы они нас рвали, а они на это смотрели.

Еще кнуты использовали, нагайки. Короткая ручка, да и на конце там как проволока какая-то металлическая. Трубами били.

Электротокотом некоторых пытали.

Там, где я был, в подвале, там была пыточная камера у них специальная.

Они половину так избивали, половину туда водили, там пытали».

Ворчук Александр Сергеевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Как взяли в плен – стреляли и хотели меня просто убить. Прямо откровенно сказали. В ноги стреляли – ноги прострелены. Автоматом прижигали те осколочные раны, которые у меня уже были. Там они меня таскали, как кусок какого-то...

Дальше потом отвезли на фургоне в подвал, переодели в украинскую одежду. Электрошокером пытали, пакет на голову надевали, душили, я терял сознание. Электрошокером приводили в сознание. Раны прижигали. Целую ночь били и палками, и трубой. Душили, терял сознание, приводили в чувство электрошокером. Опять допрос. Три подвала я посетил. Во всех трех подвалах издевались. В Харькове то же самое. Тоже били».

Дегтевич Юрий Ильич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Посередине ночи мы услышали стрельбу. Выходит один из украинцев, кто нас охранял, и начал нам кричать, что вот я вам говорил, чтобы не дергаться, вот одного вашего уже застрелили из машины. И на следующей ночи опять стрельба. Они опять пришли, и сказал, что вот еще одного убили, кто хочет следующий, попробуйте дернуться, и мы будем стрелять. Расстреливали наших получается. Двоих расстреляли. И украинцы сами этим хвастались.

Когда мы были все в одном месте, они просто подходили и говорили, что кто дергается, тех будем расстреливать».

Ушаков Игорь Игоревич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«В лагере ребята рассказывали, что к электрическому току их подключали, догола раздевали и клеммы вешали.

За конечности вешали, бейсбольными битами голову проломали.

Один попал в плен здоровый, потом приехал уже в лагерь, череп загнил – осколки в черепе.

Лопатками саперными забивали. Потом добивали, расстреливали. Казнили людей. Много таких историй».

Мякишев Иван Петрович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Они в свой праздник избивали всех пленных, как могли. одному даже руку раздробили дубинкой. Электрошокер, дубинки.

Когда я приехал на “Запад-4”, там один пленный просил мазь от ожогов, ему не дали. Его пытали раскаленной трубой, катали по всему телу. На костре нагревали и по телу катали.

Я с человеком беседовал, которому на руку натянули жгут и затянули пока рука не онемела, полностью не атрофировалась. Прошло уже полгода, он не может ей шевелить. Она похудела, посинела и все.

Собаки – это их излюбленная тема, по-моему. Бойцовские породы они держат и не кормят, обозленные собаки.

Еще не поменяли человека, который находится в плену. У него все ноги до сих пор гниют. Все от укусов собак.

Электрический стул. Бьют до посинения, ломают конечности, руки ломают.

Говорят, они тебе больше не пригодятся».

Подать Валерий Александрович, российский военный служащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Трубами били, досками, кувалдой деревянной, киянкой.

Насилие сплошное, когда нас из подвала в подвал транспортировали и на блокпостах в сторону Харькова.

На блокпостах из машины выкидывали и тоже киянкой и битой били.

Ребра сломали».

Шурахов Александр Анатольевич, российский военный служащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Нас отвезли к “азовцам” в яму. Нам сразу всем прибывшим сказали раздеться догола и нас били плетками, палками, дубиной.

Одного из нас били по голове, потом он целый день ходил хрипел, ребра были поломаны.

Утром просыпаемся, а он скончался. Его еще плеткой били, такие толстые нити, между собой связанные. Одна была рыжего такого цвета, а другая черного и с такими железными штучками на хвостах.

Заставляли повернуться лицом к стенке и били всех по очереди. Там они меняли плеткой и били дубинкой и палкой.

И еще они любили ротвейлеров. Вот у меня ухо повреждено. Это она меня покусала, собака-ротвейлер.

Кто пытали, не скрывали, что они “азовцы”.

Нас пытали током, присоединяли электроды к половому органу и к груди.

И вот еще завязывали мешком голову и душили. Ты еще живой? Ну ладно, живи. Просто черный мешок полиэтиленовый».

Потапов Николай Владимирович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Попали в подвал, били металлическими трубами, арматурой, руками и ногами.

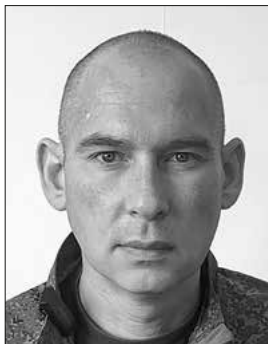
Когда надоело, били арматурой и железкой.

Били до утра. Говорили, им начальство сказала, чтобы у пленных были чистые кисти рук и лицо. Чтобы они были без синяков. Остальное делайте, что хотите. Били по левой ноге.

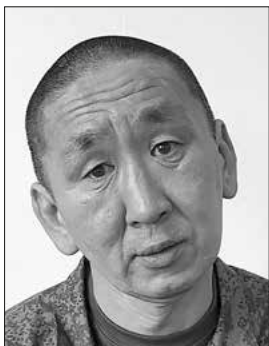
До этого был сброс, граната на меня, осколочное ранение. Именно по этой ноге они и прыгали, где было осколочное ранение. Там ее сломали.

Я не знаю, там, может быть, больше от осколка досталось. Хохол наступал и слушал хруст. Он говорит: глянь, там похрустывает. Там же перелом. Доламывали, получается. Добивали. Ребра сломали. Я себя очень плохо чувствовал: 5–10 метров, а у меня была одышка такая, что я думал, мне не хватит кислорода.

В лагере рассказывал один, что ему хохлы стреляли в ногу. Одна пуля застряла у него. А одна стопу прямо пробила. Это в подвалах тоже делают».

Гергенов Очир Дугарцренович, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Хохлы били бейсбольными битами по всем суставам. По коленям, по плечам, по рукам. Они у меня до сих пор все болят. Я теперь не могу два раза отжаться от пола, не могу даже матрас или подушку поднять.

Они: “Вот, ты садись сюда, сюда, поближе, бурят, давай сюда”. Я впервые в жизни узнал, что такое электрошокер.

Жарили долго. Жарили, жарили, жарили... Час с головы до ног. Тильную сторону тела обжарили. Ну, делать

ничего, ничего там. Они все жарили, жарили, жарили...

Потом в итоге, когда в СИЗО приехали, чувствуется, что горелым мясом пахнет. Когда пришли в СИЗО, разделся, пацаны даже обалдели, короче. Весь обжаренный.

Хохлы фотографировали друг друга со мной, били и потом через интернет, через WhatsApp пересылали.

“Прикиньте, мы бурята поймали”. Говорили мне: “Давай нож под ребро посадим, половые органыотрежем, анальное отверстие запеним”».

Свечников Василий Васильевич, российский военнослужащий, подвергшийся украинским пыткам.

«Хохлы сказали, что мы якуты, а якутов мы ненавидим. Поэтому нас били. Били по спине, по голове, по ногам. Потому, что мы якуты.

Потом в Харькове тоже били.

Потом в больнице тоже издевались».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Вступление.....	5
Преступления ВСУ в Курской области.....	9
Массовый расстрел ВСУ мирных граждан в г. Селидово (Донецкая Народная Республика).....	71
Пытки и убийства захваченных в плен российских военнослужащих.....	117

ДЛЯ ЗАМЕТОК

[illegible]

ДЛЯ ЗАМЕТОК

[illegible]

ДЛЯ ЗАМЕТОК

[illegible]

ДЛЯ ЗАМЕТОК

[illegible]

**ЧЕРНАЯ КНИГА
ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
КИЕВСКОГО НЕОНАЦИСТСКОГО РЕЖИМА
(Материалы Международного общественного
трибунала по преступлениям украинских
неонацистов за 2025 г.)**

Формат 60×90/32

Печ. л. 5,6. Тираж 30 000 экз.

Заказ № 1237-2026

Отпечатано в АО «Красная Звезда»

117342, г. Москва, Севастопольский проспект, д. 56/40, с. 1

+7 (495) 191-21-91, www.redstarprint.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
нацистов